

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Founder: Financial University
under the Government of the Russian Federation

Журнал включен во вторую категорию Перечня
рецензируемых научных изданий ВАК (K2) по научным
специальностям: 5.4.2. Экономическая социология
(социологические науки). 5.4.4. Социальная структура,
социальные институты и процессы (социологические науки).
5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2.
Политические институты, процессы, технологии (политические
науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые
политики (политические науки). 5.5.4. Международные
отношения (политические науки). 5.7.2. История философии
(философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая
философия (философские науки). 5.7.8. Философская
антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the second category of the List
of VAC's peer-reviewed scientific publications (K2)
on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological
sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and
processes (social sciences). 5.5.1. History and theory
of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions,
processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public
administration and sectoral policies (political sciences).
5.5.4. International Relations (Political Sciences).
5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences).
5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences).
5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture
(philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 15, No. 1, 2025

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского государственного университета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Пляйс Я.А., доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор-исследователь, кафедра политологии факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шапалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodovskaya E.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, D. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., Dr. Sci. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Osipova N.G., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Plyays Ya.A., Dr. Sci. of Political, Dr. Sci. of Historical, Professor, Research Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Polevaya M.V., Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sillaste G.G., Dr. Sci. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Truel J.-L., Dr. Sci. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Wilcox K., Dr. Sci. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., Dr. Sci. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: «МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Ильина Ю.И.

Инструменты политики «мягкой силы» 6

Андреанов В.В., Сироткин М.С., Баженова М.В.

Международные энергетические проекты России как инструмент «мягкой силы» 19

Лукушин В.А.

Современные практики легитимации дистанционного электронного голосования
в контексте обеспечения электорального суверенитета Российской Федерации 34

Наумов В.Б., Силкин П.Б.

Способы противодействия украинским ложным новостям об СВО в мессенджерах
и интернет-пространстве 43

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Шебанов А.В.

К вопросу о концептуальном обосновании объединения СГРБ в современном дискурсе. 53

Соколова Н.И., Гимаев Я.А.

От формирования экологической культуры к экологической экономике 64

Полторак А.А., Зубенко В.А.

Состояние взаимозависимости экономик Китая и США: от Кимерики к размежеванию 74

Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В.

Шанхайская организация сотрудничества: этапы расширения и перспективы эволюции. 87

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Заславский С.Е.

Институциональные параметры как фактор количественной динамики российской партийной системы
в 2012–2024 годах 95

Ежов Д.А.

На волне хайпа: деструктивные идеологии в политическом дискурсе 107

Рогач О.В., Куртенкова Ю.Е., Шахвалиева А.З., Мельникова А.И.

Роль инклюзивного дизайна в урбанистике: социологический аспект. 114

Фролова Е.В., Калинин А.А.

Развитие общественных пространств как объектов туристского притяжения 124

Тен Е.А.

Изучение различий культур — важный способ минимизации рисков в международных проектах. 133

Адамская Л.В.

Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты 138

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Алексеев С.В.

Древнерусская элита X–XI веков: вопросы генеалогии. 144

COVER STORY: "SOFT POWER" IN DOMESTIC AND FOREIGN POLICY

Irina Yu.I.

Instruments of "Soft Power" Policy 6

Andrianov V.V., Sirotkin M.S., Bazhenova M.V.

Russia's International Energy Projects as a Tool of "Soft Power" 19

Lukushin V.A.

Modern Practices of Legitimizing Remote Electronic Voting in the Context of Ensuring the Electoral Sovereignty of the Russian Federation 34

Naumov V.B., Silkin P.B.

Ways to Counteract Ukrainian False News about SMOs in Messengers and Internet Space 43

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Shebanov A.V.

On The Issue of the Conceptual Justification of the Unification of the USRB in Modern Discourse 53

Sokolova N.I., Gimaev Ya.A.

From the Development of an Ecological Culture to Creation of an Ecological Economy 64

Poltorak A.A., Zubenko A.V.

The State of Interdependence Between the Economies of China and the United States: From Chimericity to Separation 74

Kochetkov E.E., Bestaeva E.E.

Shanghai Cooperation Organization: Stages of Expansion and Prospects of Evolution 87

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Zaslavsky S.E.

Institutional Parameters as a Factor in the Quantitative Dynamics of the Russian Party System in 2012–2024 95

Ezhov D.A.

On the Wave of Hype: Destructive Ideologies in Political Discourse. 107

Rogach O.V., Kurtenkova Yu.E., Shakhvalieva A.Z., Melnikova A.I.

The Role of Inclusive Design in Urbanism: A Sociological Aspect. 114

Frolova E.V., Kalinkin A.A.

Development of Public Spaces as Objects of Tourist Attraction 124

Ten. E.A.

Studying Cultural Differences is an Important Way to Minimize Risks in International Projects. 133

Adamskaya L.V.

State Regulation of the Digital Economy: Applied Tools 138

HISTORICAL DISCOURSE

Alekseev S.V.

Old Russian Elite of the X–XI Centuries: Questions of Genealogy 144

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 15, № 1 (73), 2025

Главный редактор —

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов —

Д.В. Онегов

Выпускающий редактор —

А.А. Извекова

Корректор — **Н.В. Колобова**

Верстка — **Е.А. Смирнова**

Переводчик — **И.М. Евстратов**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.3
Тел.: 8 (499) 553-10-74

(вн. 10-83)

E-mail: aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

**Оформление подписки
в редакции**

по тел.: 8 (499) 553-10-71

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 21.05.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19 п. л.

Заказ № 657

Отпечатано в отделе полиграфии
Финансового университета
(Москва, Ленинградский пр-т,
д. 51)

© Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации

Editor-in-Chief — **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department —

D.V. Onegov

Managing editor — **A.A. Izvekova**

Proofreader — **N.V. Kolobova**

Design, make up — **E.A. Smirnova**

Translator — **I.M. Evstratov**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.3
Moscow, 125993

tel.: +7 (499) 553-10-74

(internal 10-83)

E-mail: aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Subscription in editorial office

tel.: +7 (499) 553-10-71

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 21.05.2025

Format 60 x 84 1/8.

Size 19 printer sheets.

Order № 657

Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt,
Moscow)

© Financial University
under the Government
of the Russian Federation

Инструменты политики «мягкой силы»

Ю.И. Ильина

РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — ознакомление с понятием «мягкая сила», методиками его применения и ролью данного инструмента в решении задач мирового сообщества. Неясная и противоречивая формулировка понятия «мягкая сила» породила огромное количество мнений относительно содержания его целей, задач и инструментов. В настоящий момент, с опорой на культурную дипломатию, выстроено огромное количество рейтингов, лидерство в которых дает возможность каждой стране реализовать свои цели в международной политике. В 90-х гг. влиятельный политолог и государственный деятель США Д. Най в своей книге свободного жанра ввел довольно противоречивое понятие «мягкая сила», которое быстро распространилось в публицистике и научно-популярных статьях. Сейчас это предмет изучения науки. Многие страны соревнуются в применении этой самой «мягкой силы»: в мире работает более десятка крупных международных аналитических рейтинговых агентств. Поэтому вполне закономерно ознакомиться с тем, что вкладывает в термин «мягкая сила» его автор, и как понимают его остальные. В ходе исследования были использованы методы анализа, синтеза, аналогии и дедукции. Изучение работ Най, его предшественников и современных авторов, развивающих его идеи, показало, что «мягкая сила» — мощный инструмент влияния на массовое «мировоззрение», его могут применять правящие круги высшего уровня для продвижения своей повестки, результат же будет зависеть от их изначальных целей. «Мягкая сила» — это набор разнообразных параметров рейтингов, своеобразная ревизия материальных и нематериальных ресурсов, позволяющая судить о возможности ее применения для влияния в международной политике теми или иными странами и, исходя из этого, прогнозировать мировые события. По мнению автора, понятие «мягкая сила» включает в себя идеологический инструмент, оказывающий влияние на самом высоком международном уровне — цивилизационном. Этот инструмент можно применить как для выстраивания взаимовыгодных культурных связей, которые позволят найти новые пути развития народов, так и использовать для манипуляции и тотального контроля путем ментального программирования огромных масс населения.

Ключевые слова: мягкая сила; жесткая сила; острая сила; Джозеф Най; инструмент идеологии; манипулирование мировым порядком; концепция элит; оценка эффективности управления

Для цитирования: Ильина Ю.И. Инструменты политики «мягкой силы». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):6-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-6-18

Instruments of “Soft Power” Policy

Yu.I. Ilina

RANEPA, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this article is to introduce the concept of “soft power”, methods of application, and the role it plays in solving problems facing the world community. Due to the unclear and sometimes contradictory definition of “soft power”, there are many different opinions on what its goals, objectives, and tools actually are. Currently, many countries compete for leadership in various ratings based on cultural diplomacy, which is not always true. In the 1990s, an influential political scientist and statesman from the USA, Joseph Nye, introduced the controversial concept of “soft power” in his book of free genre. This concept quickly gained popularity in journalism and popular science articles. Now, it is the subject of scientific study. Many countries compete in using “soft power”, and there are more than a dozen major international analytical rating agencies operating worldwide. Therefore, it is necessary to understand what the author means by the term “soft power” and how others interpret it. During the research, methods such as analysis, synthesis, analogy, and deduction were used. A study of Nye’s works, his predecessors, and modern authors who develop his ideas has shown that “soft power” is a powerful tool for influencing the worldview of large groups of people. It can be used by top-level establishment of society to advance their agenda, and the outcome will depend on their initial goals. “Soft power” is a set of various rating parameters, a kind of revision of material and non-material resources. This allows us to estimate the potential for

its use by individual countries to influence international politics and, on this basis, to predict world events. According to the author, the concept of “soft power” includes an ideological tool that exerts influence at the highest international level – civilizational. This tool can be used both to build mutually beneficial cultural relations that will allow us to find new ways of developing nations and to manipulate and control large groups of people through mental programming.

Keywords: soft power; hard power; sharp power; Joseph Nye; instrument of ideology; manipulation of the world order; concept of elites; assessment of management effectiveness

For citation: Ilina Yu.I. Instruments of “soft power” policy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):6-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-6-18

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «мягкая сила» в последнее время стало неким параметром эффективности работы управленческого аппарата не только дипломатического корпуса, но и государственных структур самых разных сфер экономики, затрагивая практически все уровни управления.

Само понятие «мягкая сила» введено в 1990 г. американским политиком, экспертом по международным отношениям, членом Совета по оборонной политике США и ученым Гарварда Дж. Наем в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [1]. Позднее, в 2004 г., он расширил данное понятие в своей книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics» («Мягкая сила» и американо-европейские отношения) [2], что пришлось на период поражения СССР в холодной войне и ознаменовало наступление гегемонии США в мире¹.

Становление «американского мира», в первую очередь, ознаменовало торжество капиталистического уклада жизни и взаимоотношений: все страны переходили на поле американской «шахматной доски» [3], и уже согласно американской политике принимали правила в духе одностороннего подхода. При этом доллар, несмотря на ряд крупнейших падений американского рынка² и свою материальную необеспеченность, стал всеохватывающим инструментом контроля всех торгово-экономических операций и внутренней политики других стран посредством подчинения их центробанков ФРС США [4], поскольку там находится «печатный станок», и, конечно, МВФ³, контролирующему возврат займов, а в случае невозможности выписывающему «полезные рецепты» для экономических и социально-политических преобразований другим правительствам.

Однако этот механизм легального вмешательства в дела суверенных государств отлаживался не один день или месяц и даже не один год. Периодически многие страны выказывали протест в виде демон-

страций, гражданского и военного сопротивления, выдворения дипмиссий и т.д. Поэтому новому мировому «жандарму» требовались иные инструменты управления, отличные от тех, что ранее применялись тоталитарными правительствами в рамках одного государства. Наступал переломный момент в управлении, граждане многих стран требовали справедливости, свободы и учета их мнения.

Чтобы общество было продуктивным, оно должно развиваться, но на фоне бесконечных конфликтов и недоверия к власти это невозможно. Поэтому вопрос программы «общественного развития» также стоял и до сих пор стоит на повестке мировой политики.

Сегодня большинство развитых стран поставлены перед вопросом перехода к шестому технокладу⁴, требующему переоценки старых ресурсов и обращения к новым, больше знаний, иных убеждений, изменения правил и в целом жизнеустройства.

Это очередной исторический перекресток, порожденный естественным ходом глобализации (под глобализацией понимается интеграция и концентрация производительных сил общества и, как следствие, концентрация управления, т.е. формирование первого этапа полной функции управления). А вот уже к чему приведет эта глобализация — вопрос идеи и концепции, из которой вытекают принципы, цели, задачи и методология. Следовательно, остро стоит вопрос поиска идеи и концепции, которые будут приняты большинством человечества. Последнее требует от правительств выработки собственного видения будущего и политической воли его реализовать. А это уже субъективный фактор, который определит на долгие годы, столетия, возможно, тысячелетия судьбы цивилизаций и человечества.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Большая часть западного мира по сей день живет согласно «библейской концепции», адаптированной элитами под свои цели. С точки зрения концепции администрирования Библия раскры-

¹ URL: <https://smartpowerjournal.ru/soft-power/>

² URL: <https://journal.tinkoff.ru/short/worst-drawdowns/>

³ URL: <https://www.rbc.ru/base/07/08/2024/668ce0039a79471b1c5cb6f7>

⁴ URL: <https://irsepi.ru/shestoj-tehnologicheskij-uklad/>

вает этапы управления человеком своей жизнью на основе опыта, приобретаемого им в процессе жизнедеятельности, через принятие тех или иных решений при столкновении с новыми ситуациями: 1) опознание нового фактора; 2) внесение этого знания в свою систему стереотипов; 3) выработка иерархии целей в отношении этого фактора; 4) формирование концепции управления (и исходя из этого разработка стратегий); 5) формирование структуры управления; 6) отладка и контроль выполнения задач управления этим фактором; 7) ликвидация (при изменении внешних факторов) старой структуры управления и создание новой в соответствии с целями⁵. Так, исходя из выбранного пути, человек управляет своей судьбой. Данная типология во многом очень упрощена и выстроена на основе психологии человека и его поведения. Библия же в данном случае взята, поскольку все также остается ценностным ориентиром для большинства населения представителей западной культуры. Без этого элементарного представления невозможно дальше выстраивать систему административного управления над огромным количеством людей.

К сожалению, современное восприятие христианства большинством населения свелось лишь к чувственному, идейное же содержание отодвинуто на второй план и многими не осознается вовсе.

В современных учебниках возможно найти лишь методы по способу реализации поставленной задачи: *административные* — основаны на приказах, инструкциях, дисциплине; *экономические* — использование материальных стимулов (зарплата, премии, штрафы); *социально-психологические* — влияние через мотивацию, убеждение, корпоративную культуру; *организационные* — создание структуры, регламентов, распределение обязанностей.

Современная наука отдельно рассматривает историю, психологию, теорию принятия управленческих решений, менеджмент в силу большого объема накопленных знаний, поэтому специалисту в какой-то отдельно взятой сфере довольно сложно выстроить целостную картину представления об управлении, тем более в мировых масштабах.

Обществом поднимались вопросы идеи, идеала, к которому надо стремиться, концепции управления, но до сих пор альтернативы так и не появилось. Поэтому религиям оставили место духовного созерцания, а общественную жизнь стали связывать с теориями материализма, порой очень спорными

и малодоказательными, но, тем не менее, возводя их в ранг единственной истины.

Так, например, в ноябре 2022 г. в Шарм-эш-Шейх (Египет) состоялась 30-я юбилейная сессия Конференции сторон (COP27) Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК)⁶, в которой приняли участие более 35 тыс. делегатов из почти 200 стран и рекордное количество представителей мировой элиты. Кроме точных «дорожных карт» для каждой страны по уменьшению выбросов газов, данная конференция отличалась решительным настроем ее участников⁷. Лидеры этой идеи предложили «10 заповедей» и даже намеревались совершить некий обряд на горе Синай, но после критики мирового сообщества⁸ заповеди переформулировали в «Десять принципов климатического покаяния», которые оформили в виде монумента, подобного скрижали Моисея.

Попытки провозгласить эко-библию⁹, цель которой — сокращение населения для спасения планеты от экологической катастрофы, были и прежде. Но если ранее они носили сугубо научный характер, то в этот раз — религиозный.

Подобные заявления подтверждают, что у человечества есть потребность в новой концепции развития, и все осознающие это будут пытаться воспользоваться этим положением.

Активно продвигаемые США, как главным законодателем, тенденции развития западного общества, направленные на укрепление естествонаучного взгляда, материалистической теории, дарвинизма, фрейдизма, формирование довольно примитивных и простых единых потребительских ценностей, товарно-денежных отношений, определяют характер современного мира. Учитывая процессы глобализации — развития единого информационного пространства (интернет) и единого рынка — эти тенденции распространяются по всему миру. И в настоящее время уже не стоит вопрос о переходе на следующую ступень централизации власти под единым политическим управлением после образования и укрепления единого рынка, т.е. появления «мирового правительства» во главе с транснациональными компаниями [5]. Управлять

⁶ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/klyuchevye-itogi-cop27/>

⁷ URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/climate-change-and-world-politics/special-climate-operation-cop-27-created-a-new-fund-for-developing-nations-but-concerns-about-other-/?sphrase_id=146457492

⁸ URL: <https://katyusha.org/vojna/globalisty-zaplanirovali-sozdat-dlya-novogo-divnogo-mira-klimaticheskuyu-religiyu.-10-zapovedej-uzhe-opredeleni.html>

⁹ URL: <https://dzen.ru/a/ZnZ0IIIZIdhkiGw3e>

⁵ Типология автора статьи.

«мировым правительством» станут те, у кого есть идея и концепция будущего, остальным же ничего не останется, как подчиниться этому историческому факту.

Однако таких целей не достичь только угрозами, вооруженным захватом, покупкой и тотальным контролем территорий государств. С учетом масштабов географического охвата и численности населения это должен быть цивилизационный подход без применения грубой силы.

Следовательно, буквально с конца Второй мировой войны западными элитами было принято решение использовать старые проверенные способы и методы «мировоззренческой корректировки» и зачистки или искажения «исторической памяти» населения стран, подлежащих экспансии. По сути, Джозеф Най ничего нового не изобрел, а просто адаптировал опыт, в первую очередь, западных колонистов (здесь надо вспомнить Ост-Индскую компанию) под новые реалии и попытался завуалировать эти приемы под мирные (конкуренцию и культурную дипломатию), в частности используя неоднозначную формулировку в виде оксюморона «мягкая сила».

ИДЕЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Изначально автор понимал под «мягкой силой» (soft power) — способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов [2].

Исходя из данного определения, можно перечислить сферы ее применения:

1) культура и образование: культурный обмен (фестивали, выставки, гастроли театров и музыкальных коллективов); образовательные программы [обучение иностранных студентов, курсы языка (например, многочисленные курсы и пособия по английскому языку и Институт Конфуция для продвижения китайского языка и культуры на базе различных вузов)];

2) наука и технологии: сотрудничество в научных исследованиях, обмен знаниями;

3) спорт: спортивные события (олимпиады, чемпионаты мира и пр.) как способ продемонстрировать достижения страны; популяризация спорта через успехи национальных команд или отдельных спортсменов;

4) СМИ и цифровые технологии: медиа (телевидение, радио, интернет-платформы для распространения информации и идей); социальные сети (влияние через блогеров, инфлюенсеров, вирусный контент);

5) некоммерческие организации и гражданское общество: благотворительность (гуманитарная помощь, поддержка образовательных и экологических проектов); продвижение инициатив (защита прав человека, борьба с изменением климата);

6) экономика: брендинг стран (создание положительного имиджа страны для привлечения туристов и инвестиций); экспорт культурных товаров [мода, кухня, дизайн (например, французская кухня или итальянская мода)];

7) политика: продвижение политических ценностей (демократия, свобода слова, равенство);

8) поддержка международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ), участие для укрепления авторитета;

9) международные отношения: дипломатия (страны используют культурный обмен, образовательные программы (например, стипендии для иностранных студентов) и публичную дипломатию для улучшения своего имиджа);

10) культурное влияние: распространение языка, искусства, музыки, кино (например, голливудские фильмы или поп-музыка);

11) продвижение ценностей: демократия, права человека, экологические инициативы.

Наглядные примеры классической «мягкой силы»: Голливуд, американские университеты, продвижение демократии (США); К-поп, дорамы, корейская кухня (Южная Корея); французский язык, мода, кухня, искусство (Франция); Институт Конфуция, инициатива «Один пояс, один путь» (Китай) и др.

«Мягкая сила» помогает странам и организациям формировать положительный имидж, влиять на мировое общественное мнение и достигать своих целей без использования жестких методов. Эту «доброжелательную» форму коммуникаций поддерживали многие страны мира. Такое видение сформировано на основе длительного исторического опыта древних цивилизаций, которые выработали принцип мирных гармоничных отношений, ведь сосуществовая на одной планете, нет смысла уничтожать друг друга и общий дом. При этом конкуренция «лучших среди лучших» не исключается. Территория этой борьбы — сознание миллионов людей, так называемая благородная битва за «умы и сердца».

«МЯГКАЯ СИЛА» В ДЕЙСТВИИ

Однако западная элита, объективно осознавая а) недостаточность своих ресурсов и способностей честно конкурировать, б) стремление поддерживать во что бы то ни стало единоличным мировым контролем — начинает формулировать новое видение «мягкой силы».

Эволюция понятия «мягкая сила» с учетом появления новых политических реалий эволюционировала, раскрывая свою негативную сторону — трансформируясь в манипуляцию общественным мнением, что ставит под вопрос легитимность ее применения [6].

Так, например, Най определяет ее как «способность побудить своего партнера хотеть того же, что и вы» [2, с. 168]. Пожалуй, это проблема современного агрессивного маркетинга, который, например, уже не учитывает пожелания покупателя и не конкурирует с другими производителями за лучшее качество и цену, а изучает покупателя и использует его психофизические особенности, применяет методы неявного программирования его сознания на действия, выгодные продавцу [7].

К сожалению, большинство участников глобальной политической гонки в завоевании признания и доверия большинства выбирают путь «навязывания» и для этого задействуют многочисленные институты, а правила политического и социокультурного характера становятся фикцией, что позже негативно влияет на авторитет так называемых «победителей и лидеров», и в результате они все же теряют свое влияние среди населения.

Уже в 2003 г. Най отмечал: «“Жесткая сила”¹⁰, которую понимают, как способность оказывать принудительное воздействие, берет истоки в военном и экономическом потенциале страны»¹¹. Чем масштабнее, эффективнее и современнее военно-промышленный комплекс, сильнее армия, выше ВВП и прочие ключевые экономические показатели, тем большими ресурсами, на основе которых вырабатываются инструменты «жесткой силы», располагает международный актор. Более подробно это явление в соотношении с «мягкой силой» раскрыто в книге 2004 г. [2].

Например, буквально сразу после бомбардировок США Белграда в 1999 г. «мягкая сила» показала положительные результаты радиопропаганды среди взрослого сербского населения. При реализации плана «цветной революции в Сербии: не единая Югославия, а сербы, хорваты, боснийские мусульмане» по состоянию на октябрь 2000 г. до 45% взрослого сербского населения было подключено к радиостанциям *Radio Free Europe* и *Voice of America*, лишь 31% слушали проправительственное «Радио Белград». Если правительство Сербии глушило радиосигнал, то США использовали интернет.

А вот в Афганистане в рамках войны Штатов и союзников начиная с 2001 г. противостояние международным террористическим организациям «Талибан» и «Аль-Каида»¹² осуществлялось с применением «жесткой силы» (бомбардировки, ракетные удары), что обеспечило американцам успех лишь на первой стадии войны. Реализация «мягкой силы» по отношению к терроризму, идейно базирующемуся на фанатичной вере в определенную культурно-религиозную систему ценностей, представляется сомнительной. Как утверждает сам Най: «мягкая сила никогда не обратит фанатиков», однако вместе с этим предлагает поддерживать умеренных мусульман¹³.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «МЯГКАЯ СИЛА»

Начиная с 2009 г. Най в статьях «Smart Power»¹⁴ и «Get Smart: Combining Hard and Soft Power»¹⁵, а позднее в 2011 г. в книге «The Future of Power» [8] вводит понятие «умная сила» (smart power) — совокупность внешнеполитических действий государства, первая часть которых реализуется «мягкой силой», а вторая — «жесткой». Этот инструмент де-факто разрешает проблему лимитов как мягкой, так и жесткой силы, что стало актуальным в 2003 г. после осуждения мировым сообществом одностороннего объявления войны и интервенции США в Ирак.

Наиболее эффективным историческим примером применения «умной силы» Най считает план Маршалла после окончания Второй мировой войны. С одной стороны, США желали помочь Европе восстановиться, с другой стороны, этот механизм был избран для недопущения кризиса перепроизводства в США, а также для снижения влияния коммунистических партий в Западной Европе¹⁶. Но это пример сочетания не только «мягкой» и «жесткой» силы.

«Умная сила» происходит из оценки ресурсов¹⁷, что позволяет примерно прогнозировать результат ее применения. Поэтому важно превратить потенциал силы в виде этих ресурсов в формирование предпочитаемого поведения другой стороны. «Умная сила» — способность верно соотнести цели и средства, чтобы достичь желаемого результата¹⁸.

¹² Признаны международными исламистскими террористическими организациями.

¹³ URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=896819>

¹⁴ URL: https://www.huffpost.com/entry/smart-power_b_74725

¹⁵ URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/get-smart>

¹⁶ URL: <https://dzen.ru/a/YxnqsbWIfyqMIGw4>

¹⁷ Под ресурсами мы понимаем культуру, политические ценности, легитимность внешней политики.

¹⁸ URL: <https://rucont.ru/efd/369503>

¹⁰ Hard power — (англ.), жесткая сила. Прим. ред.

¹¹ URL: <https://www.economist.com/news/2003/11/20/americas-soft-learning-curve?ysclid=m7nc9ydxvi719974990>

На этом этапе Най особое внимание уделяет эффективности политики, при наиболее выгодном использовании альянсов и партнерств, международных институтов, современных информационно-интеллектуальных ресурсов для расширения американского легитимного влияния и управления международными событиями.

Рассматривая важность информационной составляющей, в 2017 г. он обращается к понятию «острая сила» (sharp power), сформулированному К. Уокером и Дж. Людвиг, и характеризует ее в статье «The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence» как использование дезинформации, пропаганды и манипуляций для подрыва демократических институтов и влияния на общественное мнение в других странах¹⁹. Сюда же он относит кибератаки, распространение фейковых новостей, вмешательство в выборы. Инструментами служат информационные технологии и пропагандистские ресурсы (СМИ, образование, культурное наследие).

Далее Най обращается и к другим понятиям, например:

- «контекстуальная сила» (contextual power) — способность влиять на правила игры и контекст взаимодействия государств и других акторов. Это более сложный вид силы, влияющий на формирование международных норм, институтов и правил;

- «сетевая сила» (network power) — влияние, возникающее благодаря участию в сетях (экономических, политических, технологических);

- «структурная сила» (structural power) — способность формировать глобальные структуры и системы, определяющие поведение других акторов. Это более долгосрочный и фундаментальный вид силы (пример: доминирование в мировой финансовой системе [доллар — резервная валюта), контроль над ключевыми ресурсами (нефть, газ)].

Излагая особенности разных видов сил и их практическое воплощение, Най не сокрушается о погибших, изломанных судьбах, потерянных культурах и цивилизациях. Наоборот, он досадует, что не все его рекомендации были верно претворены в реальность, из-за чего порой не достигнуто подчинение той или иной страны, либо результат достигнут не в полной мере и/или с большими издержками, чем предполагалось.

Следовательно, сам Най легализует применение методик манипуляции человеческим сознанием, фальсификацию исторических фактов, дезинформацию, кибертерроризм, экономическое давление, а при необходимости и реальное применение военного оружия ради построения глобального господства. При этом он прекрасно осознает, что на единой «шахматной доске» правила задают западные элиты (меньшинство), определяя судьбу человечества (большинства). Главное, чтобы последнее вдруг не возмутилось, а для этого нужны приятная легенда (демократия), верный расчет, сохранение стратегического хладнокровия, поддержание видимости легитимности, которая выражается в рейтингах и предварительном извещении о предстоящих событиях, и можно продолжать строить свой «мировой порядок».

МЕХАНИЗМЫ ДЕЙСТВИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Главный инструмент «мягкой силы» в понимании западных элит — это манипулирование сознанием масс. И это уже идеологическое оружие, а вовсе не диалог и не дипломатия, направленные на взаимный поиск решения и компромиссы.

Такой инструмент формируется из способов управления, которые условно можно поделить на: структурные (применимы в небольшой организации, где соблюдается иерархия подчинения и правила) и бесструктурные (применимы к большим массам без прямого взаимодействия)²⁰; методы: мировоззренческий (1), исторический (2), идеологический (3), финансовый (4), биолого-генетический (5), военный (6).

Манипуляция как инструмент применим к широким массам населения, внешне не выглядит как угроза, охватывает все самые эффективные масштабные и долгосрочные методы управления (с 1-го по 5-й) и даже может оправдать 6-й на пути к мировому господству.

Представители западных элит не скрывают, что их цель — расширение региональной и установление мировой власти.

ЗАПАДНЫЙ ВЗГЛЯД ОТНОСИТЕЛЬНО ЦЕЛЕЙ И ПРИМЕНЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Герберт Уэллс, входивший в тесный круг западной элиты, стал их своеобразным рупором, оповещающим о предстоящих изменениях, издавая книги

¹⁹ URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>

²⁰ Прим. автора: При бесструктурном методе создаются такие условия, такой набор ходов, где выбор каждого пути заведомо просчитан (согласно сценарию планировщика) и приводит к реализации его целей.

футуристического содержания: «Машина времени» [9], «Война миров» [10], «Человек-невидимка» [10], но на фоне их особенно выделяются «Открытый заговор» [11], «Облик грядущего» [12], «Мировой мозг» [13], «Современная утопия» [14] и наконец «Новый мировой порядок» [15]. В них он открыто излагал планы на будущее (с охватом примерно 100 лет): необходимость ликвидации национальных государств и образование «мировой религии», «мирового правительства», то есть единого политического, экономического, социального и культурного пространства; что все влиятельные люди следуют к единой цели — установлению научной диктатуры.

Эта идея изначально распространялась в обществе как гипотеза и не вызывала серьезных обсуждений, тем не менее стала реформистскими путями реализовываться на разных уровнях и сейчас уже воспринимается как само собой разумеющееся и даже находит своих поклонников.

С. Вэбб — основатель Лондонской школы экономики и политических наук, лидер фабианского общества, сказал: «Играть миллионами умов, наблюдать, как они медленно реагируют на невидимый стимул, направлять их устремления без их ведома. Как все это будь то в больших масштабах или скромных является большой и бесконечной шахматной партией — всегда необычайно захватывающей» [16].

А. Бейли — оккультист-фабианец, теософ, писательница, основательница организации «Люцис Траст», отмечала: «За разделением человечества стоят те посвященные, чье право и привилегии — следить за человеческой эволюцией и направлять судьбы людей. Для этого они внедряют в умы мыслящих людей идею, чтобы она в свое время получила признание и в конечном счете стала управляющим фактором человеческой жизни. Они обучают членов новой группы мировых служителей превращать эти идеи в идеалы. Идеалы в свою очередь становятся желаемыми целями мыслителей, а затем преподаются могущественному среднему классу и превращаются в мировые формы правительств или религии, таким образом, формируя основу нового мирового порядка» [17, 18].

28 июня 1945 г. 33-й президент США Г. Трумэн поддержал идею мирового правительства: «Народам будет так же легко уживаться в республике мира, как нам в Республике Соединенных Штатов»²¹. Буквально после этого вступил в силу Устав ООН.

7 февраля 1950 г. банкир Д. П. Варбург (ранее финансовый советник Рузвельта) заявил в Комитете Сената США по международным отношениям: «У нас будет мировое правительство, нравится нам это или нет, вопрос лишь в том, каким путем возникнет мировое правительство: завоевания или согласия»²². После этого предложенный Устав ООН был изменен согласно Резолюции 66, отвечающей будущей Конституции мирового правительства.

Сегодня как некоторые ученые, так и политики продолжают продвигать эти идеи. Профессор-футуролог Ю. Н. Харрари представил²³ свою книгу «Sapiens: Краткая история человечества» [19]. Но эта книга вовсе не о прошлом, а о будущем. Например, он рассуждает, что в результате слияния биологического с неорганическим сможет переродиться человек, а точнее сможет пересоздать себя сам. Он уверен, что биотехнологии дадут нам богоподобные способности — создавать новые формы жизни, при этом человек будет уже не нужен.

Изобретатель и футуролог Р. Курцвейл в 1999 и 2024 гг. в своих книгах «The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence» и «The Singularity Is Nearer: Our Future with Intelligent Technology» также отмечает факт слияния генетики, нанотехнологий и робототехники (он считает, что это — искусственный интеллект) и подчеркивает в своих выступлениях, что применение их в дальнейшем в преобразовании человека — естественная эволюция, которая приведет к доминированию небиологической части в человеке [20, 21]. По его мнению, в 2030 г. произойдет подключение человека к компьютеру и «облаку».

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО «МЯГКОЙ СИЛЕ» В СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ?

И Харари, и Курцвейла можно было бы считать простыми мечтателями, если бы их идеи были не столь популярны и не распространялись буквально в мировом масштабе, «звучали из каждого утюга», и их не поддерживали самые богатые технократы и госдеятели. Например, Илон Маск, владелец компаний SpaceX (технологии для космоса; монополист связи, окружившая Землю своими спутниками двойного назначения), Tesla (производство электромобилей и решений для хранения электроэнергии), X [соцсеть (ранее Twitter), благодаря которой Дональд Трамп мог полуофициально общаться с наро-

²¹ Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman, 1945, Volume 1 Book by Harry S. Truman, Best Books on, 1961.

²² URL: <https://hojja-nusreddin.livejournal.com/3689371.html>

²³ Прим. ред.: книга представлена в 2011 г. (на иврите) и в 2014 г. (на английском языке).

дом], The Boring Company (дорожно-строительная компания), Neuralink (нейротехнологии: разработка интерфейсов «мозг-машина»), xAI (исследовательская лаборатория)²⁴.

Избранный президент США Дональд Трамп назначил Маска главой ведомства эффективности правительства²⁵. С появлением в администрации Маска в принципах и способах распространения информации стали происходить существенные изменения²⁶. Трамп пока шокирует всех своими идеями территориальности (возврат Панамского канала, покупка Гренландии и присоединение Канады и Мексики в качестве штатов). Он не исключает, что в случае несговорчивости относительно этих сделок будет применена военная сила²⁷. Фактически он обнуляет нормы международного права и принципы ВТО.

Названные планы уже отражены в документе «Проект 2025»²⁸. Это очень похоже на возрождение доктрины Монро, которой уже 200 лет и, как ни странно, которая была связана в первую очередь с Россией²⁹ [22]. Дональд Трамп при этом не высказывает притязаний на мировое господство, но, тем не менее, даже с присоединением названных им территорий все западное полушарие будет принадлежать США. Контроль и управление столь обширными территориями потребуют иных методов и технологий.

Исходя из явных угроз США, не стоит рассчитывать, что это будет мир с доминирующей «мягкой силой» и демократией: И. Маск со своими передовыми разработками вполне позволит реализовать давление Д. Трампа на все страны, не согласные с его позицией.

Изгнав Россию и Китай из западного полушария, США столкнется с противостоянием российского атомного флота в Арктике, которому им пока нечего противопоставить, как нечего противопоставить и релятивистским энергетическим технологиям, которые рано или поздно получат распространение и обнулят западную технократическую элиту. По крайней мере, в этом уверен физик-ядерщик Игорь Острецов [23]. Он отметил, что западный проект ускорителя элементарных частиц ЦЕРН не отвечает запросу решения энергетического кризиса, укрепления авианосного флота — это лишь науч-

но-исследовательская установка для дальнейшего проникновения в материю элементарных частиц с целью поиска подтверждения материалистических теорий³⁰, поскольку все предыдущие провалились, а без этого и идеология западных элит может рухнуть.

МОЖЕТ ЛИ «МЯГКАЯ СИЛА» СЛУЖИТЬ ВО БЛАГО?

Из вышесказанного следует, что разными странами по-разному применяется инструмент «мягкой силы», все зависит от конечной цели. Об этом явлении писал и сам Най в своей книге «The Future of Power» [24], и другие авторы, например, И. Уокер и М. Кокс [25], М. Рудич и Я. Мельцен [26], К. Уокер [27], А. Великая [28], М. Ф. Эспиноза [29] и др. Это лишь малый перечень авторов достаточно фундаментальных работ с прекрасным анализом различных ресурсов стран и регионов, которые могут быть использованы или используются странами для продвижения своих повесток дня на международной арене.

РЕЙТИНГИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ПО СТРАНАМ

Здесь надо отметить, Най относит экономический ресурс заведомо к «жесткой силе» и возмущается тем, что Китай им довольно успешно пользуется в отношении США. Тем не менее все рейтинги стран по применению «мягкой силы» формируются в МВФ в глобальном индексе «мягкой силы» (Global Soft Power Index — GSPI). Этот показатель базируется на основе почти трех десятков индикаторов, сгруппированных в шесть категорий, или субиндексов: коммерческая мощь, культура, цифровой след, образование, глобальный охват, институты. В целом, согласно построенному авторами индексу, развитые страны обладают большей «мягкой силой», чем развивающиеся³¹.

В подтверждение сказанного достаточно привести результаты оценки других агентств (см. таблицу).

Результаты рейтингов показывают, что лидерами «мягкой силы» остаются страны с сильной культурой, образованием и дипломатией (США, Франция, Великобритания), но растет влияние азиатских стран (Китай, Япония, Южная Корея).

Задача рейтинговой системы — продемонстрировать уровень качества какого-то ресурса (продукта), вызвать всеобщее признание и доверие населения разных стран к тому или иному национальному бренду, увеличивая число потреби-

²⁴ URL: <https://joy-pup.com/business/kompanii-ilona-mask/>

²⁵ URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/11/13/samy-bogatyy-v-mire-milliarder-poluchil-shokiruyushhuyu-dolzhnost-pri-trampa.html>

²⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7477617>

²⁷ URL: https://vk.com/video-220155889_456259707

²⁸ URL: <https://www.project2025.org/>; <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Technolady/353853.php>

²⁹ URL: <https://tass.ru/opinions/19417485>

³⁰ URL: <https://hi-news.ru/research-development/cern-nachinaet-oxotu-za-temnoj-materiej.html>

³¹ URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/indeks-myagkoy-sily>

лей, что вызывает закономерный рост экономики страны-производителя. Это вполне приемлемый инструмент для политической системы с превалирующим экономическим интересом и свободным конкурентным рынком. Однако сегодня наблюдается картина превалирующего политического интереса, господство монополий ТНК, экономический кризис³² и снижение покупательской способности всех стран. Так для чего же в таком мире система рейтингов «мягкой силы»?

С одной стороны, «мягкая сила» как инструмент культурной дипломатии подает надежды, что среди стран эффективность их культурного влияния действительно может быть оценена этими рейтингами и позволит выявить лучшего из лучших, а также откорректировать отстающим свою дипломатическую работу в том или ином направлении.

Однако стоит отметить необоснованность применения того или иного из параметров рейтинга. Порой отсутствует формула расчета, что не позволяет дать объективную оценку и наталкивает на мысль легкой подтасовки результатов. Как правило, топ-10 всегда остается за США, Великобританией, Германией, Францией и практически всей G7 — странное совпадение на фоне немалого числа у них внутренних и внешних проблем.

Так, безудержно продвигаемый последние 20 лет бренд «по мнению британских ученых» / «по мнению американских ученых» стал предметом многочисленных мемов³³, поскольку не имеет никакого фактического обоснования. Тем не менее широкая популяризация этого оборота в различных иностранных СМИ, соцсетях, фильмах позволила удержать в топе первых авторитет учебных заведений Англии и Америки не один год, что обеспечило огромный приток иностранных студентов и инвестиций.

Стяжательский характер западной формы глобализации отражает негативную сторону рейтингов [30], которые курируют западные же агентства во главе с МВФ. Все это очень сильно напоминает некую ревизию «нематериального национального богатства» [31] стран с целью разработки дальнейшего захватнического плана, что вполне соответствует политике МВФ, проводимой в отношении материальных ресурсов многих государств. Так, например, это уже используется для выявления

угроз интересам США. Как предыдущая, так и настоящая администрация во главе с Трампом кроме экономической угрозы со стороны Китая видит угрозу и в проекте «Один пояс — один путь», направленном на культурный диалог и взаимное обогащение культур.

Кроме того, Трамп не раз высказывал мнение относительно мигрантов, особенно мексиканцев, что они являются связующим звеном с агентами по нелегальной переброске беженцев, контрабандистами, наркокартелями³⁴ в Мексике, и это основной источник преступности и экономических проблем США. Однако стоит учесть, что большая часть коренного населения южных штатов — испаноязычные индейцы, часто пересекающие условную границу в поездках к родственникам в Мексике. Поэтому идея Трампа об их депортации звучит весьма странно³⁵, так как не ясен вопрос, по какому признаку будет производиться отбор «свой — чужой» (по национальности или языку).

ВЫВОДЫ

1. Исследования истоков понятия «мягкая сила» в работах Ная показывают, что автор не первый, кто вводил в оборот довольно спорные фразы, которые выносились на обсуждение широкой общественности и научных кругов, становясь предметом громких споров, сенсацией, а для кого-то вполне серьезной идеей. Даже у самого автора прослеживается эволюция взгляда, что же должно входить в «мягкую силу». Тем не менее, описывая ее применение, можно прийти к выводу, что это мощный политический и идеологический инструмент, способный массово влиять на мировоззрение населения.

2. На настоящий момент существуют два видения относительно целей, методов применения этого инструмента: первый (позитивный) связан с культурной дипломатией и в условиях здоровой конкуренции продвижением своего национального бренда; второй (негативный) — продиктован стремлением манипулировать сознанием и мнением населения с целью поддержания и установления своей власти мировыми элитами.

3. Применение на практике системы рейтингов «мягкой силы» делит страны буквально на два лагеря: один — использует ее для выстраивания мирных межкультурных отношений, стремясь развивать свою культуру; другой — рассматривает рейтинги

³² URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/08/2024/66d0522f9a7947244c8c6bbc>

³³ URL: https://www.1tv.ru/news/2018-11-02/355041-britanskije_uchenye_dokazali_chno_samye_absurdnye_statii_mozhno_vydat_za_realnye_issledovaniya

³⁴ URL: <https://ria.ru/20250121/tramp-1994725016.html>

³⁵ URL: <https://ria.ru/20241108/tramp-1982626421.html>

Таблица / Table

Наименования агентств и результаты анализа / The Agency and the result of their analysis

Фактор/критерий оценки	ТОП-5 стран (2023)	Направления влияния «мягкой силы»
Portland Communications (The Soft Power 30)^a		
Культура, образование, дипломатия, цифровое влияние, бизнес, управление	Франция	• культура • дипломатия • глобальные инициативы
	Германия	• сильная экономика • образование • экологические инициативы
	Великобритания	• язык • образование (Оксфорд, Кембридж) • культура (музыка, кино)
	США	• голливудская культура • технологические гиганты (Google, Apple) • университеты (Гарвард, MIT)
	Япония	• аниме • технологии • культура
Global Soft Power Index (Brand Finance)^b		
Репутация, влияние, культура, образование, бизнес, управление	США	• Голливуд • технологии • глобальные бренды
	Великобритания	• культура • образование • историческое влияние
	Германия	• репутация стабильности • инновации • экологические инициативы
	Китай	• экономика • культура • инициативы («Один пояс – один путь»)
	Япония	• аниме • технологии • культура
Elcano Global Presence Index^c		
Экономическое, военное и «мягкое» присутствие (культура, образование, спорт, наука)	США	• культура • наука • технологии
	Китай	• экономика • культурные проекты
	Германия	• экономика • экологические инициативы
	Великобритания	• историческое влияние • культура
	Франция	• культура • дипломатия • глобальные инициативы

Окончание таблицы / Table (continued)

Фактор/критерий оценки	ТОП-5 стран (2023)	Направления влияния «мягкой силы»
Anholt-Ipsos Nation Brands Index^d		
Репутация страны в культуре, туризме, людях, управлении, экспорте, инвестициях	Германия	• управление • экономика • культура
	Канада	• дружелюбие • природа • качество жизни
	Япония	• культура • технологии • репутация инноваций
	Италия	• культурное наследие • туризм
	Франция	• мода • кухня • историческое влияние
Global Soft Power Index		
При лидерстве США стабильный рост по большинству показателей (из 55) на период 2023–2024 гг. показали следующие страны	Китай	• «Один пояс — один путь» • Институт Конфуция • культуры (кино, музыка)
	Южная Корея	• «Корейская волна» (К-поп, дорамы)
	Россия	• открытость СМИ (RT, Sputnik) • спорт • культурные обмены • критика за пропаганду

Источник / Source: Составлено автором / Compiled by the author.

Примечание / Note: a – URL: <https://softpower30.com>; b – URL: <https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2024-a-world-in-flux>; c – URL: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en?years=2023>; d – URL: <https://placebrandobserver.com/anholt-nation-brands-index-nbi-2024/>

как систему, позволяющую выявить «сильнейшего», который сразу становится «угрозой национальным интересам гегемона», и как ревизию «нематериального национального богатства» других стран с це-

лью оценки человеческого капитала и выработки дальнейших планов копирования, корректировки или утилизации культурного наследия того или иного народа, цивилизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nye J. Bound to Lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books; 1991. 307 p.
2. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs; 2004. 208 p.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Москва: АСТ; 2024. 256 с.
4. Морозко Н. И., Шогенова Ф. О. Международный опыт банковского надзора ФРС США и деятельность ЦБ РФ. *Вестник университета*. 2016;(7–8). URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/326>; <https://www.elibrary.ru/xgjojn>
5. Плащинский А. А. Доктрина мирового правительства: историческая ретроспектива, политологический анализ. *Человек. Сообщество. Управление*. 2017;18(2):25–47. URL: <https://www.elibrary.ru/zfdvrx>
6. Наумов А. О., Белоусова М. В. Эволюция концепции «мягкой силы» Дж. Ная: от рождения идеи до наших дней. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2022;(2):3–23. URL: <https://www.elibrary.ru/itpng>

7. Пугачев В.П. Программирование психики как метод социального управления. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2006;(3):40–66. URL: <https://www.elibrary.ru/hujzot>
8. Nye J., Goldsmith J. L. The Future of Power. *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*. 2011;54(3):45–52. URL: <https://www.amacad.org/sites/default/files/bulletin/downloads/spring11.pdf>
9. Wells H. G. The Time Machine. When the Sleeper Wakes. The Island of Dr. Moreau. Москва: Юрайт; 2025. 334 с.
10. Wells H. G. The Invisible Man. The Food of the Gods. The War of the Worlds. Москва: Юрайт; 2025. 408 с.
11. Уэллс Г. Открытый Заговор. Москва: Кислород; 2020. 288 с.
12. Уэллс Г. Облик грядущего. Санкт-Петербург: Северо-Запад; 2023. 447 с.
13. Wells H. G. World brain. North Yorkshire: Methuen Publishing; 1938. 176 p.
14. Wells H. G. A Modern Utopia. London: Chapman & Hall; 1905. 392 p.
15. Уэллс Г. Новый Мировой Порядок. Москва: Субъект; 2023. 192 с.
16. Webb S. The Decay of Capitalist Civilisation. London: Fabian Society; 1923. 242 p.
17. Bailey AA. Discipleship in the New Age. Lucis Press Ltd.; 1944. 847 p.
18. Bailey AA. The Reappearance of the Christ. New York: Lucis Pub. Co, Lucis Press; 1948. 189 p.
19. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. Москва: Синдбад; 2021. 520 с.
20. Kurzweil R. The age of intelligent machines. New York: Viking Press; 1999. 565 p.
21. Kurzweil R. The singularity is nearer: When we merge with AI. New York: Penguin Books; 2024. 432 p.
22. Шихов В. А. Доктрина Монро: содержание и формирование Принципов. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017;(12–2):120–133. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.034
23. Острецов И. Н. Введение в философию ненасильственного развития. Москва: Издательство Концептуал; 2022. 364 с.
24. Nye J. The Future of Power. New York: PublicAffairs; 2011. 300 p.
25. Parmar I., Cox M., Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary. London: Perspectives, Routledge; 2010. 256 p.
26. Davis Cross M.K., Melissen J. European Public diplomacy: Soft power at work. Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy; 2013. 230 p.
27. Bouton M., Kull S., Page B., Holyk G. Soft power in Asia survey, 2008. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor]; 2010 Apr 05. DOI: 10.3886/ICPSR 25342.v1
28. Velikaya A.A., Simons G. Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice, Global Affaires. Springer Nature; 2019. 285 p. DOI: 10.1007/978-3-030-12874-6
29. Espinosa M.F. Latin American soft power: Cultural diplomacy and regional influence. *Quaderns Gescènic*; 2019.
30. Леденева М. В. Политика национального богатства как фактор выживания в условиях глобализации. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2011;7(32):12–19. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=43040>
31. Карпова Г. В. Теория и методология моделирования оценки нематериальной составляющей национального богатства. Автореф. дисс. ...докт. экон. наук. Санкт-Петербург; 2010. 274 с.

REFERENCES

1. Nye J. Bound to Lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books; 1991. 307 p.
2. Nye J.H. Soft power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs; 2004. 208 p.
3. Brzezinski Z. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. Moscow: AST; 2024. 256 p. (In Russ.).
4. Morozko N., Shogenova F. International experience of bank supervision by USA federal reserve system and the activities of the central bank of the Russian Federation. *Vestnik Universiteta*. 2016;(7–8):167–171. URL: <https://www.elibrary.ru/xgjojn>. (In Russ.).
5. Plashchinsky A.A. The world government doctrine: Historical retrospective, political analysis. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2017;18(2):25–47. URL: <https://www.elibrary.ru/zfdvrx> (In Russ.).
6. Naumov A. O., Belousova M. V. The evolution of the soft power concept by J. Nye from its formation to the present day. *Lomonosov Public Administration Journal*. Series 21. 2022;(2):3–23. URL: <https://www.elibrary.ru/itppng>. (In Russ.).
7. Pugachov V.P. Psyche programming as a method of public management. *Lomonosov Public Administration Journal*. Series 21. 2006;(3):40–66. URL: <https://www.elibrary.ru/hujzot> (In Russ.).

8. Nye J., Goldsmith J.L. The Future of Power. Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. 2011;54(3):45–52. URL: <https://www.amacad.org/sites/default/files/bulletin/downloads/spring11.pdf>. (In Russ.).
9. Wells H. G. The Time Machine. When the Sleeper Wakes. The Island of Dr. Moreau. Moscow: Yurayt; 2025. 334 c.
10. Wells H. G. The Invisible Man. The Food of the Gods. The War of the Worlds. Moscow: Yurayt; 2025. 408 c.
11. Wells H. G. The open conspiracy. Moscow: Kislod; 2020. (In Russ.).
12. Wells H. G. The Shape of Things to Come. Saint Petersburg: Severo-Zapad; 2023. 447 c. (In Russ.).
13. Wells H. G. World brain. North Yorkshire: Methuen Publishing; 1938. 176 p.
14. Wells H. G. A Modern Utopia. London: Chapman & Hall; 1905. 392 p.
15. Wells H. G. New world order. Moscow: Sub'ekt; 2023. 192 p. (In Russ.).
16. Webb S. The Decay of Capitalist Civilisation. London: Fabian Society; 1923. 242 p.
17. Bailey AA. Discipleship in the New Age. Lucis Press Ltd.; 1944. 847 p.
18. Bailey AA. The Reappearance of the Christ. New York: Lucis Pub. Co, Lucis Press; 1948. 189 p.
19. Harari Yu. N. Sapiens. A brief history of humankind. Moscow: Sindbad; 2021. 520 p. (In Russ.).
20. Kurzweil R. The age of intelligent machines. New York: Viking Press; 1999. 565 p.
21. Kurzweil R. The singularity is nearer: When we merge with AI. New York: Penguin Books; 2024. 432 p.
22. Shikhov V. A. Monro doctrine: Content and formation of principles. *Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal*. 2017;(12–2):120–133. (In Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.034
23. Ostretsov I. N. Vvedenie v filosofiyu nenasil'stvennogo razvitiya. Moscow: Izdatel'stvo Kontseptual; 2022. 364 p. (In Russ.).
24. Nye J. The Future of Power. New York: PublicAffairs; 2011. 300 p.
25. Parmar I., Cox M., Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary. London: Perspectives, Routledge; 2010. 256 p.
26. Davis Cross M. K., Melissen J. European Public diplomacy: Soft power at work. Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy; 2013. 230 p.
27. Bouton M., Kull S., Page B., Holyk G. Soft power in Asia survey; 2008. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor]; 2010 Apr 05. DOI: 10.3886/ICPSR 25342.v1
28. Velikaya A. A., Simons G. Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice, Global Affaires. Springer Nature; 2019. 285 p. DOI: 10.1007/978-3-030-12874-6
29. Espinosa M. F. Latin American soft power: cultural diplomacy and regional influence. *Quaderns Gescènic*; 2019.
30. Ledeneva M. B. Politika natsional'nogo bogatstva kak faktor vyzhivaniya v usloviyah globalizatsii. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2011;7(32):12–19. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=43040> (In Russ.).
31. Karpova G. V. Teoriya i metodologiya modelirovaniya otsenki nematerial'noj sostavlyayushchej natsional'nogo bogatstva. Dr. econ. sci. diss. Synopsis. Saint Petersburg; 2010. 274 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юлия Игоревна Ильина — кандидат политических наук, преподаватель, РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

Yulia I. Ilyina — Cand. Sci. (Polit.), Lecturer, RANEP, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6007-0551>

a_khr1@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 12.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-19-33

УДК 327.721+338.45+661.93(045)

Международные энергетические проекты России как инструмент «мягкой силы»

В.В. Андрианов, М.С. Сироткин, М.В. Баженова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье произведены анализ и систематизация международных энергетических инициатив России в контексте их использования в качестве механизма «мягкой силы». Целью статьи является определение перспективных векторов российской энергетической политики. Для проведения исследования авторы применили исторический и контекстуальный методы. В ходе работы были сгруппированы российские энергетические проекты по географическому признаку, определены контекст и особенности реализации данных проектов, а также проанализирован российский опыт взаимодействия со странами-партнерами в рамках энергетических инициатив. В ходе исследования авторы также обозначили противоречия и ошибки российских энергетических инициатив, определили стратегии компаний-проводников проектов. Отдельно рассмотрены мероприятия в сфере ядерной энергетики как одной из самых перспективных сфер энергетической дипломатии РФ. В итоге определены потенциальные направления развития энергетической политики Российской Федерации с учетом возможного расширения сферы интересов. Авторы приходят к выводу, что помимо традиционной нефтегазовой сферы необходимо в качестве реализации концепции «мягкой силы» рассматривать и другие энергетические сферы, включая возобновляемую энергетику, ядерные и водородные технологии.

Ключевые слова: энергетические проекты; мягкая сила; страны-партнеры; стратегия развития РФ; международный опыт

Для цитирования: Андрианов В.В., Сироткин М.С., Баженова М.В. Международные энергетические проекты России как инструмент «мягкой силы». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):19-33. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-19-33

ORIGINAL PAPER

Russia's International Energy Projects as a Tool of "Soft Power"

V.V. Andrianov, M.S. Sirotkin, M.V. Bazhenova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes and systematizes Russia's international energy initiatives in the context of their use as a mechanism of "soft power". The purpose of the article is to identify promising vectors of Russian energy policy. To conduct the study, the authors applied historical and contextual methods. In the course of the work, Russian energy projects were grouped by geography, the context and specifics of the implementation of these projects were determined, and the Russian experience of interaction with partner countries within the framework of energy initiatives was analyzed. In the course of the study, the authors also identified the contradictions and mistakes of Russian energy initiatives, and identified the strategies of the companies conducting the projects. The events in the field of nuclear energy as one of the most promising areas of energy diplomacy of the Russian Federation are considered separately. As a result, potential directions for the development of the energy policy of the Russian Federation have been identified, taking into account the possible expansion of the sphere of interests. The authors conclude that in addition to the traditional oil and gas sector, it is necessary to consider other energy sectors, including renewable energy, nuclear and hydrogen technologies, as an implementation of the "soft power" concept.

Keywords: energy projects; soft power; partner countries; development strategy of the Russian Federation; international experience

For citation: Andrianov V.V., Sirotkin M.S., Bazhenova M.V. Russia's international energy projects as a tool of "soft power". *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):19-33. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-19-33

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация занимает лидирующие позиции в мире по объемам запасов и ресурсов ископаемого топлива, в также по потенциалу развития гидроэнергетики и других возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Россия также является крупнейшим поставщиком нефти, природного газа и угля на международные рынки. В связи с этим энергетический фактор играет значимую роль в выстраивании взаимоотношений России с третьими странами.

Важнейший элемент внешней энергетической стратегии государства — энергетическая дипломатия [1], одной из составляющей которой является процесс инвестирования в зарубежные проекты в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Выбор направлений такого инвестирования может определяться как чисто экономическими, конъюнктурными факторами (стремлением максимизации прибыли на вложенный капитал), так и политическими соображениями. Во втором случае можно говорить о том, что энергетические проекты превращаются в инструмент «мягкой силы».

В политической науке существуют различные трактовки понятия «мягкая сила». В частности, Дж. С. Най, профессор Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди, определяет «мягкую силу» как «способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия» [2].

В большинстве случаев в качестве механизмов «мягкой силы» упоминаются культура, спорт, различные формы гуманитарного сотрудничества. Однако выстраивание системы внешнеэкономических приоритетов государства и национального бизнеса с учетом политических интересов страны, необходимости усиления ее влияния в тех или иных регионах мира или зарубежных государствах, повышения ее престижа в глазах граждан этих стран и/или регионов также можно рассматривать в качестве проявления «мягкой силы». Учитывая, с одной стороны, значительную роль государства в энергетической сфере (что характерно не только для России, но и для практически всех государств с развитым ТЭК), а с другой — высокий уровень политизации глобальной энергетики, можно утверждать, что именно реализация международных энергетических проектов может выступать как проводник политических интересов страны.

Достаточно широкое распространение в российской и зарубежной публицистике получило

словосочетание «нефтяное оружие» (как варианты «газовое оружие», «газовая дубина»), подразумевающее задействование энергетического фактора для жесткого продавливания интересов того или иного государства. В частности, в применении «нефтяного оружия» западные политики и СМИ неоднократно и необоснованно обвиняли Россию. В противоположность данной практике, энергетический фактор в мировой политике может и должен нести положительную коннотацию, восприниматься как средство укрепления международных связей, а не осуществления политического шантажа.

Указанные обстоятельства ставят перед российской властью важную задачу — определение правильных приоритетов и направлений инвестирования в энергетические проекты за рубежом. Безусловно, принятие соответствующих инвестиционных решений остается прерогативой субъектов экономической деятельности — компаний отраслей ТЭК. Но, во-первых, в России значительная часть энергетических активов контролируется государством через полное или частичное владение долями в ведущих компаниях («Газпром», «Роснефть», «Росатом» и др.). Во-вторых, государство способно выстраивать систему стимулов (или, наоборот, барьеров) для выхода компаний, в том числе частных, на те или иные зарубежные рынки. В-третьих, важнейшей функцией властных структур, в рамках взаимодействия государства и бизнеса, является оказание политической поддержки тем или иным проектам с задействованием дипломатических каналов и института торговых представителей.

В связи с этим именно государство обладает возможностью выбирать основной вектор инвестирования в энергетические проекты за рубежом, и он может меняться в зависимости от изменения политической ситуации в мире и смещения приоритетов внешней политики страны. Соответствующие изменения, произошедшие в период 1990–2020 гг., будут выявлены и проанализированы в рамках данной статьи.

ЗАПАДНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Взятый Россией в 90-х г. прошлого века курс на встраивание в глобальную экономику опирался на представления, что главными экономическим партнером страны станет так называемый коллективный Запад, то есть государства — члены Организации стран экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Это предопределило, в том

числе, и основной вектор внешней энергетической политики России, и инвестиционные стратегии государственных и частных вертикально интегрированных нефтегазовых компаний (ВИНК).

Поскольку Россия является крупнейшим производителем и экспортером энергоресурсов, а ее основными контрагентами по состоянию на начало 1990 гг. являлись страны Европы, задачей данных стратегий виделось «продление интеграционных цепочек» за счет приобретения и/или создания в странах Европы активов по транспортировке и переработке российского сырья, а также по сбыту нефтепродуктов (табл. 1).

Ядром энергетической стратегии России на европейском направлении стало создание новых трубопроводных маршрутов, позволяющих избежать транзитных рисков и тем самым повысить устойчивость снабжения энергоресурсами европейских потребителей, подтвердить и закрепить имидж России как самого надежного поставщика углеводородного сырья в Европу (что можно отнести к проявлению «мягкой силы»). К числу таких проектов относятся газопроводы «Ямал — Европа», «Северный поток-1» и «Северный поток-2», а также «Южный поток» (впоследствии преобразованный в проект «Турецкий поток»).

Еще одним направлением энергетической политики на европейском направлении стало проникновение в сектор downstream (переработка сырья и маркетинг готовой продукции). Наибольшую активность в приобретении европейских перерабатывающих мощностей проявила компания «ЛУКОЙЛ». В январе 1998 г. она приобрела контрольный пакет акций одного из ведущих нефтеперерабатывающих предприятий Румынии — Petrotel¹. В том же 1998 г. приобретен нефтеперерабатывающий завод (НПЗ) в болгарском городе Бургасе². Впоследствии, в 2008 г., «ЛУКОЙЛ» также стал владельцем НПЗ ISAB на Сицилии и завода Zeeland в Нидерландах.

В 2003 г. компания «Альфа-Групп» предприняла попытку приобрести у венесуэльской государственной нефтяной корпорации PDVSA доли в четырех НПЗ в Германии. Сделка планировалась в интересах британско-российского холдинга THK — BP, однако была блокирована партнером российской стороны — самой BP³. В рамках теории неокOLONиализма [3] можно сказать, что данный сюжет продемонстри-

ровал негативное отношение западного капитала, активно проникавшего в период 1990 — начала 2000-х гг. в нефтегазовый комплекс Российской Федерации, к зеркальному процессу — к выходу российских энергетических корпораций на рынок Европы. Однако отечественные ВИНК сохранили свою заинтересованность в приобретении нефтеперерабатывающих активов в Европе, что привело к заключению ряда сделок. В 2010 г. «Роснефть» приобрела у PDVSA доли в германских заводах, на которые ранее претендовала «Альфа-Групп». В свою очередь, «Газпром нефть» в 2009 г. закрыла сделку по приобретению завода NIS в Сербии.

Одновременно с этим российские ВИНК стали владельцами и совладельцами сетей АЗС в большинстве европейских стран.

Активно продвигалось взаимодействие российских и американских нефтегазовых компаний [4]. Например, предпринимались попытки вхождения российских компаний и на энергетический рынок США. В частности, активно обсуждавшийся и готовящийся на рубеже 1990–2000-х гг. проект освоения крупнейшего Штокмановского газового месторождения в Баренцевом море предполагал создание инфраструктуры по сжижению газа и поставке СПГ в США (поскольку в тот период, до сланцевой революции, Соединенные Штаты нуждались во внешних поставках газа)⁴. А компания «ЛУКОЙЛ» создала в США достаточно развитую сеть АЗС, работающих под корпоративным брендом.

Данное продвижение на европейский (и отчасти американский) рынок ставило своими целями закрепление российских компаний в секторе downstream и формирование новых центров прибыли. В то же время создание узнаваемых российских брендов должно было бы привести к повышению лояльности европейских властей и рядовых потребителей к энергетическим компаниям из России и тем самым послужить инструментом «мягкой силы».

Сегодня можно констатировать, что данная стратегия себя не оправдала. Именно энергетические активы российских ВИНК в Европе стали наиболее уязвимыми звеньями их производственных цепочек в период развертывания антироссийских санкций со стороны коллективного Запада. Проявлениями усиливающегося политического и экономического давления на Россию стали в частности, прекращение функционирования трубопровода «Ямал — Европа», террористическая атака на газопроводы «Северный поток-1» и «Северный

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/190550>

² URL: <https://lukoil.bg/bg/About/History>

³ URL: <https://oilcapital.ru/news/2004-10-06/bp-prepyatstvuyet-vyehodu-alfa-grupp-na-neftyanyy-rynok-germanii-986207>

⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/726065>

поток-2», фактическая конфискация нефтеперерабатывающих активов «Роснефти» в Европе⁵, похищение «ЛУКОЙЛа» к продаже его НПЗ в Болгарии⁶ и Италии⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что инвестиционные стратегии российских ВИНК охватывали не только европейский рынок, они также предполагали реализацию проектов в области upstream (разведка и добыча энергоресурсов) в различных регионах мира (Ближний Восток, Африка, Латинская Америка) (табл. 2). При выборе соответствующих проектов ВИНК руководствовались преимущественно соображениями экономической целесообразности и уровнем политических рисков в государствах-реципиентах, а не теми или иными внешнеполитическими ориентирами, задаваемыми руководством РФ. Можно констатировать, что такой подход также оказался непродуктивным — несмотря на наличие ряда успешных проектов (к примеру, проект компании «ЛУКОЙЛ» «Западная Курна» в Ираке).

В целом российские ВИНК не смогли стать ведущими игроками глобального рынка upstream и оказались неспособны составить сильную конкуренцию за пределами территории России ни так называемым мейджорам (ведущим частным международным нефтегазовым компаниям), ни крупнейшим национальным нефтегазовым корпорациям (ННК) развивающихся стран (Китая, Саудовской Аравии и др.). Подобный результат можно объяснить как относительной слабостью технологического потенциала (по сравнению с мейджорами), умеренными инвестиционными возможностями (в сравнении с ННК), так и отсутствием координирующей роли российского государства и синергии между стратегиями отдельных ВИНК и внешнеполитическим курсом страны в целом.

Исключением из этого правила можно считать создание Национального нефтяного консорциума российских ВИНК для реализации ряда проектов в Венесуэле⁸. Деятельность данного консорциума была призвана гармонично сочетать экономические и политические цели и стать примером использования энергетического фактора как элемента «мягкой силы». Однако вследствие введе-

ния американских санкций против нефтегазовой промышленности Венесуэлы работа консорциума была свернута.

В новых геополитических условиях необходимо, с одной стороны, изменить вектор энергетической политики России (что уже происходит в контексте так называемого «разворота на Восток»), а с другой стороны, сосредоточить усилия отечественных компаний на отдельных стратегических направлениях, где их совместные действия могут привести к наиболее высокой экономической отдаче при минимизации политических рисков с точки зрения рационального подхода [5]. Причем такое энергетическое партнерство может и должно опираться на существующие и вновь создаваемые политические альянсы различных форматов. Упомянутыми направлениями может стать развитие энергетического сотрудничества:

а) в странах АТР, являющихся ведущими покупателями российских энергоресурсов (Индия, Китай), с использованием формата ШОС;

б) на постсоветском пространстве (на основе ЕАЭС);

в) в дружественных и нейтральных государствах, выступающих производителями энергоресурсов (с опорой на форматы взаимодействия ОПЕК+ и БРИКС).

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ

Необходимость диверсификации международного сотрудничества в энергетической сфере была осознана в России на государственном уровне в начале 2000-х гг. [6]. Данная тенденция проявилась прежде всего в создании трубопроводной инфраструктуры, нацеленной на рынки Азиатско-тихоокеанского региона. Так, 31 декабря 2004 г. было подписано Распоряжение⁹ о разработке проекта и строительстве нефтепроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан», торжественная церемония пуска первой очереди проекта состоялась 28 декабря 2009 г.

В октябре 2012 г. Президент РФ Владимир Путин поручил ПАО «Газпром» проработать проект газопровода «Якутия — Хабаровск — Владивосток», впоследствии получивший название «Сила Сибири». Открытие газопровода состоялось 2 декабря 2019 г.

⁵ URL: <https://itek.ru/analytics/ograblenie-po-nemecki/>

⁶ URL: <https://www.rbc.ru/business/05/12/2023/656ee59c9a794741f1997be6>

⁷ URL: <https://www.forbes.ru/biznes/488861-lukoil-zakryl-sdelku-po-prodaze-npz-v-italii>

⁸ URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/rossiya-i-venesuela-sozdali-neftyanoie-sp>

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2004 № 1737-р «О единой нефтепроводной системе». URL: <https://base.garant.ru/5632254/>

При всей важности и актуальности данных проектов необходимо подчеркнуть, что они не решали проблему кардинального снижения зависимости российского нефтяного и газового экспорта от европейского рынка. В результате в 2022–2023 гг. властям России и нефтегазовым компаниям из-за разрыва энергетического сотрудничества с Европой и введения антироссийских санкций пришлось в экстренном порядке организовывать переориентацию поставок углеводородного сырья на новые рынки. Если в случае с нефтью в целом удалось достигнуть данной цели (за счет увеличения морских перевозок), то в случае с газом многолетняя ориентация на европейских потребителей оказалась слабым звеном энергетической политики РФ. В итоге добыча газа в стране сократилась с 762,3 млрд куб. м в 2021 г.¹⁰ до 636,9 млрд куб. м в 2023 г.¹¹

Необходимо также отметить, что развитие восточного вектора газовых поставок в 2010-х гг. шло недостаточно высокими темпами. В частности, российско-китайские переговоры по строительству газопровода «Сила Сибири-2», начатые в 2006 г., на данный момент не завершены (хотя значительно активизированы в 2022–2023 гг.). Это также можно расценивать как минус российской энергетической политики 2010-х гг. Не в полной мере использовались и другие возможности по созданию транспортной инфраструктуры для поставок российского сырья в рамках АТР. Такие возможности, безусловно, имеются — в частности, речь может идти об участии отечественных компаний в проекте «Пакистанский поток» с целью поставок регазифицированного российского СПГ вглубь страны.

Низкую активность, по сравнению с европейским направлением, российские ВИНК проявили в секторе downstream в АТР. Хотя именно приобретение и развитие нефтеперерабатывающих и нефтехимических активов в странах региона способно обеспечить максимальный экономический эффект за счет емкого и растущего внутреннего рынка (на фоне бурной автомобилизации Китая и развития отраслей, потребляющих продукцию нефтехимии), а также благодаря наличию возможностей экспорта топлива и нефтехимических товаров из АТР в другие страны и регионы.

Реализацией проектов в секторе downstream в АТР занимается только одна российская ВИНК — «Роснефть». Она создала с китайской национальной

нефтегазовой корпорацией совместное предприятие Rosneft Orient Petrochemical Company Ltd. для строительства нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса в г. Тяньцзинь. «Роснефть» также приобрела долю в 49,13% в индийской корпорации Nayara Energy Limited — владельца НПЗ «Вадианар» и одноименного порта.

В связи с вышеизложенным ключевым направлением внешней энергетической политики РФ должно стать укрепление восточного вектора за счет реализации совместных проектов в секторе upstream и downstream. Необходимо отметить, что компании из Китая, Индии и ряда стран АТР проявляют повышенное внимание к нефтегазовым активам на территории России и уже вошли в ряд проектов (табл. 3). Представляется, что данный процесс должен быть взаимным, и российским компаниям необходимо переориентировать не только экспортные потоки сырья, но и свои инвестиционные стратегии на новые рынки. Соответственно, российское государство должно формировать необходимые внешнеполитические условия для такого продвижения путем двухсторонних переговоров, задействования вышеупомянутых многосторонних форматов партнерства и т.д.

Еще один важнейший вектор развития — расширение присутствия российского энергетического бизнеса на постсоветском пространстве. Здесь также имеются определенные наработки (табл. 4). В частности, можно выделить проекты компании «ЛУКОЙЛ» в Азербайджане, Узбекистане и Казахстане. В 2022–2023 гг. активизировались переговоры о расширении энергетического сотрудничества России и бывших среднеазиатских республик СССР. Речь идет о налаживании поставок газа из России в Узбекистан¹². Перечисленные республики могут также послужить транзитными территориями для осуществления поставок сырья на рынки Китая и Индии. Учитывая, что Узбекистан, Казахстан и Туркменистан обладают значительными запасами углеводородного сырья и выступают в качестве крупных поставщиков ископаемого топлива на мировые рынки и прежде всего в АТР, крайне важно создать международные механизмы взаимодействия, позволяющие, с одной стороны, избежать прямой конкуренции и откровенного демпинга (в чем были бы заинтересованы страны-потребители в лице того же Китая), а с другой стороны, обеспечить синергию функционирования ТЭК

¹⁰ URL: <https://www.interfax.ru/business/813697>

¹¹ URL: <https://tass.ru/ekonomika/19912977>

¹² URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2024/65d684b49a7947af1d8e62a5>

России и указанных стран за счет осуществления совместных проектов.

Наконец, расширение взаимодействия со странами-производителями энергоресурсов на Ближ-

нем Востоке и в других регионах можно рассматривать в качестве третьего стратегического направления развития международного энергетического сотрудничества. Здесь также работа будет вестись

Таблица 1 / Table 1

**Энергетические проекты российских компаний на рынке Европы и США (логистика и downstream) /
Energy projects of Russian companies in Europe and the USA (logistics and downstream)**

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
«Газпром» – проект «Ямал–Европа»	1992	Евросоюз	Проект был направлен на улучшение логистических возможностей экспорта природного газа в европейские страны – наиболее близкие и маргинальные точки спроса для российских углеводородов
Первая АЗС «ЛУКОЙЛ» в США ^а	1997	США	В планах «ЛУКОЙЛа» было построить более 2 тыс. АЗС в США и стать крупным розничным оператором на американском рынке. По словам представителей компании доход от розничного бизнеса должен был стать ресурсом для вложений в развитие российской промышленности ^б
Покупка «ЛУКОЙЛом» контрольного пакета акций Petrotel ^с	1998	Румыния	Продолжение расширения «ЛУКОЙЛом» своих перерабатывающих мощностей. В числе компаний, которые принимали участие на аукционе по приобретению акций, были компании из США, Ирана и Нидерландов. В начале 2023 г., по сообщениям СМИ, «ЛУКОЙЛ» подписал контракт на поставку нефти для своего НПЗ в Румынии ^д
«ЛУКОЙЛ» купил контрольный пакет акций «Нефтохим» ^е	1999	Болгария	На момент сделки Бургасский НПЗ, который принадлежал «Нефтохим», был единственным в Болгарии. За 24 года владения в модернизацию НПЗ инвестировано более 4 млрд долл. В марте 2024 г. Болгария прекратила импорт нефти из России. До этого «ЛУКОЙЛ» отмечал, что изменит стратегию по управлению активами в стране ^ф . Например, возможно обсуждение продажи бизнеса в Болгарии
Приобретение контрольного пакета акций НПЗ «Брод» «Зарубежнефтью» ^г	2007	Республика Сербская	С 2007 г. инвестиции в НПЗ составили около 220 млн евро. В конце 2023 г. премьер-министр Республики Сербской Радован Вишковиц рассказал о текущем состоянии активов «Зарубежнефти», а также затронул тему будущего развития НПЗ «Брод» ^з . По его словам, власти Республики содействуют «Зарубежнефти» в обеспечении работы нефтеперерабатывающего завода в условиях санкций, кроме этого, планируется строительство солнечной электростанции и газовой электростанции на МПЗ «Модрича» и НПЗ «Брод». (МПЗ «Модрича» – маслоперерабатывающий завод, у «Зарубежнефти» есть доля в нем)
«ЛУКОЙЛ» купил долю в НПЗ на о. Сицилия ^и	2008	Италия	Сумма, заплаченная за 49% в НПЗ, составила 1,347 млрд евро. Позже «ЛУКОЙЛ» увеличил свою долю до 60% (2011 г.). В 2012 г. «ЛУКОЙЛ» увеличил свою долю до 80%. Позже компании стало принадлежать 100%. В мае 2023 г. «ЛУКОЙЛ» закрыл сделку по продаже своего актива энергетическому подразделению кипрского фонда Argus New Energy Fund
«ЛУКОЙЛ» открыл первую АЗС в Бельгии ^к	2008	Бельгия	«ЛУКОЙЛ» расширял сеть своих АЗС в странах Бенилюкса. В 2012 г. после покупки 46 АЗС в Нидерландах и 13 в Бельгии у голландской Verolma Group «ЛУКОЙЛ» стал обладателем 228 АЗС в трех странах ^л

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
Покупка 45% акций НПЗ Total Raffinaderij Nederland «ЛУКОЙЛом» ^м	2009	Бельгия	Бумаги были куплены у французской Total за 600 млн долл. (не учитывая запасы нефтепродуктов и нефти). Эксперты отмечали, что цена покупки акций для «ЛУКОЙЛа» была на низком уровне, если сравнивать другие подобные сделки компании в других странах, а также аналогичные сделки во всей отрасли в то время ^п
Соглашение «Роснефти» и ExxonMobil ^о	2011	США	Соглашение было направлено на сотрудничество по разработке месторождений в США и России. Например, речь шла об освоении шельфа в Карском и Черном море и помощи в добыче трудноизвлекаемых запасов нефти в Западной Сибири. Кроме этого, у «Роснефти» появилась возможность участия в проектах ExxonMobil на территории США

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечания / Notes: а – «ЛУКОЙЛ»: пять пятилеток новой России. Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3143912>; б – Американцы будут заправляться на российских АЗС. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/181750>; с – «ЛУКОЙЛ» купил нефтеперерабатывающий завод в Румынии. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/190550>; d – «ЛУКОЙЛ» заключил контракт с оператором нефтяного терминала в Румынии о транспортировке нефти на НПЗ Petrotel Lukoil. Neftegaz.ru URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/766187-lukoil-zaklyuchil-kontrakt-s-operatorom-neftyanogo-terminala-v-umynii-o-transportirovke-nefti-na-np/>; e – «ЛУКОЙЛ» станет болгарским монополистом. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/223492>; f – Болгария прекращает импорт нефти из России. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/948612>; g – «Зарубежнефть» купила НПЗ «Брод» в республике Сербской. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/library/news/2007/02/05/zarubezhneft-kupila-npz-brod-v-respublike-serbskoj>; h – Республика Сербская рассчитывает подписать долгосрочный договор о поставках газа из России до конца 2023 г. Neftegaz.ru URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/798004-respublika-serbskaya-rasschityvaet-podpisat-dolgosrochnyy-dogovor-o-postavkakh-gaza-iz-rossii-do-kon/>; i – «ЛУКОЙЛ» попал в итальянскую переработку // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/905930>; k – «ЛУКОЙЛ» открыл первую АЗС в Бельгии // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20080522/108038907.html>; l – «ЛУКОЙЛ» заправит Бенилюкс. Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2012/04/13/lukoil_zapravit_benilyuks; m – «ЛУКОЙЛ» приобрел завод в Голландии за \$ 725 млн. BFM.ru URL: <https://www.bfm.ru/news/22449>; n – «ЛУКОЙЛ» добрался до Голландии. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1191398>; o – Соглашение Роснефти и ExxonMobil – позитив для акций российской компании. БКС Экспресс. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/soglasenie-rosnefti-i-exxonmobil-pozitiv-dlya-akciy-rossiyskoy-kompanii>

не с чистого листа, поскольку ряд отечественных компаний уже имеет опыт вхождения в добычные проекты на Ближнем Востоке (см. табл. 2). В качестве примеров можно отметить участие «Газпром нефть» в проекте Бафра, «ЛУКОЙЛ» — в проекте «Западная курна-2» в Ираке, «Роснефть» — в проекте «Зохран» в Египте и т.д.¹³

Здесь важно отметить два момента. Во-первых, международное энергетическое сотрудничество с указанными странами, как и в целом российская внешняя энергетическая политика, не должны ограничиваться только реализацией добычных проектов [7]. Для России широкие перспективы также открываются в области создания и коммерциализации новых энергетических технологий, создания новых подходов к генерации энергии, производства высокотехнологичного оборудования, импортозамещения [8] и т.д. Как заявил в апреле 2023 г. заместитель председателя Правительства РФ Александр Новак, страны-участницы соглашения

ОПЕК+ могут продолжить сотрудничество и после окончания сделки, в том числе в рамках технологического взаимодействия и создания совместных проектов¹⁴.

Во-вторых, в такое взаимодействие могут быть вовлечены и другие крупные производители энергоресурсов, за пределами ближневосточного региона. В первую очередь это может касаться Бразилии, активно развивающей свой нефтегазовый комплекс и обладающей значительным опытом разработки шельфовых месторождений. Также на фоне антироссийских санкций вполне логичным шагом выглядело бы возвращение российских ВИНК в Венесуэлу (член ОПЕК), заявившую о своем намерении присоединиться к формату БРИКС¹⁵. Механизмы БРИКС способны стать фундаментом для такого широкого энергетического партнерства. Именно в странах Латинской Америки нефтегазовые компании могут стать драйверами усиления присутствия российского бизнеса в регионе и проводниками «мягкой силы».

¹³ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/>

¹⁴ URL: <https://tass.ru/ekonomika/17613483>

¹⁵ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18441161>

Таблица 2 / Table 2

Участие российских компаний в проектах по добыче углеводородного сырья в странах Ближнего Востока, АТР, Африки и Латинской Америки / Participation of Russian companies in projects for the extraction of hydrocarbons in the Middle East, Asia-Pacific, Africa and Latin America

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
LUKAgip (Совместное предприятие «ЛУКОЙЛа» и нефтяной компании Agip S.L.A)	1996	Италия	Проекты направлены на добычу углеводородов в Египте и Азербайджане. LUKAgip N.V. имеет доли: 24% в лицензионном соглашении на месторождение Мелейха в Египте, 10% в проекте «Шах Дениз» в Азербайджане и 8% в компании по сбыту газа в Азербайджане. Кроме того, ее дочерняя компания, LUKAgip B.V., контролирует 10% в Южно-Кавказской трубопроводной компании
Подписание соглашения по разработке блока на шельфе Вьетнама ^a	2000	Вьетнам	В 2009 г. «Газпром» и PetroVietnam создали совместное предприятие «Газпромвьет». Учрежденная компания работала в России, Вьетнаме и других странах ^b
Реализация «ЛУКОЙЛом» проекта WEEM	2002	Египет	В 2023 г. власти Египта одобрили продление соглашения на работу «ЛУКОЙЛа» на месторождении ^c . В марте 2024 г. СМИ сообщали, что «ЛУКОЙЛ» обсуждает с властями Египта расширение своей деятельности на территории страны помимо уже существующих проектов ^d
Совместный проект нефтяной компании Norsk Hydro и «ЛУКОЙЛа» в совместном проекте ^e	2003	Норвегия	Разведка нефтяных месторождений в Иране: наращивание зарубежных активов обеими компаниями. При соглашении компании намеревались сотрудничать в двух проектах: разработка углеводородов в Ненецком АО, а также в иранском блоке Anaran
Получение «Татнефтью» концессии на разработку месторождения в районе Гадамис	2005	Ливия	После этого «Татнефть» получила права на разработку нескольких блоков в районе бассейнов Сирт и Гадамис ^f
Подписание соглашения по разделу продукции на блоке № 19	2007	Ливия	Соглашение подписано между «Газпромом» и Национальной нефтяной компанией Ливии. Сообщалось, что потенциальные инвестиции составят около 200 млн долл. ^g
«Газпром» заключил соглашение с государственной компанией YPFB ^h	2008	Боливия	Проведение геологоразведочных работ на месторождениях «Асеро» и «Сунчал»: после ряда соглашений между «Газпромом» и YPFB, заключенных в 2007–2008 гг., президент Боливии Эво Моралес Айма прилетел с первым официальным визитом в Россию за весь период установленных дипломатических отношений между РФ и Боливией
Реализация «Газпромом» проекта «Эль-Ассель» ⁱ	2008	Алжир	За 7 лет работы Gazprom International исполнил свои обязательства по контракту на проведение геологоразведочных работ. В 2023 г. министр энергетики Николай Шульгинов рассказал о планах «Газпрома» начать добычу на «Эль-Ассель» в 2026 г. ^k

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
Выигранный «ЛУКОЙЛом» тендер на освоение месторождения Западная Курна-2 ¹	2009	Ирак	Извлекаемые запасы месторождения оценивались в 13 млрд баррелей нефти. В конце 2023 г. контракт на работу на данном месторождении был продлен ^м
Участие «ЛУКОЙЛа» в глубоководном проекте на шельфе	2015	Нигер	«ЛУКОЙЛ» получил долю (18%) в блоке OML-140. В 2019 г. «ЛУКОЙЛ» и Нигерийская национальная нефтяная корпорация подписали рамочное соглашение, главным итогом которого было подтверждение намерений дальнейшего развития сотрудничества ^п
Роснефть и НАОС	2017	Иран	Речь идет о дорожной карте по реализации совместных стратегических проектов в сфере нефтегазодобычи, модернизации нефтеперерабатывающей промышленности, совершения своповых сделок, обучения кадров ^о . Объем инвестиций мог составить около 30 млрд долл.
«ЛУКОЙЛ» одержал победу в тендере по разработке месторождения	2017	Мексика	Компания получила право на разработку месторождений в нефтегазоносной провинции Куэнкас-дель-Суресте. Сообщалось, что оценочный объем залежей мог составить около 958,4 млн баррелей ^р
«Роснефть» приобрела долю в разработке месторождения Зохран ^q	2017	Египет	Компания «Роснефть» приобрела долю (30%) в газовом месторождении Зохран, расположенном на континентальном шельфе Египта, за сумму 1,125 млрд долл. у итальянской компании Eni и британской BP. Месторождение Зохран является одним из крупнейших в мире, с общими запасами более 850 млрд куб. м природного газа, что составляет почти треть от общих запасов Египта
Консорциум «Роснефти» и ExxonMobil по разработке шельфа Мозамбика ^с	2018	Мозамбик	Компания получает возможность изучения геологии морских и наземных блоков в Мозамбике с перспективой дальнейшего участия в добыче углеводородов из них. СМИ сообщали, что в 2019 г. «Роснефть» достигла соглашения о разработке газовых месторождений на шельфе Мозамбика ^с

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечания / Notes: а — Gazprom International во Вьетнаме. Газпром. URL: <https://international.gazprom.ru/tekhnologii/vietnam/>; б — «Газпром» и Petrovietnam учредили СП «Газпромвьет». РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20091215/199438619.html>; в — Египет одобрил сделку с «ЛУКОЙЛом» по разведке и добыче нефти под Хургадой. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/20/12/2023/6582e9629a794726645e2033>; д — Египет обсуждает с «ЛУКОЙЛом» возможности расширения присутствия компании в стране. Финмаркет. URL: <https://www.finmarket.ru/news/6132502>; е — «ЛУКОЙЛ» Оверсиз», в рамках контракта с Norsk Hydro, приобретет 25% в проекте по геологоразведке сухопутного блока Anaran в Иране. MFD.ru. URL: <https://mfd.ru/news/view/?id=67172>; ф — «В условиях невозможности наращивать добычу внутри России «Татнефть» успешно ищет возможности для участия в международных проектах». Kazanfirst. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/613661>; г — «Газпром» и ливийская нефтяная компания подписали СП на право разведки и разработки углеводородов блока № 19 на шельфе Средиземного моря. MFD.ru URL: <https://mfd.ru/news/view/?id=203956>; h — Боливия дождалась «Газпром». РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/03/2013/56c1b2989a7947406ea09e3e>; i — Деятельность. Gazprom International. URL: <https://international.gazprom.ru/tekhnologii/>; k — «Газпром» планирует начать добычу углеводородов на участке Эль-Ассель в Алжире в 2026 году. ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/18374217>; l — Зарубежные проекты. «ЛУКОЙЛ». URL: <https://lukoil.ru/Business/Upstream/Overseas>; m — «ЛУКОЙЛ» увеличит добычу нефти в Ираке. Контракт на Западную Курну 2 — продлен. Neftegaz.ru. URL: <https://neftgaz.ru/news/dobycha/800188-lukoil-velichit-dobychu-nefti-v-irake/>; n — Перспективы на африканском континенте. ЦДУ ТЭК. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/2/717/; o — «Роснефть» и Иран договорились о проектах с инвестициями в \$ 30 млрд. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/01/11/2017/59f9bf299a79470d7ff28a9d>; p — «Дочка» ЛУКОЙЛа выиграла тендер на освоение месторождения в Мексике. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/594848c49a794738357f8ec7>; q — Проект «Зохран», Египет. Роснефть. URL: https://www.rosneft.ru/business/Upstream/ProductionAndDevelopment/Proekt_Zohr_Egipet/; r — Проекты на шельфе Мозамбика. Роснефть. URL: https://www.rosneft.ru/business/Upstream/ProductionAndDevelopment/Proekti_na_shelfe_Mozambika/; s — «Роснефть» договорилась о разработке газовых месторождений в Мозамбике. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4068174>

Таблица 3 / Table 3

Участие компаний из стран АТР в энергетических проектах на территории России / Participation of companies from Asia-Pacific countries in energy projects in Russia

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
Участие компании ONGC Videsh в проекте «Сахалин-1»	1996	Индия	ONGC Videsh, дочернее зарубежное подразделение ONGC, владеет 20%-й долей в проекте «Сахалин-1». Около четверти запасов компании, равных 124,7 млн т на конец марта 2022 г., приходится на этот проект. После смены оператора в апреле 2023 г. ONGC получила свою долю ликвидационного фонда. В настоящее время она пытается передать ее ООО «Сахалин-1»
«Сахалин-1», «Сахалин-2»	1995, 1994	Япония	«Сахалин-1» предусматривает разработку четырех морских месторождений на северо-восточном шельфе острова Сахалин в акватории Охотского моря. С 2022 г. Правительство РФ разрешило передать 30% в новом операторе «Сахалин-1» японской Sodeco, а 20% – индийской ONGC. «Сахалин-2» включает освоение двух месторождений, расположенных в Охотском море. С 2022 г. доля японских компаний в проекте составляет у Mitsui – 12,5%, а у Mitsubishi – 10%
Сила Сибири ^а	2014	Китай	В мае 2014 г. был заключен договор купли-продажи российского газа между компаниями «Газпром» и CNPC по «восточному» маршруту. В сентябре 2016 г. стороны заключили контракт на сооружение подводного перехода трансграничного участка газопровода «Сила Сибири» через реку Амур. Начало строительства перехода с китайской стороны было запланировано на апрель 2017 г., в мае был открыт пункт пропуска через российско-китайскую границу для обеспечения работы строителей в пограничной зоне
Вхождение CNPC и Фонда Шелкового пути в капитал проекта «Ямал СПГ»	2014	Китай	Китайская компания China National Petroleum Corporation и Фонд Шелкового пути получили по 20 и 9,9% в проекте. Также 20% в проекте имеет французская Total. В 2023 г. глава «Новатэка» Леонид Михельсон попросил освободить китайских акционеров от налога на дивиденды с целью их реинвестирования в проект
Sinorec приобрел 10% «Сибур»	2015	Китай	После инвестиций в крупнейшую российскую нефтяную компанию следующим стратегическим шагом для продолжения сотрудничества заявлялось совместное строительство Амурского газохимического комплекса (строительство началось в 2020 г.)
Beijing Gas Group Company Limited купила 20% в проекте «Роснефти» – АО «ВЧНГ»	2017	Китай	Цена доли составила 1,1 млрд долл. Сделка также позволила «Роснефти» получить доступ к конечному потребителю газа на китайском рынке с помощью схемы своповых поставок
С долями по 10% в проект «Арктик СПГ-2» вошли CNOOC и CNPC ^б	2019	Китай	Продолжение сотрудничества с Китаем в рамках привлечения крупных инвесторов в перспективные проекты. Для Китая участие в данном проекте является возможностью получить влияние в Арктическом регионе
«Восток Ойл»	2021	Индия	В 2020 г. Индия сообщила о своем принципиальном намерении войти в проект ^с . В 2021 г. ONGC Videsh Ltd, Indian Oil Corp Ltd и Oil India Ltd рассматривали перспективы вхождения в проект ^д

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечания / Notes: а – Сила Сибири. Газпром. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/>; б – «Арктик СПГ» стал немного китайским. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3997063>; с – Индия решила присоединиться к проекту «Восток ойл». Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/694111>; д – СМИ: консорциум из Индии рассматривает вхождение в проект «Восток ойл» «Роснефти». Рамблер. URL: <https://finance.rambler.ru/business/47618650-smi-konsortium-iz-indii-rassmatrivaet-vhozhdenie-v-proekt-vostok-oil-rosnefti/>

Таблица 4 / Table 4

**Участие российских компаний в энергетических проектах на постсоветском пространстве /
Participation of Russian companies in energy projects in the former Soviet Union**

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
Работа «ЛУКОЙЛа» на месторождении «Карачаганак»	1997	Казахстан	Месторождение «Карачаганак» в Западно-Казахстанской области, в 140 км от Уральска, является одним из крупнейших в мире. В 1997 г. «ЛУКОЙЛ» присоединился к проекту. По состоянию на 2023 г., «ЛУКОЙЛ» имеет 13,5%-ю долю в проекте ^a
«Роснефть» была определена российской компанией для освоения месторождения «Курмангазы» ^b	2002	Казахстан	В 2003 г. Россия утвердила компанию «РН–Казахстан» для совместной разработки структуры «Курмангазы» на шельфе Каспийского моря. Закреплен опцион участия в совместном предприятии в размере 25% за российской стороной. Национальная компания «КазМунайГаз» представляет Казахстан с 50%-й долей участия. Бывший президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписал закон о ратификации протокола к соглашению о разграничении дна Каспийского моря в 2016 г. Еще один протокол к этому соглашению был подписан в ноябре 2017 г.
Освоение «ЛУКОЙЛом» Гиссарских месторождений ^c	2008	Узбекистан	Запуск новых объектов позволил «ЛУКОЙЛу» достичь добычи газа на Гиссарской группе месторождений на уровне проектной емкости в 5 млрд куб. м в год. В числе ключевых производственных объектов проекта «Юго-Западный Гиссар» – установка комплексной подготовки газа (4,4 млрд куб. м в год), установка предварительной подготовки газа и шесть газосборных пунктов
Сотрудничество «Роснефти» и SOCAR ^d	2013	Азербайджан	В 2014 г. «Роснефть» и SOCAR было подписано соглашение о совместном предприятии по реализации проектов разведки и добычи нефти и газа в различных юрисдикциях, в том числе в Азербайджане и России
Подписание «Газпромом» и «Узбекнефтегаз» соглашения о реализации геологоразведочных работ	2017	Узбекистан	Соглашение предусматривает сотрудничество при реализации новых проектов на территории Узбекистана, включая работы по реконструкции, строительству и эксплуатации газовой инфраструктуры, добыче, разведке, переработке и хранению углеводородов
Разработка «Газпромом» газового месторождения «Джел» ^e	2019	Узбекистан	Ранее в 2017 г. «Газпром» и «Узбекнефтегаз» подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве. Оно включало совместные проекты по добыче, транспортировке и переработке углеводородов, а также проведению мероприятий по обмену опытом и технологиями. В мае 2018 г. было подписано Дополнительное соглашение № 2 к соглашению о разделе продукции по месторождению Шахпахта. Это продлило сроки добычи газа на месторождении до 2024 г. ^f
Строительство «Татнефтью» завода по производству шин ^g	2021	Казахстан	Продолжение развития шинного бизнеса компании в других странах помимо РФ (до начала санкций после февраля 2022 г.). В декабре 2022 г. завод выпустил первую партию продукции
Покупка «Татнефтью» ООО «Биринчи резинотехника заводи» ^h	2022	Узбекистан	Продолжение развития шинного бизнеса компании в рамках СНГ из-за потенциальных ограничений по развитию данной отрасли в РФ. Покупка 100% доли обошлась «Татнефти» в 80 млн долл.

Окончание таблицы 4 / Table 4 (continued)

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
Разработка углеводородных месторождений в Казахстане «ЛУКОЙЛом» и «Казмунайгазом» ⁱ	2023	Казахстан	Проект реализуется в рамках поручения президента Казахстана по освоению новых месторождений и активному привлечению инвестиций в геологоразведку. В данном случае речь идет о совместной разработке трех углеводородных месторождений: Каламкас-море, Хазар и Ауэзов на континентальном шельфе Каспийского моря. По сообщениям СМИ, в проекте работы на этих месторождениях «ЛУКОЙЛу» передается доля в 50% ^k

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечания / Notes: а – У «ЛУКОЙЛа» пересохло в море. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6097159>; б – «Роснефть» назначена уполномоченной организацией от российской стороны в проекте освоения структуры «Курмангазы» на севере Каспия. Нефть и Капитал. URL: <https://oilcapital.ru/news/2002-07-30/rosneft-naznachena-upolnomochennoy-organizatsiey-ot-rossiyskoy-storony-v-proekte-osvoeniya-struktury-kurmangazy-na-severe-kaspiya-1009449>; с – «ЛУКОЙЛ» рассказал об освоении Гиссарских месторождений. Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/07/30/lukoil/>; d – «Роснефть» и SOCAR подписали Соглашение о сотрудничестве. Роснефть. URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/177759/>; e – Месторождение «Джел»: новые горизонты Газпрома в Узбекистане. Podrobno.uz. URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/mestorozhdenie-dzhel-novye-gorizonty-gazproma-v-uzbekistane/>; f – Gazprom International в Узбекистане. Gazprom International. URL: <https://international.gazprom.ru/tehnologii/uzbekistan/>; g – «Татнефть» начала строительство завода автомобильных шин в Казахстане // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20210405/tatneft-1604235517.html>; h – «Татнефть» консолидирует узбекское предприятие по производству шин. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/875096>; i – «ЛУКОЙЛ» подписал с «Казмунайгазом» условия вхождения в новые проекты на Каспии. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/02/06/961884-lukoil-podpisal-s-kazmunaigazom>; k – «Ведомости» написали об условиях вхождения «ЛУКОЙЛа» в совместный с КМГ каспийский проект // URL: <https://kz.kursiv.media/2023-02-09/zhnb-lukoilkmg/>

Таблица 5 / Table 5

Зарубежные проекты госкорпорации «Росатом» / Rosatom's foreign projects

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
Тяньваньская АЭС ^a	1997	Китай	Внедрение новых механизмов защиты уже существующих проектов энергоблоков. Проект считается одним из крупнейших в сфере экономического сотрудничества России и Китая (необходимо учитывать риски сооружения атомных станций, и постройка АЭС в стране – показатель доверия между странами). После завершения постройки всех энергоблоков АЭС должна стать крупнейшей в мире с мощностью 9000 МВт ^b
АЭС «Куданкулам»	1998	Индия	Работа в рамках выполнения Межправительственного соглашения от 1988 г. и допсоглашения от 21.07.1998 г. АЭС «Куданкулам» включает шесть энергоблоков с реакторной установкой ВВЭР 1000. Два блока уже эксплуатируются (с 2014–2016 гг.), четыре – в стадии строительства. На более поздних сооружениях применяется технология «Open top» – монтаж оборудования через открытый верх (реакторное отделение накрывается куполом уже после монтажа)
АЭС «Аккую»	2010	Турция	Первая в мире атомная станция, построенная по модели «строй–владей–эксплуатируй». АЭС принадлежит дочерней компании Росатома «Аккую нуклеар», а Турция гарантирует закупку электроэнергии станции ^c
АЭС «Руппур» ^d	2011	Бангладеш	Первая атомная электростанция в Бангладеш представляет собой проект, осуществляемый в формате «одного окна» или комплексного предложения «под ключ», что включает в себя все этапы, начиная с проектирования и заканчивая подготовкой персонала. Кроме того, в рамках этого проекта предусмотрено создание и развитие социальной инфраструктуры. Россия также предоставила кредит Республике Бангладеш на строительство атомной электростанции на сумму до 11,38 млрд долл.

Окончание таблицы 5 / Table 5 (continued)

Проект / Project	Год / Year	Страна / Country	Особенности проекта / Project Features
Белорусская АЭС	2011	Белоруссия	Главной особенностью данного проекта является интеграция активных и пассивных систем безопасности, обеспечивающих высокую степень надежности АЭС в условиях воздействия как внешних, так и внутренних факторов. Каждый энергоблок оборудован «ловушкой расплава» – устройством, предназначенным для ограничения и локализации расплава активной зоны ядерного реактора. Кроме того, присутствуют и другие пассивные системы безопасности, способные функционировать даже при полном отсутствии энергопитания и не требующие вмешательства операторов
АЭС «Пакш»	2014	Венгрия	Реализация атомной электростанции «под ключ» представляет собой процесс, в рамках которого производство и обеспечение функционирования не зависят от вмешательства заказчика ^е . Соответствие требований безопасности на основе стандартов EUR и WENDA. Также в 2023 г. в Венгрии начался основной этап строительства двух российских реакторов мощностью 1,2 ГВт ^ф
АЭС «Эль-Дабаа» ^г	2015	Египет	В рамках данного проекта применяется система управления информацией Multi-D Information Management System, обеспечивающая согласованную работу всех участников проекта в едином информационном пространстве и поддерживающая комплексные взаимосвязи между различными данными об АЭС, которые хранятся в системе
АЭС «Сюйдапу»	2018	Китай	Данный проект нацелен на укрепление сотрудничества между Россией и Китаем в области ядерных технологий. Российская сторона несет обязанности по проектированию и поставке ключевого оборудования для ядерного блока, а также предоставляет услуги по авторскому надзору, шефмонтажу и шефналадке поставленного оборудования. Сторона Китая отвечает за поставку турбогенераторов для атомной электростанции ^н

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечания / Notes: а – Десять лет Тяньваньской АЭС: как растёт российско-китайский гигант. РИА новости. URL: <https://ria.ru/20170828/1501199248.html>; б – Выработка электроэнергии Тяньваньской АЭС превысила 400 млрд кВт·ч. СИНБХУА новости. URL: <https://russian.news.cn/20231026/26d4520db7524a249e6d657ac1fef73b/c.html>; в – Что надо знать про АЭС «Аккую», которую Россия строит в Турции // Российская газета URL: <https://rg.ru/2021/03/10/chto-nado-znat-pro-aes-akkuiu-kotoruiu-rossiia-stroit-v-turcii.html>; д – Что известно о строящейся в Бангладеш АЭС «Руппур» // ТАСС URL: <https://tass.ru/info/18916197>; е – Background of the project. Paks II. Ltd. URL: <https://paks2.hu/web/paks-2-en/background-of-the-project>; ф – Hungary licenses two new reactors at Paks nuclear plant. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/hungary-licenses-two-new-reactors-paks-nuclear-plant-2022-08-26/>; г – Сооружение АЭС за рубежом. Росэнергоатом. URL: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/perspektivy-sooruzheniya-rossiyskikh-aes-za-ru-bezhom/; н – Тяньваньская АЭС и АЭС «Сюйдапу». Вестник Атомпрома. URL: <https://atomvestnik.ru/2023/05/30/tjanvanskaja-ajes-i-ajes-sjudapu/>

ВЫВОДЫ

В статье были проанализированы векторы энергетической внешней политики Российской Федерации с начала 1990-х гг. по настоящее время. В ходе исследования были систематизированы основные энергетические проекты российских энергетических компаний за этот период, определен контекст их реализации, обозначены ошибки и противоречия, а также предложены дальнейшие перспективные направления развития энергетической «мягкой силы». Согласно выводам исследования, корректировка вектора внешней энергетической политики РФ не должна ограничиваться только нефтегазовым ком-

плексом. Альтернативой может стать атомная отрасль, которая сегодня выступает одним из инструментов «мягкой силы» [9]. «Росатом» реализует проекты по строительству АЭС в ряде зарубежных стран (табл. 5), а также готовит кадровые ресурсы [10], тем самым укрепляя международные связи и упрочивая имидж России как одного из глобальных технологических лидеров. В перспективе же энергетическое сотрудничество может реализовываться в области возобновляемой энергетики и водородных технологий, где Россия обладает значительным ресурсным, технологическим и кадровым потенциалом. Сегодня и ведущие страны-потребители энергоресурсов

(в первую очередь Китай), и государства-производители углеводородного сырья (Саудовская Аравия, ОАЭ и др.) активно включились в зеленую повестку и направляют значительный объем инвестиций в развитие технологий ВИЭ, поэтому России необходимо учитывать данные обстоятельства при выстраивании государственной энергетической

политики и инвестиционных стратегий компаний ТЭК. Более того, формирование образа России как одного из лидеров глобального энергоперехода позволило бы разрушить негативный фейковый штамп «большой бензоколонки», активно навязываемый западными СМИ, и послужило бы еще одним механизмом «мягкой силы».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебедев Е.Л. Феномен энергетической дипломатии с позиции ведущих школ теории международных отношений. *Инновации. Наука. Образование*. 2021;(42):1035–1041. URL: <https://www.elibrary.ru/yjwsvt>
2. Най Джозеф С. Будущее власти: Как стратегия умной силы меняет XXI век. Пер. с англ. Москва: АСТ; 2013. 444 с.
3. Горелов А.А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONIALИЗМА. *Век глобализации*. 2014;2(14):52–64. URL: <https://www.elibrary.ru/sxdhnf>
4. Багиров Т.А. Международное значение реформ в нефтегазовом секторе России в 1990-х годах в контексте российско-американских отношений. Дис... д-р полит. наук. Москва; 2000. 234 с.
5. Кулакова Т.А. Трансформация понятия «рациональное» в теории принятия решений в политике и управлении. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012;1–1(15):98–103. URL: <https://www.elibrary.ru/pfkyrn>
6. Юдина О.Н. Энергетический диалог Россия-ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2022;14(2):40–75. DOI: 10.48015/2076–7404–2022–14–2–40–75
7. Ахмед М.А.Х. Место государств Ближнего Востока во внешней энергетической политике России. *Международные отношения*. 2018;(3):30–39. URL: <https://www.elibrary.ru/yhkeex>
8. Смирнов М. Новая энергетика: возможности и перспективы. *Энергетическая политика*. 2022;3(169):54–61. DOI: 10.46920/2409–5516_2022_3169_54
9. Бобыло А.М. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» России за рубежом: миф или реальность? *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018;3(46):27–37. DOI: 10.24866/1998–6785/2018–3/27–37
10. Руденко В.А., Головкин М.В., Евдошкина Ю.А., Василенко Н.П. К вопросу об эффективных практиках подготовки кадров для реализации экспортоориентированной стратегии ГК «Росатом». *Глобальная ядерная безопасность*. 2019;1(30):124–135. URL: <https://www.elibrary.ru/zcrxfj>

REFERENCES

1. Lebedev E.L. The phenomenon of energy diplomacy from the perspective of the leading schools of the theory of international relations. *Innovations. Science. Education*. 2021;(42):1035–1041. URL: <https://www.elibrary.ru/yjwsvt>. (In Russ.).
2. Nye Joseph S. The future of power: How smart power strategy is changing the 21st century. Transl. from Eng. Moscow: AST; 2013: 444 p. (In Russ.).
3. Gorelov A.A. From the world colonial system to global neocolonialism. *Century of Globalization*. 2014;2(14):52–64. URL: <https://www.elibrary.ru/sxdhnf>. (In Russ.).
4. Bagirov T.A. The international significance of reforms in the Russian oil and gas sector in the 1990s in the context of Russian-American relations. Dis. Dr. Polit. Sciences: Moscow; 2000. 234 p. (In Russ.).
5. Kulakova T.A. Transformation of the concept of “rational” in the theory of decision-making in politics and management. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2012; 1–1(15):98–103. URL: <https://www.elibrary.ru/pfkyrn>. (In Russ.).
6. Yudina O.N. The Russia-EU Energy Dialogue in 2000–2014: Key priorities, stages, contradictions and results. *Bulletin of the Moscow University. Episode 25: International Relations and World Politics*. 2022;14(2):40–75. (In Russ.). DOI: 10.48015/2076–7404–2022–14–2–40–75
7. Ahmed M.A.H. The place of the states of the Middle East in Russia’s foreign energy policy. *International Relations*. 2018;(3):30–39. URL: <https://www.elibrary.ru/yhkeex> (In Russ.).
8. Smirnov M. New energy: Opportunities and prospects. *Energy Policy*. 2022;3(169):54–61. (In Russ.). DOI: 10.46920/2409–5516_2022_3169_54

9. Bobylo A.M. Peaceful atom as a tool of Russia's "soft power" abroad: Myth or reality? *Oikumena. Regional studies*. 2018;3(46):27–37. (In Russ.). DOI: 10.24866/1998–6785/2018–3/27–37
10. Rudenko V.A., Golovko M.V., Evdoshkina Yu.A., Vasilenko N.P. On the issue of effective training practices for the implementation of the export-oriented strategy of Rosatom State Corporation. *Global Nuclear Safety*. 2019;1(30):124–135. URL: <https://www.elibrary.ru/zcrxfj> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Валерий Валентинович Андрианов — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Valery V. Andrianov — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. of the Department of Politology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6323-4635>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

vvandrianov@fa.ru

Михаил Сергеевич Сироткин — студент 1-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Mikhail S. Sirotkin — 1st year graduate student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2749-6862>

mikhail_sirotkin@bk.ru

Мария Владимировна Баженова — студентка 1-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maria V. Bazhenova — 1st year graduate student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1356-8872>

bamariv@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В.В. Андрианов — разработка общей концепции статьи, подготовка теоретической текстовой части.

М.С. Сироткин — разработка общей концепции части, анализ кейсов работы российских компаний «ЛУКОЙЛ», «Газпром».

М.В. Баженова — анализ кейсов работы компаний «Роснефть», «Росатом», общая редакция текста.

Authors' declared contributions:

V. V. Andrianov — development of the general concept of the article, preparation of the theoretical text part.

M. S. Sirotkin — development of the general concept of the section, analysis of case studies of companies "LUKOIL", "Gazprom".

M. V. Bazhenova — analysis of case studies of companies "Rosneft", "Rosatom", general text editing.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.04.2025; принята к публикации 14.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.04.2025; accepted for publication 14.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-34-42

УДК 324.26(045)

Современные практики легитимации дистанционного электронного голосования в контексте обеспечения электорального суверенитета Российской Федерации

В.А. Лукушин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные практики легитимации института дистанционного электронного голосования (ДЭГ), реализуемые в последние годы в Российской Федерации с использованием цифровых и нецифровых технологий в контексте обеспечения электорального суверенитета страны. Автор анализирует развитие онлайн-голосования в контексте комплексной цифровизации государства и общества, подчеркивая его соответствие уровню технологического развития страны. Особое внимание уделяется преимуществам ДЭГ: удобству и доступности голосования через интернет, обеспечению безопасности и конфиденциальности данных, прозрачности основных процедур голосования. Цифровые технологии позволяют автоматизировать процесс, сократить временные затраты и минимизировать ошибки. Растущий общественный интерес к онлайн-голосованию создает предпосылки для расширения практики использования ДЭГ на выборах различного уровня. В статье также поднимается проблема использования современных цифровых коммуникаций в повышении легитимности ДЭГ. Автор выделяет три контура обеспечения легитимности онлайн-голосования: нормативный, инфраструктурный и коммуникативный. Легитимизирующие практики и соответствующие меры, используемые избирательными комиссиями, органами государственной власти, а также институтами гражданского общества представляются частью единого политического пространства. Особое внимание в контексте повышения доверия населения к онлайн-голосованию уделяется рискам делегитимации системы ДЭГ в условиях усиления международной напряженности и интенсификации внешнего информационного давления на российских избирателей. В заключении указывается, что эффективное применение цифровых коммуникаций является инструментом лимитирования негативных эффектов информационного давления и сопутствующих общественно-политических угроз в сфере организации и проведения выборов.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование; онлайн-голосование; избирательный процесс; избирательная практика; легитимация выборов; делегитимация выборов; цифровизация выборов; цифровые технологии в политике; общественное наблюдение за выборами; электоральный суверенитет

Для цитирования: Лукушин В.А. Современные практики легитимации дистанционного электронного голосования в контексте обеспечения электорального суверенитета Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):34-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-34-42

ORIGINAL PAPER

Modern Practices of Legitimizing Remote Electronic Voting in the Context of Ensuring the Electoral Sovereignty of the Russian Federation

V.A. Lukushin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines modern practices of legitimizing the institution of remote electronic voting, implemented in recent years in the Russian Federation using digital and non-digital technologies in the context of ensuring the electoral sovereignty of the country. The author analyzes the development of online voting in the context of comprehensive digitalization of the state and society, emphasizing its compliance for the level of technological development of the country. Particular attention is paid to the advantages of Russian e-voting system including convenience and accessibility of e-

voting, ensuring the security and confidentiality of data, transparency of the basic voting procedures. Digital technologies make it possible to automate the process, reduce time costs and minimize errors. Growing public interest in online voting creates prerequisites for expanding the practice of using this system in elections at various levels. The article also raises the problem of using modern digital communications to increase the legitimacy of e-voting. The author identifies three contours of ensuring the legitimacy of online voting: normative, infrastructural and communicative. Legitimizing practices and necessary procedures used by election commissions, government authorities, as well as civil society institutions are presented as part of a single political space. In the context of increasing public confidence in online voting, special attention is paid to the risks of delegitimization of the e-voting system in the context of increasing international tensions and intensification of external information pressure on Russian voters. The conclusion indicates that the effective use of digital communications is a tool for limiting the negative effects of information pressure and associated socio-political threats in the sphere of organizing and holding elections.

Keywords: remote electronic voting; online voting; electoral process; electoral practice; legitimation of elections; delegitimization of elections; digitalization of elections; digital technologies in politics; public observation of elections; electoral sovereignty

For citation: Lukushin V.A. Modern practices of legitimizing remote electronic voting in the context of ensuring the electoral sovereignty of the Russian Federation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):34-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-34-42

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

За последние несколько лет в Российской Федерации дистанционное электронное голосование сформировалось как полноценный политический институт масштабного применения с развитой инфраструктурой, системой вовлеченных акторов и закрепленными в нормативных актах процедурами практического использования в избирательном процессе. Развитие онлайн-голосования в России соответствует уровню цифровизации государства и общества, высоким темпам технологического развития страны, демонстрирует зрелость и состоятельность национальных избирательной и политической систем [1]. Заинтересованность российских избирателей и растущий уровень общественно-го участия в голосовании с использованием ДЭГ предоставляет органам государственной власти возможность расширять практики использования данной системы на выборах различного уровня, совершенствовать механизмы и технологии ДЭГ в большем числе субъектов.

Современные цифровые коммуникации позволяют гражданам участвовать в голосовании из любой точки, где есть доступ к интернету. Это делает процесс голосования более удобным и доступным, особенно для тех, кто не может или не хочет посещать избирательные участки лично. Цифровые сервисы позволяют обеспечивать безопасность и конфиденциальность голосования. Защищенные платформы и алгоритмы шифрования помогают предотвратить возможность искажений или утечек информации. Кроме того, цифровые технологии позволяют создавать системы голосования, обладающие высокой степенью прозрачности и отслеживаемости. Это помогает гарантировать правильность подсчета голосов и уменьшать вероятность возможных нарушений. Автоматизация процесса голосования

с использованием цифровых технологий позволяет также сокращать временные затраты и избегать ручных ошибок, что делает процесс более эффективным и экономически целесообразным.

При этом технологии цифровых коммуникаций играют важную роль в повышении легитимности ДЭГ, обеспечивая удобство, безопасность, прозрачность и увеличивая уровень участия граждан в электоральных процессах наряду с традиционными практиками легитимации [2]. На современном этапе обеспечение легитимности новых средств волеизъявления граждан — необходимый элемент электорального суверенитета государства (средство защиты политической субъектности граждан, обеспечения свободного выбора и тайного голосования, а также противодействия внешнему вмешательству в избирательную и политическую системы суверенного государства) [3].

КОНТУРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Легитимация института дистанционного электронного голосования в Российской Федерации реализуется в единой системе действий и мер, направленных на обеспечение законности и прозрачности избирательного процесса. Выделим по меньшей мере три базовых контура: нормативный, инфраструктурный, коммуникативный (см. рисунок).

Основное положение в этой системе занимает законодательная база, представленная отдельными нормативно-правовыми актами, закрепляющими общие принципы и порядок проведения избирательных кампаний в России. Следовательно, *нормативный контур* закладывает правовую основу избирательного процесса, соответствующую общепризнанным стандартам, обеспечивающим

возможности реализации активного и пассивного избирательного права, справедливость и доступность выборов, чистоту основных процедур, включая подсчет голосов избирателей и определение результатов кампании. Кроме того, избирательное законодательство регулирует отдельные аспекты избирательного процесса, укрепляющие ценности справедливости и равенства [4].

К таковым можно отнести регулирование финансирования избирательных кампаний (в том числе введение лимитов на размер финансирования, характер взносов и требования к отчетности), обеспечение прав избирателей и кандидатов подавать жалобы в установленном порядке в случае нарушения избирательного законодательства. Законодательство также регулирует порядок проведения предвыборной агитации, включая равный доступ кандидатов к СМИ и запрет на агитацию в «день тишины» перед выборами. Эти меры направлены на создание условий для проведения честных и свободных выборов, что является основой легитимности избирательных кампаний.

Внутри *инфраструктурного контура* обеспечения легитимности российских выборов представлена системная деятельность избирательных комиссий, правоохранительных органов и институтов гражданского общества по обеспечению соблюдения закрепленных на законодательном уровне норм и требований. Важным обстоятельством является разграничение этих субъектов по группам и соответствующий им функционал: системы избирательных комиссий как организатор, правоохранительные органы как регулятор, институты гражданского общества как субъекты гражданского контроля, освещения и информирования избирательных кампаний. Совместная, но независимая друг от друга деятельность перечисленных субъектов в Российской Федерации носит преимущественно конструктивный характер, что способствует повышению эффективности избирательной системы, достижению наибольшей открытости электорального процесса. Каждый из субъектов обладает многоуровневой инфраструктурой, обеспечивающей бесперебойную работу в течение избирательной кампании и в межэлекторальный период.

Немаловажным контуром системы легитимации избирательного процесса является *коммуникативный*, значимость которого увеличивается в условиях распространения цифровых коммуникаций и масштабной цифровизации общественно-политических процессов. Составляющие элементы

коммуникативного контура — СМИ и их публичные представители, цифровые инфраструктуры и отдельные сетевые акторы, участвующие в освещении избирательного процесса, политическом и правовом просвещении, информировании населения, агитационно-пропагандистских мероприятиях и рекламной работе в период проведения кампаний.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ЛЕГИТИМАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Рассмотрим актуальную практику обеспечения легитимности института дистанционного электронного голосования, реализуемую внутри каждого из рассмотренных контуров системы. На нормативном уровне базовыми документами, определяющими применение ДЭГ на выборах в Российской Федерации, являются акты Центральной избирательной комиссии (ЦИК России), регулирующие как принципы организации выборов с использованием ДЭГ, так и систему наблюдения и контроля. В преддверии выборов Президента 2024 г. ЦИК России опубликован соответствующий порядок, закрепляющий все уже устоявшиеся принципы организации выборов в части использования электронного голосования (свободу волеизъявления граждан, доступность и открытость выборов, тайну голосования и другие).

Надежность системы ДЭГ базируется на принципах криптографической защиты данных. В основу программно-технического комплекса ДЭГ заложена отечественная блокчейн-платформа с применением российских криптографических алгоритмов и средств защиты информации, многократно апробированных в ходе предыдущих избирательных кампаний.

Совершенствование нормативных элементов является логичным продолжением процесса внедрения ДЭГ в Российской Федерации на фоне увеличения масштабов его использования. Легитимирующая сущность подобной нормативной деятельности связана с приведением практики использования ДЭГ в полное соответствие с нормами национального избирательного законодательства. Фактически речь идет об устранении возможных процедурных разрывов между традиционным очным и дистанционным электронным голосованием, когда те или иные нормы и требования закона не учитываются или игнорируются при организации работы ДЭГ. На сегодняшний день большинство таких нормативных разрывов устранены, что продемонстрировала практика применения системы ДЭГ на выборах Президента Российской Федерации 2024 г.

Основное направление такой работы — укрепление системы анонимизации пользователей, базирующейся на алгоритме «слепой подписи», что соответствует конституционному принципу тайного голосования. Правила шифрования данных, защиты пользовательского интерфейса и базы данных на сегодняшний день закреплены в соответствующих нормативных актах, а технические возможности применяемых инструментов подтверждают надежность и самодостаточность системы. Сохраняемые разрывы связаны с параллельным развитием в Российской Федерации двух систем дистанционного голосования — федеральной и московской (применяемой на выборах на территории Москвы), имеющих технологические отличия. При этом ведется работа по их сближению, что позволяет рассчитывать на их качественную интеграцию в среднесрочной перспективе. К позитивным легитимизирующим элементам можно также отнести регулярное проведение тренировок, открытого тестирования системы ДЭГ, что позволяет избирателям ознакомиться с работой портала, а избирателям, наблюдателям и экспертам оценить степень готовности к голосованию.

Развитие *нормативного контура* обеспечивает совершенствование инфраструктуры института дистанционного электронного голосования. С 2024 г. упорядочена деятельность территориальной избирательной комиссии ДЭГ (ТИК ДЭГ) — центрального звена в организации избирательных кампаний с использованием онлайн-голосования, включающего в свой состав представителей парламентских и непарламентских политических партий, региональных общественных палат и экспертов. В 2024 г. работа данной избирательной комиссии упорядочена соответствующим регламентом. В дальнейшем данная практика будет расширяться, что позволит сосредотачивать все процедуры и обеспечивать последовательное соблюдение требований избирательного законодательства. Новый регламент регулирует и отдельные коммуникативные вопросы: разработан механизм обратной связи посредством электронной почты, позволяющий всем участникам избирательного процесса в оперативном режиме направлять жалобы, обращения и предложения в комиссию, которые должны быть обязательно рассмотрены в утвержденный период.

Члены ТИК ДЭГ выступают на протяжении последних избирательных кампаний, формируют ключевые информационные поводы, участвуют в информировании общественности о работе ДЭГ, а также выступают в качестве инициаторов пре-

образований в работе избирательных комиссий по вопросам применения электронного голосования. Особого внимания заслуживает деятельность технической экспертной группы, сформированной на площадке Общественной палаты Российской Федерации с участием представителей ТИК ДЭГ и IT-экспертов. Основное направление работы группы — выработка предложений и рекомендаций по совершенствованию работы ПТК ДЭГ, повышение открытости системы посредством расширения возможностей наблюдателей, оптимизация взаимодействия с политическими партиями и общественниками по вопросам развития системы онлайн-голосования.

Институт общественного наблюдения и контроля — важнейший элемент *инфраструктурного контура* легитимации ДЭГ. Гражданский контроль за ДЭГ в Российской Федерации — часть крупной системы наблюдения, институционализируемой с 2018 г. [5] Акторы данной системы — Общественная палата России и региональные общественные палаты, обладающие правом направления общественных наблюдателей на выборах различного уровня согласно действующему избирательному законодательству. При Общественной палате с 2020 г. постоянно действует Координационный совет по общественному контролю за голосованием. Он контролирует работу региональных общественных штабов и групп наблюдателей, в том числе их обучение и подготовку. Приоритетные направления деятельности института общественного наблюдения последних лет: приобщение граждан к процессу цифровизации голосования, разработка новых практик, подходов и инструментов к реализации общественного наблюдения и контроля за выборами с использованием системы ДЭГ.

Общую методическую, экспертную и информационную поддержку наблюдателям оказывают различные общественные организации, профильные структуры гражданского общества, в том числе Ассоциация «Независимый общественный мониторинг» (НОМ), Российский общественный институт избирательного права (РОИИП), Общественное движение Корпус наблюдателей «За чистые выборы», Ассоциация юристов России, Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ), Российский фонд свободных выборов (РФСВ), Фонд исследования проблем демократии, Центр прикладных исследований и программ (Центр ПРИСП) и др.

В период 2022–2024 гг. заметно усилилось взаимодействие избирательных комиссий, общественников и экспертов федерального и региональ-

ного уровня, несущее конструктивный характер, что в свою очередь позитивно влияет на развитие пространства легитимации ДЭГ. Результаты отдельных эмпирических исследований показывают доминирующий статус ТИК ДЭГ и общественников в структуре информационных потоков о ДЭГ в отечественном сегменте социальных медиа [6]. Благодаря совместной системной работе данных акторов к 2024 г. кратно увеличено не только число наблюдателей, участвующих в контроле за онлайн-голосованием, но и расширены возможности их участия в наблюдении, разработаны новые механизмы реализации [7].

Помимо очного наблюдения за работой ПТК ДЭГ и избирательных комиссий непосредственно в помещении ТИК ДЭГ (в здании Центризбиркома) и Общественной палате, наблюдатели обладают возможностью удаленного наблюдения на специализированном портале. Можно утверждать, что сам процесс наблюдения за ДЭГ масштабен, основные процессы доступны для любого пользователя интернета, а избиратели имеют возможность проверки целостности своего голоса. Общественным наблюдателям открыт доступ к ноду блокчейна (узлу наблюдения), фактически к базе данных ДЭГ и протоколам голосования — непосредственному объекту контроля.

Любые аномалии и артефакты (искажения) в цепочке данных в случае их наличия в системе в режиме реального времени доступны наблюдателям. Процесс шифрования и дешифрования данных проводится с участием наблюдателей, представителей СМИ и экспертов. Хранение распределенных ключей шифрования происходит под непрерывным видеонаблюдением в составе цифрового сейф-пакета. Подобные меры по защите целостности и корректности электоральных данных являются беспрецедентными и не имеют аналогии в мировой практике.

Подобно «золотому стандарту», применяемому в системе общественного наблюдения за выборами в России, общественниками и экспертами в преддверии единого дня голосования 2023 г. разработан стандарт наблюдения за ДЭГ. Он представляет собой чек-лист с показателями оценки различных процедур и систем как на этапе подготовки к голосованию, так и по его окончании, заполняемый наблюдателями. Как и в случае с традиционным наблюдением, стандарт онлайн-голосования учитывает все процессы и подразумевает более высокий уровень проведения выборов, чем нормы избирательного законодательства.

Реализация данного общественного проекта обладает высоким легитимизирующим потенциалом, поскольку охватывает работу как независимых IT-экспертов, так и людей, не обладающих специальными знаниями. Для качественной подготовки к наблюдению за ДЭГ общественниками реализуется серия обучающих мероприятий, тренингов, вебинаров и мастер-классов для будущих наблюдателей, в рамках которых наглядно объясняются принцип работы ПТК ДЭГ, возможности, формы и способы наблюдения, рассматривается порядок действия при нарушениях и нештатных ситуациях. При поддержке общественных организаций также публикуются учебные и методические пособия, онлайн-курсы, лекционные и практические занятия для наблюдателей [8].

Развитию пространства легитимации ДЭГ в настоящее время способствует увеличение числа участников среди ведущих академических и экспертных организаций. Реализуемые круглые столы, научно-практические конференции, семинары с участием ученых-исследователей и преподавателей как технического, так и гуманитарного профилей позволяют обмениваться опытом, высказывать различные точки зрения, формировать комментарии и предложения. В целом подобные мероприятия реализуются по итогам избирательных кампаний и носят выраженный конструктивный характер. Ежегодно уровень сомнения и критики со стороны экспертного и академического сообщества относительно онлайн-голосования снижается, что является результатом совершенствования как самой системы ДЭГ, так и основных процедур, включающих общественное наблюдение и контроль за голосованием.

С точки зрения *коммуникативного контура* система легитимации дистанционного электронного голосования включает развитие информационного портала и деятельность ЦИК России, ТИК ДЭГ и региональных избирательных комиссий по освещению системы и информированию населения в крупных СМИ и на официальных площадках в социальных сетях и мессенджерах. Основной массив информационных поводов приходится именно на СМИ, а субъектами легитимирующих информационных потоков являются члены ТИК ДЭГ, федеральные эксперты и представители института общественного наблюдения и контроля за голосованием. Позитивно можно оценить деятельность указанных акторов по формированию экспертно-аналитических материалов для наблюдателей, IT-экспертов, интервью и комментариев для профильных изданий и веб-блогов (например, IT-блога «Хабр», Российского

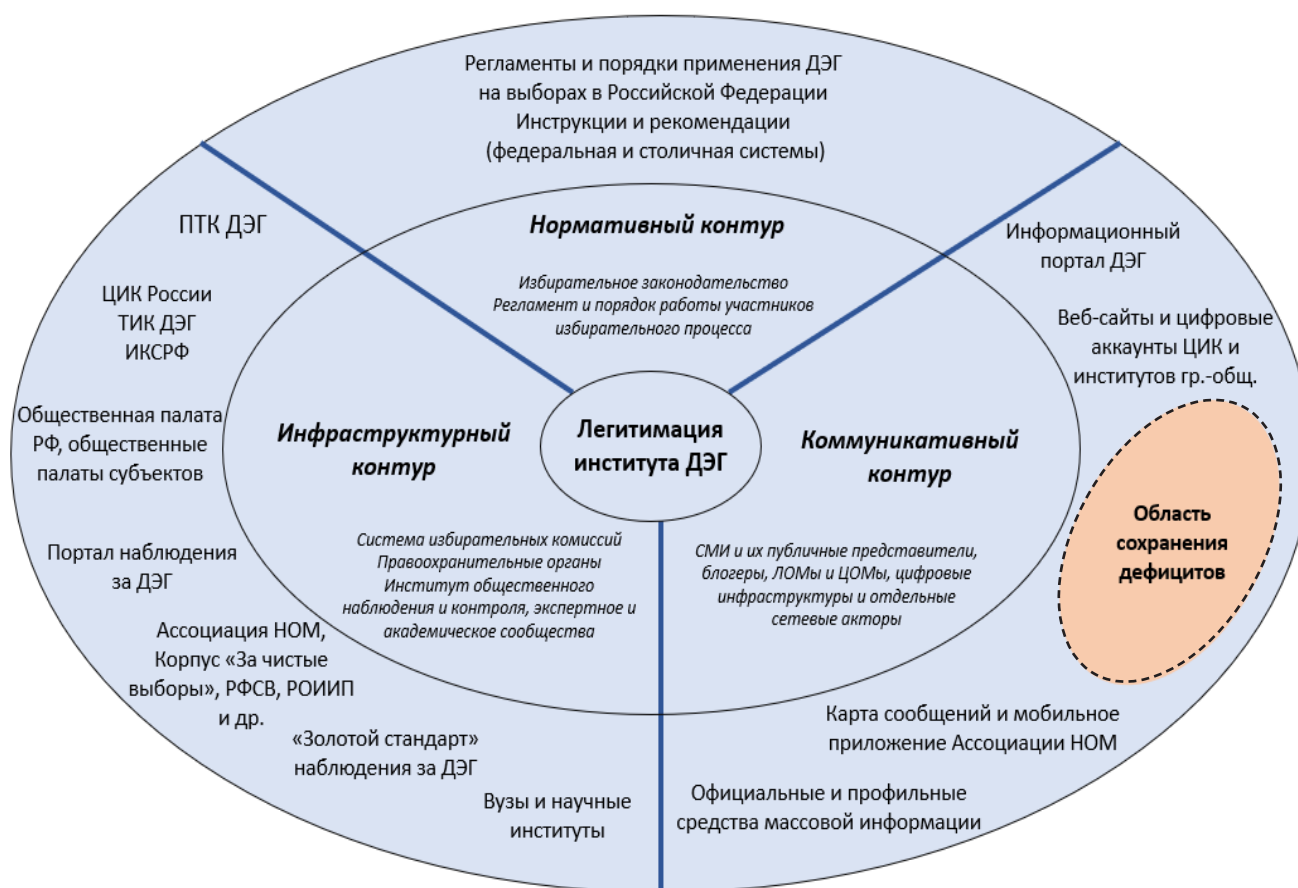

Рис. / Fig. Пространство легитимации института дистанционного электронного голосования в Российской Федерации / Space for legitimizing the institution of e-voting in the Russian Federation

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

агентства правовой и судебной информации, Ассоциации интернет-технологов и др.). Также важную коммуникативную функцию выполняет проект Ассоциации НОМ «Карта сообщений» и специальное мобильное приложение для наблюдателя.

ВЫВОДЫ

Представленное пространство легитимации дистанционного электронного голосования в Российской Федерации демонстрирует как высокий уровень развития единой системы легитимации ДЭГ на современном этапе, так и наличие отдельных дефицитов, преимущественно концентрируемых внутри коммуникативного контура.

Рассмотрение актуальной практики легитимации системы ДЭГ показывает, что основные формы и механизмы легитимации реализуются государством и институтами гражданского общества преимущественно в нецифровом формате. Основная цель — деятельность общественных наблюдателей и экспертного сообщества, направленная на достижения максимальной открытости системы и информирования граждан о ее особенностях. При этом

диссонирующим обстоятельством является то, что ключевые адресные группы в подобной деятельности — это сами наблюдатели и эксперты. Очевидно, что подобная ориентированность на внутренние целевые группы ограничивает позитивные эффекты коммуникативной работы данных акторов. Не менее значимы и относительно невысокий уровень развития цифровых инфраструктур, и слабость применяемых технологий цифровых коммуникаций в части продвижения электронного голосования, деятельности сетевых акторов, лидеров и центров общественного мнения по данному вопросу. Выделенная область дефицитов подтверждает частичную функциональность системы цифровых коммуникаций, направленную на легитимацию института ДЭГ, обозначая направления приложения наибольших усилий со стороны ответственных государственных институтов, избирательных комиссий и представителей гражданского общества, выражаемых в достройке и обеспечении целостности пространства легитимации.

В условиях возрастающего внешнего информационного давления и деструктивного инфор-

мационно-психологического воздействия на российских граждан незавершенность выстраивания пространства легитимации ДЭГ и отдельная дисфункциональность системы цифровых коммуникаций могут формировать значимые общественно-политические риски. Они могут быть связаны с возможностями внешних политических акторов пользоваться дистанцией между отдельными группами населения и государством по вопросу применения ДЭГ в части доверия к результатам избирательных кампаний. Усиливающееся информационное воздействие на ДЭГ — пример системной работы внешних сетевых акторов по достижению цели дискредитации национальных избирательной и политической систем в сознании россиян. Использование системы ДЭГ как базового объекта подобного воздействия обусловлено его объективной сложностью, отсутствием видимой открытости в процессе реализации и явной новизной [9]. Данные факторы облегчают реализацию информационно-психологических операций, распространение фейковой и манипулятивной информации, мобилизующего и инструктивного цифрового контента, задача которого — укоренение недоверия к выборам в целом, а вместе с этим и к государственным институтам, избираемым на их основе.

В последние годы помимо формирования критического отношения к выборам в России, распространения негативных оценок, тиражирования тематики «безальтернативности» и «неконкурентности» избирательного процесса внешние сетевые акторы применяют метод абсолютного обесценивания и дискредитации института выборов, а также всех его производных. С помощью популярных социальных медиа и мессенджеров российское общество убеждают в отсутствии выборов как таковых в силу распространения онлайн-голосования, находящегося якобы вне поля зрения граждан и дезавуирующего избирательный процесс. Используя единый нарратив «черного ящика» относительно системы ДЭГ, внешние сетевые акторы стремятся к подрыву общественного доверия к избирательным процедурам как таковым, активизируя чувство разочарования населения во власти, деятельности избирательных комиссий, наблюдателей, общественных структур. Достигаемые определенного уровня чувства социального разочарования запускают процессы диффузного (рассеянного) недовольства, что формирует почву для осуществления массовой протестной мобилизации и реализации гражданами неконвенцио-

нальных форм гражданской активности. Практика реализации негативной протестной мобилизации в различных государствах демонстрирует, что наличие электорального события-триггера в форме так называемых «нечестных» или «несправедливых» выборов в большем числе случаев приводит к слому национальной политической системы и началу гражданского и социального кризиса [10].

В условиях ухудшения международной обстановки и усиления глобальной напряженности, выраженной в беспрецедентном информационном давлении на все сферы государственного управления и общественной жизни, защита избирательного процесса от иностранного вмешательства является приоритетной задачей. Результаты проводимых отечественными специалистами исследований показывают, что институт дистанционного электронного голосования используется внешними акторами в качестве средства дискредитации всей политической системы, формирования социального недовольства и укоренения в российском обществе чувства несправедливости*. Подобное информационное воздействие оказывает комплексное десолидаризирующее влияние, охватывает широкие слои населения за счет максимального распространения слухов в популярных социальных сетях и мессенджерах. Деятельность внешних сетевых акторов по делегитимации института ДЭГ обладает также высокоуправляемым и пролонгированным характером.

В условиях обозначенных политических рисков использование технологий цифровых коммуникаций имеет большое значение для легитимации системы ДЭГ в современной России. Выделенная и описанная в настоящей работе область сохранения дефицитов легитимизирующего пространства связана именно с коммуникативным контуром, что требует активизации государственных структур и институтов гражданского общества по совершенствованию управления информационными потоками и веб-контентом ДЭГ, оптимизацией цифровых инфраструктур и практик противодействия внешнему давлению посредством информационно-аналитической, просветительской, организационно-методической работы в пространстве цифровых коммуникаций.

Практическая реализация данных мер — часть системной работы по укреплению электорального суверенитета российского государства, защите по-

* URL: <https://nom24.ru/upload/iblock/194/9ejvhxgeocfu1ndb5uo2kmb0prefuqri.pdf>

литической субъектности российских избирателей, формирующая необходимый информационный ответ на внешние вызовы и атаки со стороны недружественных политических акторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федоров В.И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2022;(4):117–134. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-4-1208
2. Лукушин В.А. Актуальные направления исследований эффектов применения онлайн-голосования: отечественный и зарубежный опыт. *Власть*. 2024;32(2):68–74. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-68-74
3. Борисов И.Б. Обеспечение электорального суверенитета во внешних отношениях. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2024;2(32):88–103. URL: <https://www.elibrary.ru/dtxbow>
4. Федоров В.И. Правовое регулирование общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием на выборах в России. *Современное право*. 2024;(5):16–18. URL: <https://u.kimis.org/zqxuh>
5. Капранова Ю.В. Об общественном контроле за дистанционным электронным голосованием. *Юрист — Правоведъ*. 2023;(2):26–33. URL: <https://www.elibrary.ru/lwvlkh>
6. Лукушин В.А. Вопрос доверия: анализ цифрового контента легитимации и делегитимации системы ДЭГ в российских социальных медиа. *Власть*. 2024;32(3): 9–16. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-9-16
7. Ржановский В.А. Правовое положение избирателей и наблюдателей в системе дистанционного электронного голосования в России. *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2024;19(1):51–59. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-51-59
8. Дудочников А.И. Масштабирование дистанционного электронного голосования в России. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023;(7):40–45. DOI: 10.23672/SAE.2023.32.23.011
9. Рыбин А.В. Защита результатов волеизъявления избирателей при дистанционном электронном голосовании. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2022;(3):161–175. URL: <https://www.elibrary.ru/gdtbba>
10. Парма Р.В. Политическая мобилизация протестных настроений в России и Беларуси на цифровых медиа-платформах. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2023;(1):46–57. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-46-57

REFERENCES

1. Fedorov V.I. Electronic voting: a communication network that links state and society. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2022;(4):117–134. (In Russ.). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-4-1208
2. Lukushin V.A. Current areas of research on the effects of online voting: domestic and foreign experience. *Vlast'*. 2024;32(2):68–74. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-68-74
3. Borisov I.B. Ensuring Electoral Sovereignty in External Relation. *Obespechenie jelektoral'nogo suvereniteta vo vneshnih otnoshenijah. The Citizen. The Elections. The Power*. 2024;2(32):88–103. URL: <https://www.elibrary.ru/dtxbow> (In Russ.).
4. Fedorov V.I. Pravovoe regulirovanie obshhestvennogo nabljudeniya za distancionnym jelektronnym golosovaniem na vyborah v Rossii. *Sovremennoe pravo*. 2024;(5):16–18. URL: <https://u.kimis.org/zqxuh> (In Russ.).
5. Kapranova Ju. V. About public control over remote electronic voting. *Lawyer-Jurist*. 2023;(2):26–33. URL: <https://www.elibrary.ru/lwvlkh> (In Russ.).
6. Lukushin V.A. The question of trust: analysis of the digital content of the legitimization and delegitimization of E-voting system in Russian social media. *Vlast'*. 2024;32(3): 9–16. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-9-16
7. Rzhzanovskiy V.A. Legal Status of voters and observers in the remote electronic voting system in Russia. *Theoretical and Applied Law*. 2024;19(1):51–59. (In Russ.). DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-51-59.
8. Dudochnikov A.I. Scaling of remote electronic voting in Russia. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2023;(7):40–45. (In Russ.). DOI: 10.23672/SAE.2023.32.23.011
9. Rybin A.V. Protection of the results of the will of the voters with remote electronic voting. *Citizen. Elections. Power*. 2022;(3):161–175. URL: <https://www.elibrary.ru/gdtbba>. (In Russ.).
10. Parma R.V. Political mobilization of protest moods in Russia and Belarus on digital media platforms. *Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2023;(1):46–57. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-46-57

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Андреевич Лукушин — главный специалист Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, младший научный сотрудник Центра политических исследований, аспирант, ассистент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vladimir A. Lukushin — Senior Specialist at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, a Junior Researcher at the Center for Political Studies, a graduate student, an assistant at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

valukushin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.04.2025; принята к публикации 08.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 21.04.2025; accepted for publication 08.05.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-43-52

УДК 004.853;004.021(045)

Способы противодействия украинским ложным новостям об СВО в мессенджерах и интернет-пространстве

В.Б. Наумов, П.Б. Силкин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности противодействия ложной информации о ходе проведения СВО на Украине в социальном мессенджере Телеграм. Исследование направлено на выявление ключевых стратегий и тактик украинского и российского информационных потоков, а также анализ сильных и слабых сторон для формирования сценариев усиления России в информационном противостоянии. Используя методы когнитивного картирования, корреляционного и кластерного анализа, авторы изучили особенности контента, вовлеченности аудитории и структуры распространения информации. Украинская сторона активно использует дезинформацию, обращаясь к эмоциональному восприятию аудитории и призывая к обсуждению в открытых сообществах для дискредитации российских государственных институтов. Ключевой особенностью украинского информационного потока являются оперативность распространения фальсификаций и вариативность их форматов, однако высокая частота разоблачения фейков позволяет снижать доверие к украинским ресурсам. Российский информационный поток разделяется на формальный и неформальный сегменты, каждый из которых имеет свои особенности. Неформальный поток оперативно опровергает украинские фейки и эмоционально вовлекает аудиторию, однако сталкивается с проблемой недостоверной информации со стороны ряда источников. Авторы отмечают важность развития взаимодействия между формальными и неформальными частями российского информационного потока, внедрения фактчекинга и использования креативных форматов подачи информации. Данные меры направлены на повышение доверия к российским источникам и усиление позиций России в информационном противостоянии для нивелирования рисков социально-политической дестабилизации.

Ключевые слова: информационное противостояние; специальная военная операция; Россия; Украина; когнитивное картирование; информационные потоки; телеграм-каналы

Для цитирования: Наумов В.Б., Силкин П.Б. Способы противодействия украинским ложным новостям об СВО в мессенджерах и интернет-пространстве. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):43-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-43-52

ORIGINAL PAPER

Ways to Counteract Ukrainian false News about SMOs in Messengers and Internet Space

V.B. Naumov, P.B. Silkin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article discusses the features of counteracting false information about the progress of the SMO in Ukraine in the social messenger Telegram. The research aim is at identifying key strategies and tactics of Ukrainian and Russian information flows, as well as analyzing strengths and weaknesses to form scenarios for Russia's strengthening in the information confrontation. Using the methods of cognitive mapping, correlation and cluster analysis, the authors studied the features of content, audience engagement and the structure of information dissemination. The Ukrainian side actively uses disinformation, appealing to the emotional perception of the audience and calling for discussion in open communities to discredit Russian state institutions. The key feature of the Ukrainian information flow is the promptness of the spread of fakes and the variability of formats, however, the high frequency of exposure of fakes

makes it possible to reduce confidence in Ukrainian resources. The Russian information flow is divided into formal and informal segments, each of which has its own characteristics. The informal stream quickly disproves Ukrainian fakes and emotionally engages the audience, but faces the problem of unreliable information from a number of sources. The authors note the importance of further development of coordination between the formal and informal Russian parts of the information flow, the implementation of fact-checking and the use of creative formats. These actions are aimed at increasing confidence in Russian sources and strengthening Russia's position in the information confrontation to offset the risks of socio-political destabilization.

Keywords: information confrontation; Special Military Operation; Russia; Ukraine; cognitive mapping; information flows; telegram channels

For citation: Naumov V.B., Silkin P.B. Ways to counteract Ukrainian false news about SMOs in messengers and internet space. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):43-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-43-52

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху информационных противостояний и развития социальных мессенджеров информационная война становится ключевым инструментом влияния на общественное мнение. Использование информационного потока с фальшивыми новостями для влияния на установки аудитории — серьезный инструмент информационной борьбы между государствами [1]. Данную технологию для закрепления позиций в информационном потоке активно использует Украина для дестабилизации социально-политической обстановки в Российской Федерации, ослабления влияния РФ на мировой политической арене и поддержки оппозиционных деструктивных сил. В период проведения СВО Российская Федерация сталкивается не только с физическим противостоянием на поле боя, но и с противостоянием в новостном пространстве в борьбе с ложными нарративами [2].

Украина использует любые возможности для распространения дезинформации с целью дискредитации ВС РФ среди пользователей социальных платформ [3]. Кроме этого, ложная информация распространяется среди российской аудитории в социальных мессенджерах для эскалации напряженности и дестабилизации социально-политической обстановки внутри страны. Фейки по отношению к деятельности государственных институтов являются инструментом подрыва доверия к органам и решениям государственной власти РФ [4].

Тема информационной войны между Россией и Украиной изучается в научном сообществе. Ряд работ, посвященных анализу информационных конфликтов на страницах российской и украинской прессы, представляет анализ событий начиная с периода киевского майдана [5].

Однако с началом СВО на Украине акценты в исследованиях сместились в сторону противостояния с западными странами и гибридной войны [6]. Наступившие изменения в динамике конфликта, в том числе применение новых методов и технологий

в информационной войне, стали неотъемлемой частью исследовательских интересов [7].

Научная новизна данной работы состоит в подходе, ориентированном на выделение особенностей информационной войны между Россией и Украиной в последний год по цифровым следам. Актуальность исследования обосновывается отсутствием подобных исследований за время ведения СВО, что делает данный анализ вкладом в изучение информационной войны между Россией и Украиной.

В настоящей статье для изучения информационного противостояния был выбран Телеграм, так как данная платформа доступна во всем мире, а модерация ее каналов соблюдает нейтралитет, не поддерживая ни одну из сторон конфликта СВО (например, ютуб занимается блокировкой российских информационных источников), и определенная доля населения и Украины, и России используют данный ресурс для получения и обсуждения новостей.

Методология работы основывается на сетевом подходе по Кастельсу для изучения информационных потоков и цифровых следов. Данный подход направлен на изучение стихийных и управляемых информационных потоков. В рамках работы ключевым выводится противоречие в исследовании, которое заключается в различиях между децентрализованным характером распространения фейк-ньюс украинской стороной и управляемыми и централизованными усилиями России по противодействию в информационном противостоянии.

Метод сбора данных — матрица когнитивного картирования цифровых следов российских и украинских телеграм-каналов. **Методы анализа данных** — описательные статистики, кросс-табуляционный анализ и кластеризация данных методом *k*-средних.

Объект исследования — изучение влияния украинского и проукраинского информационного потока с дезинформацией на российский информационный поток.

Предмет исследования — стратегии и методы противодействия украинским и проукраинским фейк-ньюс в рамках противостояния российского и украинского информационного потока на платформе Телеграм.

Критерии отбора сообществ: принадлежность к украинскому или российскому информационному потоку. Каналы выбирались исходя из лидерства в тематических сегментах по аудитории: государственные/не государственные СМИ, государственные деятели / блогеры, иное. По каждому информационному потоку отобрано по 50 сообществ. Репрезентативность выборки телеграм-каналов основывается на лидерстве в профильных системах аналитики по мессенджеру (используется выдача топовых сообществ по TgStat).

Цель исследования — анализ динамики, структуры и содержания противостояния между украинским информационным потоком дезинформации и российским информационным потоком для укрепления позиций РФ в информационном противостоянии в формате составления рекомендаций российским органам государственной власти.

Основные **задачи исследования** — составить матрицу когнитивного картирования и собрать данные по наиболее репрезентативным сообществам для анализа тактики украинского дезинформационного потока и выработать ответные стратегии российского информационного потока. По итогам исследования подготовить рекомендации по совершенствованию противодействия.

АНАЛИТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА УКРАИНЫ

Анализ украинского информационного потока, с использованием описательной статистики каждой отдельной переменной, позволяет сделать следующие выводы: информационный украинский поток с ложной информацией существует в контенте типа «новости», реже как «репосты» сообщений ложных сведений. Публикации подаются в эмоциональной манере, реже с акцентом на рациональные послылы. Сообщения носят проукраинский характер. Формат сообщества — открытый, язык публикации — украинский, формат поста — в основном текстовые сообщения, реже — графический контент или видеоматериалы.

Сообщения вызывают у аудитории, в доминирующем ключе, следующий ряд реакций в формате эмодзи¹: грусть, радость или одобрение. Тип ре-

акции зависит от вида фейков про ВС РФ. В большинстве случаев публикации обращены к конкретной аудитории, реже — ко всему украинскому сообществу. Технологически фейки направлены на полную дезинформацию или на раскрытие реальных событий ложным образом.

Кросс-табуляционный анализ позволяет сделать вывод, что основной информационный поток ложной информации со стороны Украины создается при помощи новостных сводок от лица общественных деятелей, военных блогеров и различных воинских формирований. Дополняют эту информацию официальные заявления от государственных деятелей, занимающихся распространением фейк-ньюс. Дискурсивная составляющая новостных сообщений в украинском информационном потоке охватывает дискредитацию ВС РФ и распространение фейков. По итогам анализа базы данных матрицы когнитивного картирования: 82,4% украинского информационного потока по тематике проведения СВО состоит из новостей, содержащих 91,7% ложной информации. В рамках формата мнений и официальных заявлений ложная информация занимает 81,8 и 87,9% соответственно.

Анализ технологий созданных публикаций с дезинформацией со стороны Украины можно произвести посредством кросс-табуляционного анализа просмотров, репостов, комментариев, коэффициента ER, что свидетельствует о следующем:

1) число просмотров выше среднего, как и репостов, наблюдается в типе контента «графика»; тип контента «видео» вызывает всплеск репостов и обсуждения, но тип «текст» является самой распространенной формой контента;

2) самые популярные по просмотрам: негосударственные СМИ и другое (различные воинские формирования). Государственные СМИ используют технологические приемы для вовлечения аудитории Телеграм в дискуссию (всплеск комментариев в обсуждении);

3) аномальными по реакциям являются фейки на основе искажения реальных фактов: просмотры в два раза, а репосты в 2,5 раза выше среднего. Данная информация массово подвергается тиражированию в украинском сегменте Телеграм;

4) число просмотров выше среднего наблюдается на официальных заявлениях государственных деятелей;

5) посты с призывами к действиям набирают большее число репостов (они продуцируют пользователя на цифровое участие);

¹ Символы, выражающие эмоции и облегчающие виртуальное общение.

6) посты с положительной реакцией аудитории обладают большим числом просмотров, нежели посты с негативными оценками. Но по числу репостов лидируют посты с доминирующим эмодзи «радость» и «грусть». Негативные эмоции от реакции на события направляют пользователя, чтобы высказывать недовольство в комментариях для мобилизации цифрового участия.

На следующем этапе исследования проведена кластеризация данных по следующим показателям: тип сообщения, авторство, источник, контент, язык сообщения, закрытое сообщество, адресность сообщения. Было получено три кластера, иллюстрирующих основные технологии и авторов, распространяющих деструктивные сообщения. Фейки создаются после публикации сообществом/ субъектом украинского информационного повода, новости или мнения. Тиражируют данные сообщения государственные СМИ, военные блогеры, воинские формирования. Контент представляет текстовую публикацию или графику на украинском языке. Ряд закрытых сообществ радикализируют отдельные сегменты украинской аудитории, формируя информационный пузырь для дальнейшего распространения полученных нарративов в российском сегменте интернет-пространства.

Построение кластера по другим пяти переменным (адресность сообщения, закрытое сообщество, тип источника, тип сообщения и призывы к действию) позволяет обнаружить другие способы распространения деструктивного контента. Негосударственные СМИ и государственные деятели Украины всегда обращаются к собственной аудитории в открытом сообществе. Публикацией не призывают к действиям аудиторию, а формируют устойчивое негативное мнение в отношении России, используя графический контент (картинки, мемы и др.).

Выведение четырех кластеров по переменным: эмодзи, отношение к национальному политическому режиму, прием ценностного воздействия, язык сообщения, авторство сообщения и закрытое сообщество — позволяет зафиксировать технологический набор в распространении ложной информации со стороны украинских ресурсов. Субъекты информационного потока используют речевые и графические компоненты, вызывающие у аудитории в доминирующем значении грустные реакции, то есть сочувствие для создания эмоциональной привязки к собственной стране. В остальных случаях — одобрение, уважение и удивление — если поднимается вопрос о деятельности украинских

государственных институтов. Доминируют публикации прогосударственного характера, работающие на эмоции. На втором месте по количеству — технологии подачи информации, направленные на рациональные и нейтральные мотивы о ходе проведения СВО. Формат сообщений на украинском языке через подачу новостей; сообщество, как правило, открытое, для дальнейшего распространения информации и работы на репосты с увеличением охватов. Оценим сильные и слабые стороны украинского информационного потока по тематике проведения СВО (табл. 1).

АНАЛИТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА РОССИИ

В российском информационном потоке по тематике СВО присутствует разделение на формальный (государственные СМИ и госслужащие) и неформальный (блогеры, негосударственные СМИ и другое) информационные потоки, имеющие различия в паттернах. Например, четверть сообщений негосударственного информационного потока по-прежнему критикует СВО.

Среди российского неформального информационного потока также встречаются фейки и непроверенная информация (22,7% сообщений с информацией, в дальнейшем неподдающейся проверке или успешно опровергаемой). Это вызвано скоростью распространения информации (в том числе и непроверенной) среди негосударственных СМИ и блогеров.

Среди сходств неформального и формального потоков можно выделить высокую эмоциональность сообщений. К эмоциональному ценностному воздействию апеллируют 61,1% сообщений российского информационного потока (63,3 неформального и 59% формального). Факт подтверждается реакциями и вовлеченностью подписчиков. В среднем реакция «одобрение» наблюдается у более 40% постов, но сообщения неформального информационного потока также апеллируют к реакции «осуждение» 9,7%, «злость» — 7% и «грусть» — 4,1%. Негативные реакции в большинстве своем вызваны высказываниями и действиями украинской или западной стороны, но также есть и негативные реакции на российские инфоповоды, как, например, на закон о гаджетах в зоне СВО².

Еще один важный трек в рамках противостояния российского и украинского информационных

² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202408080028>

Таблица 1 / Table 1

Оценка украинского информационного потока во время проведения СВО /
Assessment of Ukrainian information flow during the SMO

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Удар по российскому информационному потоку фейками, тиражируемыми пользователями соцсетей, мессенджеров и иностранными СМИ. 2. Использование русского языка для дискредитации ВС РФ и распространения дезинформации о них. 3. Высокая роль текстовых публикаций в информационном потоке (текстовый пост = простая и понятная форма для аудитории мессенджера). 4. Массовость постов с нацеленностью на мобилизацию аудитории для обсуждения и распространения материалов. 5. Искаженная информация используется для создания эмоциональной привязки среди пользователей к действующему украинскому политическому режиму	1. Большое количество ложной информации, которая успешно опровергается, наносит репутационный удар по украинскому информационному потоку. 2. В информационном потоке сильная роль отведена воинским формированиям и общественным деятелям (по мере обрушения фронта доверие снижается). 3. Низкая роль и значимость среди украинской аудитории государственных СМИ, не входящих в телемарафон. 4. Высокая роль комментариев в потоке для увеличения охватов. 5. Большое число популярных закрытых сообществ, ведущих к построению хаба вокруг данных ресурсов

Источник / Source: составлено авторами / complied by authors.

потоков заключается в стремлении России опровергать украинские фейки. Неформальный поток на этом треке опережает формальный: 16% постов неформального потока так или иначе опровергали ложную или недостоверную информацию противника против всего 5% постов формального. Кроме того, в сравнении с 2022 г. [8], авторы сообщений российского формального информационного потока стали чаще обращаться к конкретному сегменту аудитории (24% в 2024 г.). В основном сообщения направлены на патриотически настроенную часть российского населения, но также обращения были в адрес западных СМИ, российских релокантов и украинского населения.

В плане креативности контента неформальный инфопоток продолжает опережать формальный: видеоматериалы встречаются в 2,5 раза чаще, но использование мемов и прочих графических материалов примерно сравнялось (8% в неформальном и 6% в формальном — см. рисунок).

Анализируя облако тегов российских формального и неформального информационных потоков, можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее часто в 2024 г. в российском информационном потоке по тематике российско-украинского конфликта фигурировали темы действий ВСУ, НАТО, переговоров, мобилизации, а также терактов. Причем тема «переговоры» одинаково

часто фигурирует в обоих инфопотоках, а тема «мобилизация» хоть и равно часто встречается в обоих информационных потоках, зачастую носит разный посыл.

2. Неформальный информационный поток больше сконцентрирован на разоблачении фейков (маркеры *фейк, пропаганда, ЦИПСО, дипфейк*кратно чаще встречаются именно в сообщениях неформального инфопотока), больше погружен в психологическое и информационное давление на противника (мобилизация, негативная вариация слова «мобилизация» (обозначает, что данный процесс является принудительным), ТЦК). Быстрое реагирование на дезинформацию позволяет поддерживать высокий уровень доверия к российским неформальным источникам и уменьшает влияние информационных атак со стороны противника. Это делает российский неформальный поток гибким инструментом информационной войны, но при этом затрачивает ресурсы на опровержение контента, а не создание собственного.

3. Формальный информационный поток делает акцент на более рациональное и сухое освещение действий украинской стороны, в меньшей степени упоминая негативные события внутри России, а тема мобилизации всплывает в основном, когда происходит опровержение слухов о «второй волне мобилизации в России».

Рис. / Fig. Облако тегов формального (1) и неформального (2) инфопотоков /
Tag cloud of formal (1) and informal (2) information streams

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

4. В течение всего года часто встречается тема приграничных регионов и ударов по ним (Белгород, нападение, Курская область, легион «Свобода России»³).

В 2024 г. информационные потоки российского телеграм-пространства стали больше доверять друг к другу, чем год назад [9]. Формальный информационный поток перенял практики эмоционального вовлечения, работы с разными аудиториями, борьбы с фейками, а также использования мемов и видеоматериалов. В свою очередь в неформальном инфопотоке уменьшилась роль военкоров, стали чаще цитироваться высказывания представителей госорганов и официальной позиции государства, возрос процент новостных постов, в связи с чем снизилась эмоциональность инфопотока.

Перечислим сохраняющиеся проблемы российского информационного потока [10].

1. Доля постов с критикой СВО сохраняется (~23,5%) на уровне 2023 г., причем критика направлена не на ход боевых действий или командование, а непосредственно на факт боевых действий. Некоторые околополитические акторы⁴ выстраивают на этом бренд для получения политических очков. Наличие значительного числа осуждающих сообщений может подрывать общую информационную стратегию. Негативные выска-

зывания направлены на сам факт боевых действий, что способствует формированию разобщенности среди аудитории.

2. Весомая доля недостоверной информации в неформальном инфопотоке. Примерно 22,7% сообщений содержат либо ложную информацию, либо данные, которые невозможно подтвердить. Это связано с быстрой циркуляцией новостей и отсутствием строгого контроля за их достоверностью со стороны неформальных медиа-акторов, что снижает доверие к неформальным источникам и создает информационный шум, осложняя восприятие правдивых сообщений.

3. Общая усталость информационных потоков по тематике, рост негативных реакций, увеличение чувствительности на неудачные решения, частое фигурирование тем переговоров и мобилизации позволяют сделать именно такие выводы — все это ослабляет поддержку среди населения проведения СВО на Украине и делает общественность более восприимчивой к критике. Кроме того, вовлеченность [процент читателей, совершивших любое из действий (пересылка, комментариев, реакция)] российской аудитории в российском информационном потоке ниже, чем вовлеченность украинцев в украинский информационный поток (1,83% против 2,6). Особенно проигрышно на этом фоне выглядит российский формальный инфопоток (1,39%).

Таким образом, в 2024 г. российское информационное пространство по теме СВО остается разделенным на два потока, каждый из которых

³ Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ URL: <https://versia.ru/duet-duncova-nadezhdin>

Таблица 2 / Table 2

**Оценка российского информационного потока в рамках проведения СВО на Украине /
Assessment of Russian information flow within the framework of the SMO in Ukraine**

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Оперативность опровержения фейков (в среднем более 10% всех сообщений посвящены разоблачению). 2. Креативность контента. Видеоролики, мемы (в том числе сгенерированные нейросетью) эмоционально вовлекают аудиторию и быстрее распространяются за счет своей вирусности, что эффективнее дискредитирует противника в глазах общественности. 3. Формальный и неформальный информационные потоки России действуют сообща. Сближение позволяет задействовать сильные стороны обоих потоков, такие как эмоциональная вовлеченность и оперативность. Это помогает создать единый информационный фронт	1. Сохранение значительной доли критики СВО в неформальном потоке (~23,5%). 2. Высокий объем недостоверной информации (22,7% постов с фейками в неформальном потоке). 3. Общая усталость аудитории от темы СВО. Информационное перенасыщение и постоянное присутствие данной темы вызывают усталость и апатию среди аудитории, что выражается в росте негативных реакций

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

имеет свои отличительные черты и задачи, но оба стремятся воздействовать на эмоциональный отклик аудитории. Тем не менее есть тренд на сближение этих информационных потоков по целому ряду характеристик.

За год была преодолена конфронтация по линии Министерства обороны РФ — военные корреспонденты/участники СВО (в прошлом году неформальный инфопоток зачастую мог игнорировать любую информацию от Министерства и даже опровергать ее) [2]. Сейчас прослойка «рассерженных патриотов» не имеет такого высокого освещения и поддержки в рамках российского информационного потока (табл. 2).

ВЫРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ

Все вышесказанное позволяет выделить два крупных вектора укрепления эффективности российского информационного потока.

Работа с информацией

1. Развитие независимых фактчекинговых платформ и создание независимых аналитических агентств для оценки и проверки информации, поступающей в общественное пространство, особенно в неформальном информационном потоке, поможет оперативно разоблачать ложную информацию и фейки, сохраняя высокий уровень доверия к российским источникам.

2. Масштабирование развенчания фейков как репутационный удар по украинскому информационному потоку.

3. Работа над информационными ударами по лидерам украинского информационного потока среди общественных деятелей и воинских вооруженных формирований.

4. Создание линии защиты от украинских информационных каналов средствами сатиры и иронии.

Повышение вовлеченности аудитории и привлекательности контента

1. Инвестиции в креативные решения: продолжать расширение и активное использование креативных форматов контента (видео, мемов, нейросетевых генераций) для усиления эмоциональной вовлеченности аудитории. Такие форматы имеют высокую вирусность и помогают быстрее достичь аудитории.

2. Фокус на открытость и позитивную повестку. В рамках формального российского информационного потока важным элементом является повышение открытости и аргументированности информации. Необходимо систематически объяснять принимаемые решения и действия властей, приводя обоснованные доводы, способствующие формированию доверия у населения.

Признание ошибок и неудач также должно стать частью коммуникации, поскольку это может повысить лояльность гражданской аудитории к государственной власти, ее позиции и представителям, а также укрепить восприятие в их открытости и готовности к самоанализу. Однако акцентирование внимания исключительно на негативе может осла-

бить моральный настрой аудитории, что требует расширения освещения положительных новостей с фронта и успехов армии. Позитивные примеры должны демонстрироваться не как изолированные случаи, а создавать системное ощущение прогресса и достижений, что, в свою очередь, будет укреплять общественную поддержку и снижать критику.

3. Реализация и наращивание обсуждения в комментариях как форма обратной связи позволяет вовлекать аудиторию в информационную повестку СВО.

4. Уход от формата закрытых телеграм-сообществ позволит повысить объемы информационного потока.

5. Развитие аудиоформата и видеоконтента публикаций российского информационного потока.

Взаимодействие формального и неформального потоков

1. Для достижения слаженности в подаче информации в формальном и неформальном инфопотоках необходимо усилить взаимодействие между государственными и неформальными акторами. Оперативный обмен данными, работа с едиными целями, а также совместная выработка ключевых сообщений поможет создать более устойчивую и скоординированную информационную систему.

2. Работа по противодействию украинскому информационному потоку, созданному от лица государственных СМИ Украины.

3. Использование украинского языка для работы с проукраинской аудиторией в формате пророссийских блогов с обоснованием причин военных действий и интерпретацией событий с российской точки зрения.

ВЫВОДЫ

Исследование показало, что украинская сторона активно использует дезинформацию, делая акцент на эмоциональных посланиях и обращениях к конкретным аудиториям. Такой подход дискредитирует российские вооруженные силы и формирует устойчивую негативную картину о российских действиях среди украинских и проукраинских пользователей соцсетей и мессенджеров. Кроме того, украинская

дезинформация активно вовлекает аудиторию в процесс обсуждения и распространения информации, что усиливает ее влияние и увеличивает ее охват.

Российский информационный поток, в свою очередь, делится на формальный (государственные СМИ и госслужащие) и неформальный (негосударственные СМИ, блогеры). Их отличительная особенность — различие в методах воздействия на аудиторию: формальный поток акцентирует внимание на более рациональном освещении событий, тогда как неформальный чаще использует эмоциональные послания и быстро реагирует на украинские фейки. Исследование выявило, что 10% всех сообщений в российском потоке посвящены опровержению ложной информации, что помогает поддерживать доверие к источникам и снижать эффект украинских информационных атак. Однако российский неформальный поток сталкивается с проблемой значительного количества критики и недостоверной информации (около 22,7%), что создает информационный шум и снижает доверие к российским источникам.

Анализ показал также определенную усталость аудитории, проявляющуюся в снижении интереса к информации о СВО. Это обуславливает важность привлечения внимания за счет использования креативных форматов, таких как мемы и видео, которые более эффективно вовлекают пользователей. Учитывая растущее сходство формальных и неформальных потоков, дальнейшее развитие их координации может способствовать созданию единого информационного фронта.

В заключение можно выделить несколько направлений для укрепления российского информационного потока: создание независимых платформ для проверки фактов, внедрение креативных форматов подачи информации, усиление взаимодействия формального и неформального потоков и развитие обратной связи с аудиторией. Эти меры помогут повысить уровень доверия к российским источникам массовой информации и укрепить их позиции в информационном противостоянии с украинскими фейк-ньюс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):12–18. DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–2–12–18
2. Безлепкина Н.И. Симулякры информационной войны и защита общества от их деструктивного воздействия. В: Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. XXII Национальная научная конференция.

- ция с международным участием, Москва, 14–16 февраля 2023 г. Вып. 18, ч. 1. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2023:505–509. URL: <https://elibrary.ru/zsmwer>
3. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине. *Вестник Академии военных наук*. 2022;(4):54–58. URL: <https://elibrary.ru/ounsxcx>
 4. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023;25(1):113–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133
 5. Кудряшова Е.В., Бергман Ю.Э. Информационное противоборство России и Украины (на примере современного политического конфликта). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019;(1):99–103. URL: <https://elibrary.ru/zdyrrr>
 6. Харитонов Н.И., Максимов А.С. Взаимодействие России с ключевыми геополитическими оппонентами в условиях гибридной войны: комплексный стратегический подход. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022;(95):108–123. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-95-108-123
 7. Ильичев А.В. Дискурс гибридной войны как механизм формирования негативного образа России. *Конфликтология / Nota Bene*. 2023;(3):36–53. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.3.40121
 8. Дементьева К.В., Газизов Р.Р. Трансформация российского цифрового медиапространства в 2022 г. (структурные и содержательные особенности). *Коммуникативные исследования*. 2023;10(1):72–84. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10
 9. Чиркин Д.Ю., Колмаков А.Д., Скупов М.В. Феномен Z-телеграма в освещении событий на Украине. *Социодинамика*. 2023;(12):171–191. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.12.69206
 10. Вилкова А.А., Сулагаева К.Г. Политико-психологические вызовы информационной войны против российского государства в условиях специальной военной операции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):128–134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-128-134

REFERENCES

1. Brodovskaya E. V., Parma R. V., Lukushin V. A., Sklyarova N. Y. Destructive information-psychological impact on young people in Russia in social media (on the materials of the round table). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):12–18. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18
2. Bezlepkin N. I. Simulacra of information warfare and the defence of society from their destructive impact. In: *Russia: Trends and prospects of development: yearbook. XXII National Scientific Conference with International Participation, Moscow, 14–16 February 2023*;18(1). Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS; 2023. C. 505–509. URL: <https://elibrary.ru/zsmwer>. (In Russ.).
3. Manoilo A. V. Informational diversions in the conflict in Ukraine. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2022;(4):54–58. URL: <https://elibrary.ru/ounsxcx>. (In Russ.).
4. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N., Pechenkin N. M. Influence of digital environment on modern worldview: Pro et Contra. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2023;25(1):113–133. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133
5. Kudryashova E. V., Bergman S. E. Information confrontation between Russia and Ukraine (on the example of modern political conflict). *Caspian region: politics, economics, culture*. 2019;(1):99–103. URL: <https://elibrary.ru/zdyrrr>. (In Russ.).
6. Kharitonova N. I., Maksimov A. S. Interaction of Russia with key geopolitical opponents in the conditions of hybrid warfare: a comprehensive strategic approach. *Gosudarstvennoe upravlenie. Electronic Bulletin*. 2022;(95):108–123. (In Russ.). DOI: 10.24412/2070-1381-2022-95-108-123
7. Ilyichev A. V. Discourse of hybrid warfare as a mechanism of formation of negative image of Russia. *Conflictology / Nota Bene*. 2023;(3):36–53. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0617.2023.3.40121
8. Dementieva K. V., Gazizov R. R. Transformation of Russian digital media space in 2022 (structural and content features). *Communicative Research*. 2023;10(1):72–84. (In Russ.). DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10
9. Chirkin D. Y., Kolmakov A. D., Skupov M. V. The phenomenon of Z-telegram in the coverage of events in Ukraine. *Sociodynamics*. 2023;(12):171–191. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2023.12.69206
10. Vilkova A. A., Sulagaeva K. G. Political-psychological challenges of information war against the Russian state in the conditions of a special military operation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):128–134. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-128-134

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владислав Борисович Наумов — студент 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vladislav B. Naumov — 2nd year Master's student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-7402-7174>

naumov386@gmail.com

Павел Борисович Силкин — студент 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Pavel B. Silkin — 2nd year Master's student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-1278-8567>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

Pasha_267@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.04.2025; принята к публикации 14.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.04.2025; accepted for publication 14.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-53-63
УДК 327.22(470+476)(045)

К вопросу о концептуальном обосновании объединения СГРБ в современном дискурсе

А.В. Шебанов

Среднерусский Институт управления — филиал РАНХиГС, Орел, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы теоретического осмысления и концептуальных основ российско-белорусской интеграции, нашедших выражение в формировании и развитии Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь (далее — СГРБ). Актуальность темы связана с осмыслением процесса объединения двух стран, осуществляемым как теоретиками, так и практиками российской и белорусской политики, выступает его концептуальной основой. Интеграционные преобразования СГРБ отражают изменения геополитических и внутригосударственных факторов, сопровождавших процесс становления Союзного государства на протяжении последних десятилетий. **Цель** — анализ процесса российско-белорусской интеграции, направленной на строительство Союзного государства. **Задачи исследования:** определить интеграционные предпосылки и основные этапы создания СГРБ; провести краткий анализ составляющих российского, белорусского и зарубежного политического дискурса российско-белорусской интеграции. Методологическая основа исследования — объединение геополитического и неореалистского подходов, позволяющая рассматривать СГРБ в качестве важной составляющей текущих трансформаций международной системы. Кроме того, подходы к теории международных отношений дополнены институциональным и системным видением. В основу теоретического осмысления СГРБ положены направления исследований, изучавших его институциональную структуру и общую сущность, расширявшийся в соответствии с историческими периодами набор составляющих интеграционных процессов, а также международные аспекты российско-белорусского взаимодействия. Настоящее исследование предполагает широкий спектр дальнейших прикладных исследований: начиная с нормативно-правовой основы СГРБ и ее институциональной структуры и заканчивая процессами реализации союзных программ и определения его роли в мировой системе.

Ключевые слова: Россия; Беларусь; интеграция; Союзное государство; СГРБ; концептуализация

Для цитирования: Шебанов А.В. К вопросу о концептуальном обосновании объединения СГРБ в современном дискурсе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):53-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-53-63

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

On the Issue of the Conceptual Justification of the Unification of the USRB in Modern Discourse

A.V. Shebanov

Central Russian Institute of Management, RANEPA branch, Orel, Russian Federation

ABSTRACT

The article discusses issues of theoretical understanding and conceptual foundations of Russian-Belarusian integration, which found expression in the formation and development of the Union State (USRB). The relevance of the topic is due to the fact that the understanding of the process of unification of the Russian Federation and the Republic of Belarus, carried out by both theorists and practitioners of Russian and Belarusian politics, serves as its conceptual basis. The difference in the stages of understanding integration transformations reflects changes in geopolitical and domestic factors that have accompanied the process of formation of the USRB over the past decades. The purpose of the article was to analyze and periodize the theoretical understanding and conceptual justification of Russian-Belarusian integration aimed at building the Union State. Its objectives: 1. to define and compare the main stages of theoretical understanding of the USRB and its integration prerequisites; 2. a brief analysis of the components of the Russian, Belarusian and foreign political discourse of Russian-Belarusian integration. The methodological basis of the study was the combination of geopolitical and neorealist approaches, which made it possible to consider the USRB as an important component of the current transformations of the international system. In addition, the approaches of the theory of international relations

were complemented by an institutional and systemic vision. The result of the work was the understanding that the theoretical understanding and conceptual justification for the integration of Russia and Belarus, ultimately implemented in the format of the USBR, was carried out at the level of scientific understanding of the processes of Russian-Belarusian unification and discourse, formed on the basis of the rhetoric of politicians of each state, as well as representatives of foreign thought. The basis for the theoretical understanding of the USBR was formed by areas of research that studied its institutional structure and general essence, the set of components of integration processes that expanded in accordance with historical periods, as well as the international aspects of Russian-Belarusian interaction. The presented theoretical research suggests a wide range of further applied research: starting from the regulatory framework of the State Security Service and its institutional structure, and ending with the processes of implementing union programs and determining its role in the transforming world system.

Keywords: Russia; Belarus; integration; Union State; USBR; conceptualization

For citation: Shebanov A.V. On The issue of the conceptual justification of the unification of the USBR in modern discourse. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):53-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-53-63

ВВЕДЕНИЕ

В условиях текущих трансформаций международной системы особую значимость приобретают интеграционные процессы государств, объединяющихся для обеспечения национальной безопасности и укрепления благосостояния. Для Российской Федерации достижение этих целей особенно актуально, так как именно ей как государству противостоит коллективный Запад, применяющий различные инструменты давления и ослабления страны. В подобных условиях интеграционный проект России и Беларуси по созданию Союзного государства выходит за рамки традиционного объединения братских народов и приобретает новые смыслы.

Изучение процесса объединения двух стран теоретиками и практиками российской и белорусской политики позволяет определить его концептуальную основу. Различие в этапах осмысления (как и практики) интеграционных преобразований служит отражением изменений геополитических и внутригосударственных факторов, сопровождающих процесс становления Союзного государства (далее — СГРБ) на протяжении последних десятилетий.

Не менее важна в составляющей концептуализации СГРБ риторика политических лидеров российского и белорусского государств, а также других представителей политикума и экспертного сообщества. В ней отражены ключевые положения, ставшие основой российско-белорусского объединения. Задача этой статьи — изучить обозначенные теоретические основы и концептуальную базу российско-белорусской интеграции.

Новизна исследования заключается в поэтапном рассмотрении процесса теоретического осмысления СГРБ, с выделением ключевых подходов и принципов, определяемых исследователями в качестве интеграционной основы для РФ и РБ. Также значимо

выявление концептуальной основы, заложенной в нормативных документах российско-белорусского объединения и ставшей фундаментом для развития Союзного государства.

Цель статьи — анализ и периодизация процесса теоретического осмысления и концептуального обоснования российско-белорусской интеграции, направленной на строительство Союзного государства. Задачи — определить и сравнить основные этапы теоретического осмысления создания СГРБ и его интеграционных предпосылок; проанализировать составляющие российского, белорусского и зарубежного политического дискурса российско-белорусской интеграции.

Институциональный, системный и бихевиористский подходы заложены в методологическую основу настоящего исследования. Их использование позволило рассматривать СГРБ в качестве институционального образования, имеющего свою структуру и логику развития, предполагающую периодизацию его теоретического и концептуального видения. Кроме того, принципы бихевиоризма позволили сформировать акцент на политической риторике и академическом дискурсе как важных факторах, оказывающих влияние на процессы интеграционного объединения.

Согласно обозначенным подходам в статье использовались также общенаучные и прикладные методы. К первым относятся анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация, периодизация и сравнение, обеспечившие выделение и изучение основных этапов и тематических групп исследования СГРБ, а также его определение в практическом политическом дискурсе. Основу прикладного исследования составил анализ письменных академических и публицистических источников, а также политической риторики, в рамках которых осуществлялась концептуализация российско-белорусской интеграции.

ЭТАПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

Характеризуя теоретическое осмысление российско-белорусской интеграции и СГРБ как ее институционализированного итога, стоит отметить, что этот вопрос на протяжении последних трех десятилетий становился объектом исследования политологов, социологов, юристов, историков и пр. Тематическое и методологическое содержание их работ соответствовало историческим реалиям, в которых оно реализовывалось и служило отражением ключевых интеграционных тенденций в отношениях России и Беларуси.

Как и политические процессы в целом, эти исследования могут быть разделены на этапы, соответствующие десятилетиям развития СГРБ.

1990–2000 гг. Рассматривая первый период интеграционных процессов России и Беларуси, необходимо проанализировать факторы, послужившие созданию СГРБ. В большинстве своем оценки этих процессов имели положительный характер и определяли объединение как восстановление единства братских народов, экономически выгодное обеим странам. Публикации в научной литературе и публицистике этого периода можно разделить на три ключевые тематические группы.

В рамках первой группы вопросы российско-белорусской интеграции рассматривались в формате выделения ее положительных и отрицательных аспектов, институциональной и нормативно-правовой организации, потенциала, созданного в завершении этого периода Союза и пр. [1–3]. Вторая группа источников предполагала изучение отдельных аспектов интеграции России и Беларуси и обращение к экономическим основам объединения и его историческим предпосылкам [4–6]. Третья группа работ рассматривала российско-белорусское сотрудничество как составляющую более масштабную (например, объединение пространства стран СНГ) [7–9]. Такое видение важно для понимания оценки интеграционного потенциала России и Беларуси периода 1990-х гг., так как отражает доминирование российско-белорусского взаимодействия как одного из направлений международной политики, осуществляемой в рамках постсоветского пространства, определявшего в качестве ключевого и предполагавшего учет интересов других его участников.

При рассмотрении российско-белорусской интеграции общей методологической рамкой этого периода служило обращение к системному и институциональному видению с акцентом на политические и экономические аспекты объединения,

которые дополнялись международными (геополитическим и неореалистским) подходами взаимодействия в контексте процессов СНГ. Таким образом, изначально результат российско-белорусской интеграции рассматривался как институциональное образование, которое может оцениваться положительно или отрицательно, однако должно иметь формат единого государства с соответствующими управленческими структурами и институтами.

У Союзного государства России и Белоруссии нет четкой исходной даты. День Единения народов двух стран отмечается ежегодно 2 апреля¹. Однако договор о создании надгосударственного СГРБ был подписан 8 декабря 1999 г. На сегодня это самая высшая модель интеграции после распада СССР, хотя и нереализованная.

2001–2010 гг. Тенденции, обозначенные в первом периоде, можно считать характерными и для следующего временного интервала. Но в новом периоде они были дополнены новыми векторами в научных исследованиях СГРБ и значимыми политическими (международными и внутригосударственными) трансформациями нового тысячелетия. К новым политическим тенденциям можно отнести глобализацию и регионализацию, расширение Европейского союза, развитие экономик Российской Федерации и Республики Беларусь и т.д.

В исследованиях того времени сохранены три выделенные ранее тематические группы, но их наполнение было дополнено. Так, в первой, институциональной группе, появилось большое число работ, посвященных вопросу институциональной организации СГРБ. В концептуальном контексте важное место заняла дискуссия о форме устройства Союзного государства. Например, Ю.В. Недилько в своей работе писала, что у СГРБ возможны только два варианта организации: федеративный и конфедеративный [10]. Напротив, С.Н. Бабурин пишет об уникальности нового образования, которое будет существовать на карте мира наряду с унитарными и федеративными государствами [11].

Большое развитие в этом периоде приобрела вторая группа работ, посвященных рассмотрению определенных аспектов интеграции. Доминирующее место в ней приобрели экономические факторы, рассматривавшиеся в широком контексте таможенной, финансовой, торговой, бюджетной и пр. политики. Значимость экономических факторов определялась исследователями настолько высоко, что позволила

¹ URL: <https://ria.ru/20250402/edinenie-2008433921.html?ysclid=ma2elud5g4586471872>

сделать вывод о доминировании этой группы исследований над первыми (институциональными). Важным также стало развитие в рассмотрении СГРБ прагматичных неореалистских принципов его изучения. Кроме того, экономические факторы были эпизодично дополнены в этой группе другими: культурными, элитистскими и пр. [12–14].

Третья группа исследований также подверглась трансформации. В ней, помимо постсоветских исследований, появились оценки российско-белорусской интеграции в масштабе евразийского пространства. Это послужило развитию геополитического видения и в целом рассмотрению СГРБ в формате не институциональных, а уже международных процессов [15, 16].

Таким образом, этот временной период можно определить в качестве переходного. В его рамках сохранились общие тематические группы 1990-х гг., но в соответствии с реалиями они были дополнены международными вопросами и определением прагматичной экономической основы в качестве ключевой для развития Союзного государства.

2011–2020 гг. Тематическое содержание третьего периода как подтверждение этому тезису. Число исследований этого этапа значительно превысило предыдущие, что было связано как с развитием интеграционных процессов в рамках СГРБ, так и дальнейшими изменениями международной системы.

Первая группа институциональных исследований, значимая для двух предыдущих периодов, сохранилась. В ней также присутствовали работы, направленные на изучение нормативно-правовых процедур и принципов развития СГРБ. Но основным содержательным контекстом стала общая рефлексия сущности Союзного государства, истории его становления, потенциала развития и пр. Это было обусловлено как накопившимся историческим материалом построения СГРБ, так и трансформацией политического дискурса, включившего идеи о пересмотре и интенсификации взаимоотношений России и Беларуси в рамках интеграционных процессов [17–19].

Вторая группа исследований различных аспектов российско-белорусских интеграционных процессов подверглась значительному тематическому расширению. Доминирование экономической тематики [20–22] в ней было размыто добавлением исследований по другим темам: законодательство, вопросы унификации в ней [23–25]; образование [26, 27]; информационное пространство [28, 29]; безопасность и военное сотрудничество [30, 31];

культура [32, 33]; приграничное и региональное взаимодействие стран [34, 35]; иные аспекты российско-белорусской интеграции, не вошедшие ни в одну из названных сфер [36, 37].

В связи с тематическим разнообразием выделить единые методологические принципы в этой группе исследований сложно. Общим является принцип ориентации на прикладные исследования и на рассмотрение частных вопросов интеграции.

Последняя группа (международные исследования) также продолжила развитие. Помимо оценки макроэкономической ситуации в этой группе также стали появляться исследования, посвященные различным международным вопросам сотрудничества России и Беларуси с ООН, ЕЭП, темам государственного суверенитета, публичной дипломатии и ряда других [38, 39].

В целом рассмотренный период характеризовался значительным интересом ученых к развитию СГРБ. Это нашло выражение в многообразии тем и методологических принципов оценки российско-белорусской интеграции. Общей тенденцией стоит считать рассмотрение практических процессов развития СГРБ в контексте международных преобразований.

2021–2024 гг. — последний период исследований включил все направления исследований предыдущих этапов и определил формирование двух новых. Также проводятся исследования институциональной и правовой организации СГРБ, ее экономических, культурных, научных, социальных, образовательных, информационных, региональных и прочих аспектов, а также проблем международного взаимодействия и развития в новых глобальных реалиях [40–43].

Новые темы этого периода — прикладные вопросы реализации программ СГРБ, стратегический анализ и сценарные прогнозы дальнейшего развития Содружества государств [44–47]. Примером второй категории работ могут служить исследования О. В. Бахловой, которая, в частности, отмечала: «Союзное государство Беларуси и России ... за более чем 20-летнюю историю существования пережило не одну попытку видоизменения интеграционных ориентиров и механизмов. У стран — участниц СГБР ... до сих пор не сложилось четкого и единодушного понимания модели союзного строительства, хотя некоторые ее контуры и параметры были определены давно» [44, с. 11].

Приведенная цитата, также как новизна стратегического направления исследований СГРБ подтверждает значимость этой категории работ и методологических принципов стратегического

анализа интеграционных процессов. Дополняя выявленные ранее подходы геополитики, неореализма, институциональных и системных исследований, стратегический анализ завершает формирование методологической основы изучения СГРБ. Определенная таким образом концептуальная рамка исследования Союзного государства предполагает его интерпретацию в качестве важного субъекта международных отношений. Дальнейшее развитие СГРБ представляется необходимым, так как в ситуации текущих глобальных изменений он обладает геополитической и ресурсной значимостью. Его содержательное наполнение крайне широко и различно: начиная с институциональной организации и заканчивая формированием общего информационного, культурного, образовательного и пр. пространств. При этом стоит обозначить, что согласно актуальным исследованиям, СГРБ не представляет собой классическое государственное образование и должно развиваться в формате уникального межгосударственного объединения, имеющего широкий набор объединяющих основ и принципов.

Представленное мнение сформировано в результате развития и эволюции академической мысли. Однако не менее значимый вклад в него внес практический политический дискурс, также изначально выступавший концептуальной базой российско-белорусских интеграционных процессов.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Концептуальные основы периода 1990–2000-х гг. формировались на фоне политических и культурных процессов последнего десятилетия СССР и его распада. Так, в Беларуси 80-е гг. прошлого века ознаменовались ростом национального самосознания. Политические лидеры республики критиковали политику союзного центра и декларировали значимость экономической самостоятельности. Однако при всей, на первый взгляд, весомости такие позиции не привели к формированию националистического движения, что обеспечило достаточно быструю смену антиинтеграционной риторики. Уже в 1994 г. А. Г. Лукашенко одержал победу на выборах на волне интеграционных настроений и наметившегося вектора на объединение с Федерацией [48, с. 37].

В российском политикуме позиции также были неоднозначны: присутствовало разделение на два лагеря: интеграционалистских сил и их против-

ников². При этом, также как в научном дискурсе, в каждом из обозначенных лагерей были свои «ответвления». Так, среди сторонников развития отношений с Беларусью были и выступающие за объединение в формате конфедерации, и считавшие необходимым создание единого государства³. Например, А. Г. Дугин по этому поводу писал: «Белоруссию следует рассматривать как часть России, и поэтому интеграцию с ней надо проводить по оси Запад-Восток, являющейся приоритетной во всех случаях внутренней организации этнически однородного пространства» [49, с. 376–377].

При этом в каждом из государств формировался лагерь противников интеграции. В России к ним преимущественно относились представители либеральной оппозиции. Их ключевыми аргументами выступали тезисы о том, что Беларусь экономически более слабое государство. Кроме того, объектом постоянной критики выступал политический режим в Республике, определявшийся как антидемократический, а значит, опасный для России [50, с. 184–185].

В Беларуси антиинтеграционисты относились к национально-демократической оппозиции. Как правило, их взгляды основывались на предпочтительности процессов объединения не с Россией, а западными государствами, осуществляемых в формате Балтийско-Черноморского и других союзов. Деятельность оппозиции предполагает не только противостояние любым формам объединения с Россией, но и режимные трансформации в самом белорусском государстве [51, с. 37].

Очевидно, что наиболее близкими к взглядам российской и белорусской оппозиции являются труды зарубежных исследователей. Смысловой контекст их критики российско-белорусской интеграции, как правило, отличается в зависимости от региональной принадлежности автора. Так, представители ближнего зарубежья видели в российско-белорусском объединении угрозу для безопасности своих государств, основу для расширения российских «имперских амбиций» и пр. [52, 53].

Взгляды исследователей из Западной Европы претендуют на больший уровень объективности. В их трудах рассматривается российско-белорусская интеграционная динамика и обозначается, что в начале своего создания СГРБ предполагало в первую очередь развитие экономического и военного, но не политического сотрудничества, и давало возмож-

² URL: <https://www.ng.ru/ideas/1999-10-01/integration.html>

³ URL: <https://www.km.ru/glavnoe/1999/10/08/kommentarii-dnya/soyuz-rossii-i-belorussii-federatsiya-ili-konfederatsiya>

ность Беларуси балансировать между Российской Федерацией и Европейским союзом в реализации своих интересов [54–57].

Таким образом, политический дискурс интеграционных процессов заложил преимущественно дуальную систему интерпретации СГРБ. Союзное государство и его развитие определялись сторонниками как институт, несущий потенциал укрепления безопасности и благополучия каждого из государств. Его противниками оно рассматривалось в качестве угрозы для суверенитета и институциональной организации участников СГРБ, а также дестабилизирующего фактора в регионе, представляющего опасность для соседних государств. Очевидно, что такая риторика не могла послужить фактором прекращения интеграционных процессов, однако она внесла вклад в их интерпретацию и концептуализацию.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, стоит обозначить, что теоретическое осмысление и концептуальное обоснование интеграции России и Беларуси, реализованное в итоге в формате Союзного государства, осуществлялось на уровне всесторонней оценки процессов российско-белорусского объединения и дискурса, формировавшегося на основе политической риторики представителей каждой страны-участника, а также представителей зарубежной мысли.

Основу теоретического осмысления СГРБ составили исследования, изучавшие его институциональную структуру и сущность, расширявшиеся

в соответствии с историческими периодами набора составляющих интеграционных процессов (от экономики до науки, образования, медиа и пр.), а также международные аспекты российско-белорусского взаимодействия, рассматривавшиеся сначала в контексте СНГ, затем евразийского региона и различных составляющих международной системы.

В итоге исследователями были выработаны подходы к интерпретации интеграции России и Беларуси, включившие системное и институциональное видение, геополитический и неореалистский подходы, а также наиболее современный стратегический анализ. На основе этих подходов была реализована концептуализация СГРБ.

Также вклад в развитие осмысления интеграционных процессов и дальнейшего развития Союзного государства внесли политические деятели и эксперты. При всей дуальности их оценок СГРБ сохранил статус уникального интеграционного образования, обладающего высоким потенциалом развития для обеспечения благополучия обеих участниц.

Очевидно, что представленное теоретическое исследование предполагает дальнейшее развитие, где требуют исследований нормативно-правовая основа СГРБ, ее институциональная структура, процессы реализации союзных программ и определение роли Союзного государства в трансформирующейся мировой системе. Каждое из указанных направлений станет весомым вкладом в изучение феномена СГРБ и определение его стратегического потенциала и прогнозов его дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Союз Беларуси и России: выбор сделан. Минск: Польша; 1998. 94 с.
2. Артемьева В.Н., Маликов О.П. Союз Белоруссии и России, правовая природа и правосубъектность. Минск; 1998. 62 с.
3. Союз Беларуси и России: аргументы, цифры, факты: 100 вопросов и ответов. М.; 1999. 63 с.
4. Беларусь: социально-экономический потенциал. Минск: Беларусь; 1998. 50 с.
5. Иванов Э.М., Хромов Ю.С. Внешнеэкономические связи между Белоруссией и Россией. В: Белоруссия: путь к новым горизонтам. М.; 1996. 371 с.
6. Мясникович М.В. Формирование финансово-промышленных групп в переходных экономиках (на примере Республики Беларусь и Российской Федерации). Санкт-Петербург: Издательство СПбГЭУ; 1997. 158 с.
7. О совершенствовании правовых и политических основ деятельности СНГ (Рекомендации Российской Академии наук). *Дипломатический вестник*. 1994. № 19–20. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/dipvestnik/
8. Виноградов С.В., Транин А.А. СНГ: межгосударственные отношения в области охраны окружающей среды. *Государство и право*. 1994;(12):37–46.
9. Егоров В., Загорский А. Сотрудничество государств СНГ в военно-политической области. Москва; 1998. 40 с.
10. Недилько Ю.В. Форма государственного устройства Союзного государства России и Белоруссии. *Общество и право*. 2003;(2):60–65. URL: https://mvd.ru/upload/site119/document_text/003/464/876/sl-2003-2.pdf
11. Бабурин С.Н. Проблемы правоприменения в унитарном, федеративном и союзном государстве. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2008;3(16):7–9.

12. Кохно П.А. Союзное государство. Книга 6. Модели управления политико-финансовой интеграцией. Москва: Наука; 2006. 405 с.
13. Вихрян А.П. Потенциал государственно-частного партнерства для управления собственностью Союзного государства России и Белоруссии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2010;(3):73–78. URL: <https://www.elibrary.ru/musgip>
14. Бульenkova Е.Л. Культурная идентичность как основа политического диалога России и Беларуси. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2009;4(13):184–186. URL: <https://www.elibrary.ru/msouyl>
15. Гармонников С.Н. Использование опыта таможенного регулирования Союзного государства России и Беларуси при формировании таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. *Вестник Российской таможенной академии*. 2010;(1):20–28. URL: <https://www.elibrary.ru/laatbx>
16. Жук С., Резникова О. Экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве. *Кавказ и глобализация*. 2006;1(1):109–123.
17. Дейко А.К. Союзное государство: реалии интеграционных процессов. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2013;(13):19–25. URL: <https://www.elibrary.ru/rqqevz>
18. Мигранян А.А. Потенциал Союзного государства. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020;351–355. URL: <https://www.elibrary.ru/rbtbd1>
19. Ступаков Н.В. Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: перспективы углубления союзной интеграции и обеспечения безопасности (к 20-летию Союзного государства). *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2019;(3):12–26. URL: <https://www.elibrary.ru/eawwzr>
20. Киселевич А.И. Коммерциализация инноваций — новый вектор Союзного государства. *Современная Европа*. 2019;(1):128–137.
21. Зуева А.С. Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности Союзного государства. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014;37(274):48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/snyxbz>
22. Петрова И.В. Бюджет Союзного государства: подводные камни его исполнения. *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016;6(22):45–55. URL: <https://www.elibrary.ru/xrfqkn>
23. Жавнерчик В. Конституционно-правовое развитие Союзного государства Беларуси и России. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2019;(4):111–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42019111115>
24. Мичулис Э.Ф., Куксин И.Н. Формирование единого правового пространства Союзного государства Беларуси и России и его уголовно-правовой системы. *Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2015;2(199):115–121. URL: <https://www.elibrary.ru/tufebf>
25. Силкин А.Е. Право на ежемесячное пособие по уходу за ребенком в государствах-участниках союзного государства России и Беларуси. *Аграрное и земельное право*. 2016:115–118.
26. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. Образовательный вызов и модернизация Союзного государства. *Свободная мысль*. 2019;(2):139–152. URL: <http://www.svom.info/entry/938-obrazovatelnyj-vyzov-i-modernizaciya-soyuznogo-gos/>
27. Сиренко С.Н., Малинецкий Г.Г. Опережающее образование и модернизация Союзного государства. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*. 2019;(1):18–31. URL: <https://www.elibrary.ru/zbnzvv>
28. Мысова Т.Ф. Информационная безопасность союзного государства. *Образование и право*. 2014;3(55)-4(56);152–156.
29. Попов С.Ю. СМИ как инструмент информационной политики Союзного государства России и Белоруссии (1999–2014). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва: РУДН; 2015.
30. Белов П.Г. Концепция и инструментарий безопасности Союзного государства. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. Вып. 1. Ч. 1. Москва: ИНИОН РАН. 2018:33–34.
31. Курбанов Р.А., Жигулич В.С., Белялова А.М. Правовые основы военно-политического сотрудничества в союзном государстве. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*. 2017;(6):325–255. URL: <https://www.elibrary.ru/ykxhwg>
32. Гаврилина Н.Е., Давитьян А.Ю. Общность культур как основа Союзного государства российской Федерации и Республики Беларусь. *Культурная жизнь Юга России*. 2015;2(57):7–11.

33. Мануилова П. В. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере культуры в рамках Союзного государства. *Постсоветские исследования*. 2019;2(6):1420–1428. URL: <https://www.elibrary.ru/jxpmjh>
34. Абрамов Р. А. Развитие межрегионального сотрудничества России и Беларуси в образовательной сфере в условиях формирования единого экономического пространства союзного государства. *Россия: тенденции и перспективы развития*. Москва; ИНИОН РАН. 2020:495–497. URL: <https://www.elibrary.ru/zfuhea>
35. Деревянко С. В. Приоритетные направления интеграции региональных инновационных систем стран Союзного государства. *Инновации и инвестиции*. 2017;(10):5–9. URL: <https://www.elibrary.ru/ucdjgy>
36. Насуев К. С. Итоги и перспективы сотрудничества органов внутренних дел Союзного государства. *Закон и право*. 2020;(7):57–59. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10318
37. Сиянова Т. В. Перспективы развития туристической отрасли в Союзном государстве. *Актуальные вопросы экономических наук*. 2016;(55–1):20–25. URL: <https://elibrary.ru/xhtqtf>
38. Бояшов А. С. Потенциал Союзного государства в системе ООН. *Современная Европа*. 2019;(1):138–147. DOI: 10.18500/1818–9601–2021–21–4–435–441
39. Карпиленя Н. В. О проблемах нейтралитета в геополитике и нейтральности в идеологии в контексте национальной безопасности Союзного государства: евразийский взгляд. *Архонт*. 2019;1(10). URL: <https://elibrary.ru/yzxsqh>
40. Бахлова О. В., Уляшкина Е. Г. Союзное государство в современном политическом дискурсе России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2021;(21):435–441. URL: <https://elibrary.ru/zeagjl>
41. Вилисов М. В. Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021;(3):106–126. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6
42. Сибирская А. В., Сулейков А. А. Влияние санкционного давления на экономики стран Союзного государства. *Постсоветские исследования*. 2023;6(6):695–703. URL: <https://elibrary.ru/ssepvu>
43. Межевич Н. М., Шимов В. В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик «средней страны» (на примере Беларуси). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2022;4(15):436–450. URL: <https://elibrary.ru/sjprco>
44. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Сценарии эволюции Союзного государства Беларуси и России: ценности и прагматика. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2022;1(57):9–26. URL: <https://elibrary.ru/nnhgjg>
45. Гаврилюк Н. П., Макарова Е. М. Сценарный прогноз развития Союзного государства в контексте диалога России и Белоруссии. *Власть истории. История власти*. 2022;4(38):30–40. URL: <https://elibrary.ru/zhbfew>
46. Пакуш Л. В., Панасюга Н. П. Союзные программы России и Беларуси: магистральные направления. *Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*. 2023;(1):37–40. URL: <https://elibrary.ru/snjrpx>
47. Сотников А. В. Программы Союзного государства: новый комплексный шаг к интеграции. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;(3):33–37. URL: <https://elibrary.ru/tzoeas>
48. Ковалева Э. В. Российско-белорусские отношения: тенденции развития. Дисс. ... канд. полит. наук. Москва: 2010;198 с.
49. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Москва: Арктогея-центр;1999. 924 с.
50. Машко В. В. Из истории Союзного государства Беларуси и России: бюджет и бюджетная политика. *Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2009;(17):182–190. URL: <https://elibrary.ru/lhstil>
51. Косов А. П. Союзное государство в оценках прозападных политических сил Беларуси. Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования БГУ, 27 окт. 2016 г. Минск: Издательство БГУ; 2016:36–38.
52. Oljasz T. Another European Union. *The Warsaw Voice*. 1999.
53. Potocki J. SasiadStrategiczny. *Wpost*. 2000:88–89.
54. Lorenz A. Aufbruchaus der Talsenke. Belarus an der Swellezumneuen Jahrhundert. *Osteuropa*. 2000;(3):249–263.
55. Timmermann H. Der Sonderfall Belarus’ im. Timmermann Spannungs feldzwischen Rußland und Europäischer Union. 2002;(11):1436–1455.
56. Timmermann H. Koloboks Union. Belarus und Rußland am Wendepunkt. Konturen und Kontraste. Belarus sucht sein Gesicht. 2004(52).

57. Timmermann H. Putin: Härtere Gangart gegenüber Minsk. Die Beziehungen Rußland — Belarus im Zeichen des Unionsstaats — Vertrags. Deutschland — Polen — Osteuropa: deutsche und polnische Vorüberlegungen zu einer gemeinsamen Ostpolitik der erweiterten Europäischen Union. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002:222–231.

REFERENCES

1. The Union of Belarus and Russia: The choice is made. Minsk: Polymya; 1998. 94 p. (In Russ.).
2. Artem'eva V.N., Malikov O.P. Union of Belarus and Russia, legal nature and legal personality. Minsk; 1998. 62 p. (In Russ.).
3. The Union of Belarus and Russia: Arguments, figures, facts: 100 questions and answers. Moscow; 1999. 63 p. (In Russ.).
4. Belarus: Socio-economic potential. Minsk: Belarus'; 1998. 50 p. (In Russ.).
5. Ivanov E.M., Khromov Yu.S. Foreign economic relations between Belarus and Russia. In: Belarus: the path to new horizons. Moscow; 1996. 371 p. (In Russ.).
6. Myasnikov M.V. Formation of financial and industrial groups in transition economies (on the example of the Republic of Belarus and the Russian Federation). St. Petersburg: SPbGEU Publishing House; 1997. 158 p. (In Russ.).
7. On improving the legal and political foundations of the CIS (Recommendations of the Russian Academy of Sciences). *Diplomatic Bulletin*. 1994;19–20. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/dipvestnik/ (In Russ.).
8. Vinogradov S.V., Tranin A.A. CIS: interstate relations in the field of environmental protection State and law. *State and law*. 1994;(12):37–46. (In Russ.).
9. Egorov V., Zagorskii A. Cooperation of the CIS states in the military-political field. Moscow; 1998. 40 p. (In Russ.).
10. Nedi'ko Yu.V. The form of the state structure of the Union State of Russia and Belarus. *Society and Law*. 2003;(2):60–65. URL: https://mvd.ru/upload/site119/document_text/003/464/876/sl-2003-2.pdf (In Russ.).
11. Baburin S.N. Problems of law enforcement in a unitary, federal and union state. Bulletin of Omsk University. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*. 2008;3(16):7–9. (In Russ.).
12. Kokhno P.A. The Union State. Book 6. Models of political and financial integration management. Moscow: Nauka; 2006. 405 p. (In Russ.).
13. Vikhryan A.P. The potential of public-private partnership for property management of the Union State of Russia and Belarus. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2010(3):73–78. URL: <https://www.elibrary.ru/musgip> (In Russ.).
14. Bul'enkova E.L. Cultural identity as the basis of the political dialogue between Russia and Belarus. *Central Russian journal of social sciences*. 2009;4(13):184–186. URL: <https://www.elibrary.ru/msouyl> (In Russ.).
15. Garmonnikov S.N. Using the experience of customs regulation of the Union State of Russia and Belarus in the formation of the Customs Union within the framework of the EurAsEC. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*. 2010;(1):20–28. URL: <https://www.elibrary.ru/laatbx> (In Russ.).
16. Zhuk S., Reznikova O. Economic interaction in the post-Soviet space. *Kavkaz i globalizatsiya*. 2006;1(1):109–123. (In Russ.).
17. Deiko A.K. The Union State: The realities of integration processes. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2013;(13):19–25. URL: <https://www.elibrary.ru/rqqevz> (In Russ.).
18. Migranyan A.A. The potential of the Union State. Greater Eurasia: Development, security, and cooperation. 2020;351–355. URL: <https://www.elibrary.ru/rbtbd1> (In Russ.).
19. Stupakov N.V. The Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus: Prospects for deepening Union integration and ensuring security (by the 20th anniversary of the Union State). *International cooperation Eurasian states: politics, economics, law*. 2019;(3):12–26. (In Russ.).
20. Kiselevich A.I. Commercialization of innovations — a new vector of the Union State. *Contemporary Europe*. 2019;(1):128–137. (In Russ.).
21. Zueva A.S. Actual problems of ensuring the economic security of the Union State. *National interests: priorities and security*. 2014;37(274):48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/snyxbz> (In Russ.).
22. Petrova I.V. The budget of the Union State: the pitfalls of its execution. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 2016;6(22):45–55. URL: <https://www.elibrary.ru/xrfqkn> (In Russ.).
23. Zhavnerchik V. Constitutional and legal development of the Union State of Belarus and Russia. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2019;(4):111–114. (In Russ.). DOI: 10.15211/vestnikieran42019111115
24. Michulis E.F., Kuksin I.N. Formation of a unified legal space of the Union State of Belarus and Russia and its criminal law system. *Nauchnye vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2015;2(199):115–121. (In Russ.).

25. Silkin A.E. The right to a monthly child care allowance in the member states of the Union State of Russia and Belarus. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2016;115–118. (In Russ.).
26. Akhromeeva T.S., Malinetskii G.G. Sirenko S.N. Educational challenge and modernization of the Union State. *Free thought*. 2019;(2):139–152. URL: <http://www.svom.info/entry/938-obrazovatelnyj-vyzov-i-modernizatsiya-soyuznogo-gos/> (In Russ.).
27. Sirenko S.N., Malinetskii G.G. Advanced education and modernization of the Union State. *Lomonosov pedagogical education journal*. 2019;(1):18–31. URL: <https://www.elibrary.ru/zbnzvz> (In Russ.).
28. Mysova T.F. Information security of the Union State. *Obrazovanie i pravo*. 2014;3(55)-4(56);152–156. (In Russ.).
29. Popov S. Yu. Mass media as an instrument of information policy of the Union State of Russia and Belarus (1999–2014). Cand. philol. sci. diss. Synopsis. Moscow: RUDN; 2015. (In Russ.).
30. Belov P.G. The concept and tools of security of the Union State. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. Vyp. 1, Ch. 1. Moscow: INION RAN. 2018;33–34. (In Russ.).
31. Kurbanov R.A., Zhigulich V.S., Belyalova A.M. Legal bases of military-political cooperation in the Union State. Gaps in Russian legislation. *Yuridicheskii zhurnal*. 2017;(6):325–255. URL: <https://www.elibrary.ru/ykxhwg> (In Russ.).
32. Gavrilina N.E., Davit'yan A. Yu. Community of cultures as the basis of the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2015;2(57):7–11. (In Russ.).
33. Manuilova P.V. Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus in the field of culture within the framework of the Union State. *Postsovetskie issledovaniya*. 2019;2(6):1420–1428. URL: <https://www.elibrary.ru/jxpmjh> (In Russ.).
34. Abramov R.A. Development of interregional cooperation between Russia and Belarus in the educational sphere in the context of the formation of a single economic space of the Union state. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. Moscow: INION RAN. 2020;495–497. URL: <https://www.elibrary.ru/zfuhea> (In Russ.).
35. Derevyanko S.V. Priority directions of integration of regional innovation systems of the Union State countries. *Innovation & Investment*. 2017;(10):5–9. URL: <https://www.elibrary.ru/ucdjgy> (In Russ.).
36. Nasuyev K.S. Results and prospects of cooperation of the internal affairs bodies of the Union State. *Zakon i pravo*. 2020;(7):57–59. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10318
37. Siyanova T.V. Prospects for the development of the tourism industry in the Union State. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*. 2016;(55–1):20–25. URL: <https://elibrary.ru/xhtqtf> (In Russ.).
38. Boyashov A.S. The potential of the Union State in the UN system. *Contemporary Europe*. 2019;(1):138–147. (In Russ.). DOI: 10.18500/1818–9601–2021–21–4–435–441
39. Karpilenya N.V. On the problems of neutrality in geopolitics and neutrality in ideology in the context of the national security of the Union State: a Eurasian perspective. *Arkhot*. 2019;1(10). (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/yzxsqh> (In Russ.).
40. Bakhlova O.V., Ulyashkina E.G. The Union State in the modern political discourse of Russia. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2021;(21):435–441. URL: <https://elibrary.ru/zeagjl> (In Russ.).
41. Vilisov M.V. The Union State and the Union Economy: The Political Economy of Russian-Belarusian Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021;(3):106–126. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6
42. Sibirskaya A.V., Suleikov A.A. The impact of sanctions pressure on the economies of the Union State countries. *Postsovetskie issledovaniya*. 2023;6(6):695–703. URL: <https://elibrary.ru/ssepvu> (In Russ.).
43. Mezhevich N.M., Shimov V.V. The concept of multi-vector approach in the system of foreign policy practices of the “middle country” (on the example of Belarus). *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2022;(15):436–450. URL: <https://elibrary.ru/sjprco>. (In Russ.).
44. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Scenarios of the evolution of the Union State of Belarus and Russia: Values and pragmatics. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya*. 2022;1(57):9–26. URL: <https://elibrary.ru/nnhgjg> (In Russ.).
45. Gavriluk N.P., Makarova E.M. Scenario forecast of the development of the Union State in the context of the dialogue between Russia and Belarus. *The power of history — the history of power*. 2022;4(38):30–40. URL: <https://elibrary.ru/zhbfev> (In Russ.).
46. Pakush L.V., Panasyuga N.P. Union programs of Russia and Belarus: Main directions. *Vestnik Belorusskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*. 2023;(1):37–40. URL: <https://elibrary.ru/snjrpx> (In Russ.).

47. Sotnikov A. V. Programs of the Union State: a new comprehensive step towards integration. *Russian foreign economic journal*. 2022;(3):33–37. URL: <https://elibrary.ru/tzoeas> (In Russ.).
48. Kovaleva E. V. Rossiisko-belorusskie otnosheniya: tendentsii razvitiya: Cand. polit. sci. diss. Moskva; 2010;198 p. (In Russ.).
49. Dugin A. Fundamentals of geopolitics. The geopolitical future of Russia. To think in space. Moscow: Arktogetya-tsentr;1999. 924 p. (In Russ.).
50. Mashko V. V. From the history of the Union State of Belarus and Russia: Budget and budgetary policy. *RGGU bulletin. Sseries: Literary theory. Linguistics. Cultural studies*. 2009;(17):182–190. URL: <https://elibrary.ru/lhstil> (In Russ.).
51. Kosov A. P. The Union State in the assessments of the pro-Western political forces of Belarus. Belarus' v sovremennom mire: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 95-letiyu obrazovaniya. Belarus State University, Minsk, 27 okt. 2016 g. Minsk: publishing BGU; 2016:36–38. (In Russ.).
52. Oljasz T. Another European Union. *The Warsaw Voice*. 1999.
53. Potocki J. SasiadStrategiczny. *Wpost*. 2000:88–89.
54. Lorenz A. Aufbruch aus der Talsenke? Belarus an der Swelle zum neuen Jahrhundert. *Osteuropa*. 2000;(3):249–263.
55. Timmermann H. Der Sonderfall Belarus' im. Timmermann Spannungs feld zwischen Rußland und Europäischer Union. 2002;(11):1436–1455.
56. Timmermann H. Koloboks Union. Belarus und Rußland am Wendepunkt. Konturen und Kontraste. Belarus sucht sein Gesicht. 2004(2):218–227.
57. Timmermann H. Putin: Härtere Gangart gegenüber Minsk. Die Beziehungen Rußland — Belarus im Zeichen des Unionsstaats — Vertrags. Deutschland — Polen — Osteuropa: deutsche und polnische Vorüberlegungen zu einer gemeinsamen Ostpolitik der erweiterten Europäischen Union. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002:222–231.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Владимирович Шебанов — соискатель, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, Орел, Российская Федерация

Alexander V. Shebanov — applicant, Central Russian Institute of Management — RANEPA branch, Orel, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-0966-0657>

obrazovanie878@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 22.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

От формирования экологической культуры к экологической экономике

Н.И. Соколова, Я.А. Гимаев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет. В представленной статье актуализирована тема формирования экологической культуры и внедрения ее в развитие экологической экономики. Рассматриваются основные аспекты экологизации образования, такие как экологическое сознание, воспитание, образование и поведение. Дан анализ понятия «культура» в контексте экологической культуры. Уделяется внимание зеленой экономике и ее неизбежности. **Цели.** Авторы ставили целью определение основных условий и путей формирования экологической культуры в контексте концепции устойчивого развития общества и обоснование необходимости изменения модели поведения людей и трансформации сознания с целью экологизации современной экономики. **Методология.** Исследование базируется на диалектическом подходе, предполагающем изменение в понимании культуры, сознания и поведения. Применяется анализ концептуальных положений о месте и роли экологической культуры в жизни личности и общества. Используются методы теоретического анализа (сравнительно-сопоставительный, ретроспективный); эмпирические (изучение нормативной и программно-методической литературы). **Результаты.** Несмотря на значительный объем исследований в области развития экологического сознания и формирования экологической культуры, переход экономики на зеленые рельсы экологии проходит достаточно медленно. Экологическое сознание и поведение граждан и общества в целом находятся на невысоком уровне. Бизнес медленно внедряет ресурсосберегающие технологии, а экологизация зачастую является лишь модным словом. Необходимы коллективная ответственность бизнеса за принятие решений в области охраны природы и повышение уровня экологического сознания и культуры. **Выводы.** Работа по формированию экологической культуры должна начинаться с раннего детства и продолжаться на протяжении всей жизни. В содержание образовательных программ должны быть включены экологическое обучение и воспитание уже с начальной школы. Необходимо разрабатывать и внедрять в производство программы по охране окружающей среды, стимулирующие рациональное использование природных ресурсов и внедрение экологически чистых технологий. Формирование экологической культуры — это длительный и многогранный процесс, требующий интегрированного подхода и объединяющий усилия государства, образовательных организаций, СМИ, бизнеса и гражданского общества. **Ключевые слова:** экологическая культура; экологическое сознание; экологическое образование и воспитание; экологическая экономика; концепция устойчивого развития

Для цитирования: Соколова Н.И., Гимаев Я.А. От формирования экологической культуры к экологической экономике. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):64-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-64-73

ORIGINAL PAPER

From the Development of an Ecological Culture to Creation of an Ecological Economy

N.I. Sokolova, Ya.A. Gimaev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Topic. The article presents the topic of formation of ecological culture and its implementation in development of ecological economy. The main aspects of ecological education, such as ecological consciousness, upbringing, education, and behavior are considered. The analysis of the concept of “culture” in the context of ecological culture is given. The work pays attention to the modern “green” economy and its inevitability. **Purposes.** Identification of the main conditions and ways of formation of ecological culture in the context of the concept of sustainable development of society. Justification of necessity to change the model of human behavior and transformation of consciousness for the purpose of ecological the modern economy. **Methodology.** The study is based on a dialectical approach, which involves a change in the understanding of culture, consciousness and behavior. The analysis of conceptual provisions on the place and role of environmental culture in the life of an individual and society is

used. The methods of theoretical analysis (comparative, retrospective); empirical (study of regulatory and program-methodical literature) are used. **Results.** Despite the significant amount of research in the field of environmental awareness development and formation of environmental culture, the transition to "green" economy is moving rather slow. Environmental awareness and behavior among citizens of modern society are at a quite low level. Modern business is reluctantly introducing resource-saving technologies into life, "greening" is often just a fashionable word. Collective responsibility of business for making decisions in the field of nature conservation, raising the level of environmental awareness and culture are necessary objectives. **Conclusion.** Activity on the formation of environmental culture should begin in early childhood and continue throughout life. Educational programs should include environmental education, starting from kindergarten and primary school. It is necessary to develop and implement environmental protection programs that stimulate the rational use of natural resources and the introduction of environmentally friendly technologies. The formation of an environmental culture is a long and multifaceted process that requires an integrated approach that unites the efforts of the state, educational institutions, the media, business and civil society. **Keywords:** ecological culture; ecological consciousness; ecological education and upbringing; ecological economics; concept of sustainable development

For citation: Sokolova N.I., Gimaev Ya.A. From the development of an ecological culture to creation of an ecological economy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):64-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-64-73

ВВЕДЕНИЕ

Проблема сохранения окружающей среды становится все более актуальной в современном мире. Антропогенное воздействие на природу достигло критического уровня, вызывая глобальные изменения климата, истощение природных ресурсов и биологического разнообразия. Решение этих проблем невозможно без формирования экологического сознания и экологической культуры общества — системных ценностей, знаний, навыков и поведения, направленных на бережное отношение к природе и рациональное природопользование.

С каждым днем возрастает потребность в выстраивании диалога между человеком и окружающей средой для улучшения качества жизни. Это возможно только при условии развития природоохранной сознательности общества, развивая природоохранную сознательность общества. Многочисленные изыскания в данной области способствовали появлению различных ассоциаций и проведению множества исследований, в результате которых было доказано, что в последнее десятилетие обострилась проблема, присущая отношениям между экономическим развитием, направленным на получение максимальной прибыли, и охраной окружающей среды. Несмотря на то, что экологическая напряженность затрагивает различные возрастные категории и слои населения, от отдельных граждан до школ и местных органов власти, состояние окружающей среды ухудшается, еще раз подтверждая, что внимание к экологическим проблемам всего лишь является модой. Поэтому необходимы глубокие изменения и радикальные носители новой культуры, которые, даже не меняя образа жизни, изменяют взаимоотношения общества с миром. Экологический кризис сегодня — глобальная проблема, и прежде всего это кризис ноологический, то есть кризис инструментов мышления и культурный.

Весьма популярна позиция обвинять химическую промышленность в экологическом кризисе и преуменьшать последствия индивидуальных действий человека. В нашей культуре существует поверхностное представление об экологических проблемах, поэтому необходимо способствовать осознанию сложности и многообразия причин, лежащих в основе экологических явлений, не ограничиваясь только линейно-причинными подходами. Чтобы экологическая грамотность могла способствовать изменению образа жизни, необходимо провести социально-критический анализ всех систем (дома и на работе, учебных заведениях и общественных местах и пр.), чтобы оценить воздействие каждой из них на окружающую среду. Выход из кризисной экологической ситуации не произойдет автоматически. Он предполагает не только самые решительные социально-экономические, правовые и политические меры со стороны общества, но и существенную перестройку отношения человека к природе.

Формирование экологической культуры, основанной на общечеловеческих ценностях и приоритетах, осознается как имманентное условие существования в современном мире.

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Следует разобрать составные компоненты понятия «экологическая культура», к которым относятся экологическое сознание, образование, воспитание и поведение. Прежде всего уделим внимание понятию «культура».

Культура — одно из наиболее часто употребляемых слов в современной речи. По подсчетам американских ученых А. Кребера и К. Клакхона, проведенным около 50 лет назад, уже в то время в научных работах было предложено свыше 164 определений

этого понятия [1, с. 98]. Его многоаспектность, вызвавшая к жизни такое множество определений, отражает все многообразие материального и духовного богатства, накопленного человеком за тысячелетия.

Большинство современных исследователей признают, что культура как способ жизнедеятельности человеческого сообщества является одновременно процессом и результатом, совокупностью социальных норм и особой знаковой системой, включает уровень развития общества и отношения людей между собой, подразумевает своеобразие жизни наций и народов и универсальные непреходящие ценности [2, с. 10].

И. Кант представлял культуру как систему нравственных норм, которая поможет человеку воспитать сознательно-моральную личность. По мысли Канта, культура представляет собой наставление и обучение, включает в себя и реальность, и весь надличностный мир ценностей, идей, смыслов [3, с. 15]. Среди российских философов параметры духовности, нравственности, красоты и гармонии наиболее полно проанализировал в своих трудах В.С. Соловьев [4, 5]. На похожие пути развития мировой культуры указывает английский ученый Э. Тайлор.

Он смотрел на культуру как на «общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия развития нравственности, силы и счастья человека» [6, с. 36]. Как зарубежные, так и российские ученые выделяли различные аспекты в понимании культуры. Например, заслуживает внимания деятельностно-творческая сторона культуры. В ходе деятельности происходит саморазвитие и самоутверждение человека. Имеется также технологический аспект в определении культур, выделенный Н.Ф. Тарасенко [7, с. 160].

Культуру как явление, понять которое невозможно, не соотнеся его с природой и экологией, рассматривает в своих работах С.Н. Глазачев. По мнению ученого, культура — это хронологически вторая природа, воспроизведенная в другом измерении, другими средствами — социальными, позволяющими познавать и за счет этого детально, углубленно отражать, возделывать, воспитывать [8, с. 60].

В современных научных источниках зафиксировано большое количество определений понятия «экологическая культура». Каждое из них отражает ту или иную сторону взаимоотношений человека с природой. На наш взгляд, довольно полное определение экологической культуре дано С.Н. Глазачевым. По мнению академика, экологическая культура — мера и способ реализации и развития сущностных сил человека, экологического сознания и мышления

в процессе духовного и материального освоения природы и поддержания ее целостности [9, с. 26–36].

Особенность экологической культуры в том, что образующие ее продукты — ценности разнорядковые; экологические знания — духовная ценность безотносительна к ценности природы; ценностное отношение к природе само выступает как ценность «второго порядка» для общества, так как иерархия ценностей подвижна; наконец, ценность природы как духовна, так и материальна, она может выступить как потребительская стоимость, духовные же ценности могут быть конкретизированы как польза, красота, истина [10, с. 6].

Экологическая культура становится мерой цивилизованности общества. Она становится обязательным требованием жизни в мировом сообществе.

Условием эффективности формирования экологической культуры должно считать потребность в действиях студентов и школьников и их реального вклада в улучшение состояния окружающей среды в своем крае, прочность, глубину их знаний о взаимодействии общества и природы, потребность в экологически ответственном поведении.

Дальнейшее развитие культуры, безопасной для человека и биосферы, возможно только на пути сознательной «смены курса», усиления экологической составляющей культуры, иными словами, превращения современной культуры в экологическую. Решение этой проблемы требует качественных изменений во всех звеньях системы образования и воспитания молодежи.

Для стимулирования процесса становления культуры, соответствующей сущности человека и возможностям природы, ведется разработка экогуманитарной парадигмы образования. Главную роль в коррекции образования, согласно разработкам данной парадигмы, приобретает экологическая культура. Осознание доминирующей роли экологической культуры для сохранения и дальнейшего развития человечества актуализирует проблему подготовки экологически грамотных специалистов, готовых к воспитанию целостного мировоззрения и миропонимания личности.

Говоря о формировании экологической культуры в обществе, нельзя не уделить внимание системе образования. Именно в системе образования начинается формирование экологического сознания, которое впоследствии должно стать одним из компонентов экологической культуры. Существует немало определений понятия «экологическое сознание», что свидетельствует о большом внимании к этому явлению со стороны ученых.

Некоторые исследователи рассматривают эко-сознание как фундаментальный способ отношения

к природе. Как утверждает П. Уайт, люди должны открыть свои собственные способы взаимодействия с миром, чтобы улучшить и/или поддерживать экологически ответственное поведение [11, с. 334]. Большинство авторов все же рассматривают экологическое сознание как сумму нескольких компонентов. А. Коллмус и Дж. Агуеман называют комплекс, включающий знания, ценности и отношения к окружающей среде вместе с эмоциональной включенностью «проэкологическим сознанием» [12, с. 8]. Говоря об экологическом сознании, следует уделить внимание его аспектам. Так, М. Санчес выделяет четыре аспекта: общие убеждения/ценности (аффективный аспект); личные аттитюды (диспозиционный аспект); про-экологическое поведение (активный аспект); информация/знания (когнитивный аспект) [13, с. 740]. Многие ученые сходятся во мнении, что невозможно говорить об экосознании изолированно от его аспектов, уделяя при этом равное внимание всем вышеперечисленным аспектам. Отсутствие одного из них будет указывать на недостаточную степень сформированности экологического сознания [14].

Развитие экологического сознания — это не просто изучение биологии и экологии, а формирование целостного мировоззрения, где человек всего лишь часть природы, но не ее властелин. Выделяя сознание как один из существенных компонентов экологической культуры, следует также рассмотреть и другие ее составные части — образование и воспитание.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ЦЕЛИ И ОСОБЕННОСТИ

Все большее значение в общей системе образования приобретают экологическое воспитание и образование. Важно прививать детям любовь к природе, уважение к живым организмам и понимание взаимосвязи между деятельностью человека и состоянием окружающей среды. Цели и задачи экологического образования определяются принципами, отвечающими философско-методологическим и дидактическим исследованиям в этой области.

Следует выделить самые значимые задачи данного направления образования:

- 1) формирование и развитие экологической культуры учителя как базы, обеспечивающей экологизацию всей системы образования;
- 2) обеспечение непрерывности воздействия образования на граждан, образующих российское общество;
- 3) формирование экологической культуры, экологического мировоззрения каждой формирующей

щейся личности как основы воспроизводства ею природосообразного образа жизни;

4) актуализация духовных потребностей в системе потребностей личности, формирование их роли как определяющих по отношению к материальным потребностям личности и общества;

5) развитие творческих способностей на основе идей ненасилия, ориентации личности на воспроизводство культуры мира во взаимодействии со всеми подсистемами социоприродной экосистемы;

6) использование отечественных традиций и современного опыта в обновлении образовательных практик, формирование основ патриотизма.

Конечная цель образования — формирование поведения человека. Образовательные системы во всем мире создаются для развития граждан, которые будут вести себя определенным образом. В образовании некоторые из желаемых форм поведения четко прослеживаются, например, навыки, полезные в чтении и математике. Другие желаемые формы поведения более сложны, например, успешное потребление, продуктивная занятость, ответственное гражданство. Среди перечисленных выше целей мы выделяем эффективность экологического образования для продвижения ответственного гражданского поведения [15, с. 10].

Как можно было бы точнее определить ответственное экологическое поведение? Здесь мы вновь обращаемся к экологическому образованию, поскольку цели поведения коррелируются с целями экологического образования, которые были определены Тбилисской межправительственной конференцией по экологическому образованию 1977 г. Эти цели можно найти в декларации Тбилисской конференции. В *таблице* представлены наиболее важные из данных целей.

Цели образовательной системы сегодня — образовательная доктрина, где формируется сверхзадача — формирование целостного мировоззрения и мироотношения.

В настоящее время экологическое образование реализуется во всех цивилизованных странах мира. Подходы к его осуществлению зависят от социально-экономического положения страны, традиций, менталитета, структуры системы образования.

В экологическом воспитании молодежи в нашей стране уже накоплен определенный опыт¹. Во многих вузах, в том числе в Финансовом университете при Правительстве РФ, помимо изучения специальных предметов естественно-географического

¹ URL: <https://deplom.ru/blog/ustojchivoe-budushee-ekoprogrammy-rossijskih-universitetov.html>

Цели экологического образования/ The Objectives of an Ecological Education

Цель	Вид помощи социальным группам и отдельным лицам
Осведомленность	Сформировать осведомленность и чувствительность к окружающей среде в целом и связанным с ней проблемам [и/или вопросам]
Чувствительность	Получить разнообразный опыт и базовое понимание окружающей среды и связанных с ней проблем [и/или вопросов]
Отношение	Предложить набор ценностей и чувств заботы об окружающей среде и мотивацию для активного участия в улучшении и защите окружающей среды
Навыки	Привить навыки выявления и решения экологических проблем [и/или вопросов]
Участие	Предоставить возможность активно участвовать на всех уровнях в работе по решению экологических проблем [и/или вопросов]

Источник/ Source: составлено авторами/ compiled by the authors.

профиля в учебном процессе все более востребована информация экологической направленности².

Американские ученые Б. Блум (Bloom B.) [16], Р. Кейс (Case R.) [17], Х. Эпстайн (Epstein H.) [18], К. Гиллиган (Gilligan C.) [19], Х. Хангерфорд (Hungerford H.) [15], Дж. Бенсон (John N. Benson) [20], У. Книп (Knier W.) [21], Л. Кольберг (Kohlberg L.) [22], Д. Крэфуол (Krathwohl D.) [23], Ф. Ньюмэн (Newmann F.) [24] разработали специальную модель, в соответствии с которой следует формировать экологическую культуру.

Экологическое образование — довольно сложный и емкий феномен. В образовательной практике существует определенное упрощение: либо оно имеет отношение к естественнонаучному образованию, либо соответствует морали/сентиментальности. Таким образом, в процессе образовательной деятельности в дополнение к теории необходимо проводить эмпирические исследования, чтобы оценить уже имеющийся опыт в сфере экологизации образования³, ограничения и области для изучения. Часто эмпирические исследования фокусируются на вопросах, не связанных с теоретическими исследованиями, что приводит к сужению тематики изучения положений международных документов. Целью эмпирического исследования является воспитание граждан, ответственно относящихся к окружающей среде. Тема, служащая центром притяжения для эмпирического исследования, — это выявление компонентов, составляющих экологическую компетентность: а) научно обоснованные знания по экологическим вопросам;

б) развитие экологической чуткости; в) готовность к конкретному и личному участию.

Специфический элемент экологического образования — понимание экологической грамотности в тесной связи с проблемой подготовки граждан, участвующих в построении новой культуры. Изучение основной концепции экологии необходимо, но недостаточно для структурирования научных знаний. Важно понимать важность взаимодействия между деятельностью человека и окружающей средой, то есть осознавать последствия, которые вмешательство человека, даже самое незначительное, оказывает на баланс экосистем. Восстановление этих связей (действия человека / явления окружающей среды) — задача экологического образования. Установление причинно-следственных отношений между действиями индивидуума и возникновением экологических проблем — одно из условий ориентации личности в своем жизненном выборе и помощи в преодолении экологического кризиса. Также верно, что решения в области экономической политики оказывают решающее влияние на процессы изучаемых изменений, но не менее важен вклад отдельных граждан на уровне их повседневного поведения. Сумма множества небольших действий может иметь значительный эффект.

Таким образом, смысл преподавания экологии заключается в поощрении создания сети концепций и развитии навыков мышления, позволяющих учащимся накапливать научно обоснованные знания о различных явлениях окружающей среды (парниковый эффект, опустынивание, озоновая дыра, кислотные дожди и т.д.). Поскольку на сегодняшний день у обучающихся практически нет ограничений в доступе к информации, то выявление связей, су-

² URL: <https://www.fa.ru/for-applicants/educational-programs/dpo/Environmental%20safety/Environmental%20safety2025.phpv>

³ URL: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2022/Чарнецкая.pdf

существующих между повседневными действиями человека и феноменологией экологического кризиса, не составляет труда, позволяет осознать масштабы экологической проблемы и сформировать паттерны разумного экологического поведения.

В этой связи представляет интерес позиция итальянских ученых Россано Эрколини⁴ и Марисы Бонафини в отношении экологического образования. Так, по мнению Марисы Бонафини, образование в интересах устойчивого развития должно стать стратегическим элементом поощрения критического и инициативного отношения граждан к окружающей среде [25].

Экологическое образование формирует активную гражданскую позицию и позволяет понять сложность взаимосвязи между природой и деятельностью человека, между унаследованными ресурсами, которые необходимо сохранять и передавать будущим поколениям, а также динамикой производства, потребления и солидарности. Экологическое образование носит глобальный характер и включает в себя формальное образование, информационно-пропагандистскую деятельность и профессиональную подготовку. Не можем не согласиться с итальянскими учеными, что экологическое образование должно стать органическим компонентом всей государственной политики, прежде всего в области образования и охраны окружающей среды.

Говоря о значении экологического образования в школе, важно осознать, что оно является междисциплинарным и сквозным, работает в течение длительного времени, помогает процессу самоидентичности, развивает чувство гражданственности и ответственности по отношению к обществу, распространяет культуру эмпатии. Окружающая среда создает эмоциональные отношения между людьми, сообществом и территорией.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

С повышением внимания к экологическому воспитанию, образованию и экологической культуре во всем мире растет понимание важности перехода к экологической (зеленой) экономике.

Экологическая экономика — относительно новая область исследований взаимосвязей между природными и социально-экономическими системами в самом широком смысле. Эти отношения представляются ключевыми для многих нынешних проблем

человечества, а также для построения устойчивого будущего [26, с. 8].

Основные направления исследований в экологической экономике: 1) устойчивость как поддержание систем жизнеобеспечения; 2) оценка природных ресурсов и природного капитала; 3) макроэкономический учет в эколого-экономической системе; 4) создание инновационного инструментария для управления природопользованием; 5) эколого-экономическое моделирование на локальном, региональном и глобальном уровнях [27, с. 11].

Экологические экономисты рассматривают природный и созданный человеком капиталы как взаимодополняющие, что позволяет одному из них выступать в роли ограничителя. Экологизация экономики — важнейшее требование современности. Она означает более разносторонний и вместе с тем более системный подход к окружающему человека материальному миру, осознание роли природы в жизни человека. Экономические и экологические интересы имеют в конечном счете единую цель — получение максимальной выгоды от предоставляемых природой ценностей. Перспективными в данном направлении видятся лекционные курсы (например, «Инвестиции в эколого-экономические проекты»)⁵, которые уже читаются в вузах страны.

В современном мире имеет место экономическая идея «Зеленый рост», в первый раз представленная в 2005 г. на 5-й конференции министров по охране окружающей среды Азиатско-Тихоокеанского региона в Южной Корее⁶. В наше время она является подходом, обеспечивающим сбалансированное эколого-экономическое развитие.

Идея «Зеленый рост» в своей основе содержит четыре главных принципа:

- *экологической эффективности*, призванный максимизировать полезные свойства различных товаров и услуг при минимальном воздействии на природу в период всего жизненного цикла продукта;
- *ресурсосбережения*, предполагающий процесс принятия решений управленческого характера с учетом необходимости сохранения ресурсов Земли;

⁵ URL: <https://ru.z-lib.fm/book/802096/5dbdcf/%D0%98%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B.html>

⁶ URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/The%20Seoul%20Initiative%20on%20Green%20Growth_Rus.pdf

⁴ URL: <https://www.goldmanprize.org/recipient/rossano-ercolini/>

- *единства*, предполагающий согласование действий всех субъектов национальной экономики, которые участвуют в процессе развития;
- *межсекторальности*, означающий вовлечение представителей разных секторов общества в процессы по принятию важнейших решений⁷.

Данные принципы позволяют утверждать, что идея «Зеленый рост» является первой стадией перехода к устойчивому экологическому развитию, причем как на уровне страны, так и на глобальном.

В международных, региональных и национальных политических кругах концепция зеленой экономики сначала набирала популярность как ответ на финансовые трудности, а затем стала средством роста и развития. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) определяет зеленую экономику как фокус на человеческие аспекты и влияние природы, а также на экономический порядок для создания дополнительных рабочих мест. В 2011 г. определение Программы было доработано, поскольку слово «зеленая» стало обозначать: экономику, которая не только обладает ресурсами и хорошо организована, но и беспристрастна; обеспечение объективного перехода к низкоуглеродной, ресурсоэффективной и социально ориентированной экономике⁸. Идеи и исследования, касающиеся зеленой экономики, означают фундаментальный переход к более эффективным, ресурсоемким, экологичным и ресурсосберегающим технологиям, сокращающим вредные выбросы и смягчающим негативные последствия изменения климата, одновременно решая проблемы истощения ресурсов и серьезного ухудшения состояния окружающей среды. В качестве неопременного требования и жизненно важной предпосылки для достижения устойчивого развития приверженцы зеленой экономики активно продвигают благое управление.

Для привлечения местных инвестиций в экологически чистые проекты крайне важно иметь постоянную и предсказуемую макроэкономическую обстановку. Такая среда должна быть прозрачной и подотчетной. При переходе к зеленой экономике необходимо учитывать, что компетентные институты⁹, активно работающие в экогуманитарной парадигме¹⁰ и системе управления, имеют жизненно

важное значение для обеспечения эффективной реализации стратегий, руководящих принципов, кампаний и программ.

Переход к зеленой экономике требует свежего мышления и инновационного подхода к ведению бизнеса. Профильная переподготовка отраслевых специалистов позволит им выйти на иной профессиональный уровень и осуществлять деятельность в различных и, возможно, новых секторах экономики, и эффективно работать в составе многопрофильных команд. Для достижения этой цели в некоторых вузах нашей страны были разработаны программы профессиональной подготовки с учетом сосредоточенности на экологизации отраслей, численность которых необходимо увеличить. Одновременно необходимо регулярно проводить оценку системы профессионального образования вузов, чтобы она соответствовала экологическим и социальным аспектам различных дисциплин.

Среди тем, рассматриваемых в рамках курса «Экологическая экономика», преподаваемого в Финансовом университете, — методология, распределение ресурсов, устойчивое развитие в сравнении со слабой и сильной экономикой, экономика энергетики, энергетический учет и баланс, экологические услуги, перераспределение затрат, моделирование и денежно-кредитная политика¹¹.

Одной из мер по уменьшению экологического давления на окружающую среду со стороны человека является экономическая (финансовая) поддержка экологически чистых конструкторских решений и экономическое давление на предприятия, ухудшающие окружающую среду. Пока проблемы устойчивого развития довольно медленно проникают на финансовые рынки.

Концепция устойчивого развития привлекает все новых сторонников в дискуссию о будущем прогрессе и проблемах рационального природопользования. Бизнес, в том числе и банковская сфера, постепенно приходит к осознанию важности заботы об окружающей среде. Если десять лет назад лишь несколько банков в нашей стране проявляли интерес к экологическим проектам, то на сегодняшний день их число значительно увеличилось. Среди них ВТБ, Газпромбанк, Сбер, Альфа-Банк и другие известные банки России. Банковские инвестиции в зеленые проекты — это уже реалии сегодняшнего времени¹². Банки стали проводить ESG-оценку заемщиков по показателям

⁷ URL: <https://natural-sciences.ru/en/article/view?id=34401>

⁸ URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/145112/wp_109.pdf

⁹ URL: https://ecopoiesis.ru/f/ekopoezis_tom_3_no1_2022.pdf?ysclid=madwia1cs9654375044

¹⁰ URL: <https://rusbonds.ru/news/20210616222800340992>; <https://www.eprussia.ru/news/base/2023/2424820.htm?ysclid=madwrdbb9v2275277>

¹¹ URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=439576>

¹² URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/ekologichnyi-procent-kak-rossiiskie-banki-spasayut-okruzhayuschuyu-sredu>

устойчивого развития и выдавать кредиты, условия которых привязаны к этим показателям.

Также финансовые руководители компаний начали проявлять интерес к экологическим проблемам, так как в деловой среде существует мнение, что хорошие корпоративные экологические показатели могут положительно влиять на финансовые показатели компании.

В связи с этим хочется еще раз подчеркнуть, что формирование ответственности социума перед природой — острая необходимость. Нужна коллективная ответственность бизнеса за сохранение окружающей среды, и эту ответственность предстоит формировать преподавателям вузов и средних специальных учебных заведений, подготавливая квалифицированные и ответственные кадры для каждой отрасли экономики страны.

ВЫВОДЫ

В России, как и во многих странах мира, растет понимание важности перехода к зеленой экономике. Современная эколого-экономическая ситуация указывает на необходимость замены сложившегося техноцентричного образа экономики на устойчивый

экологически сбалансированный тип хозяйственного развития. Вопросы получения прибыли, выгодного вложения инвестиций не могут сегодня рассматриваться изолированно, без учета затрат на избежание возможных экологических рисков. Каждое новое решение в сфере экономики следует оценивать, прежде всего, с точки зрения возможных последствий для будущих поколений. Следует все больше внимания уделять экологическому образованию и экологической культуре. Формирование экологической культуры должно начинаться с самого раннего возраста и продолжаться на протяжении всей жизни. Этот процесс должен объединять усилия государства, образовательных учреждений, СМИ, бизнеса и гражданского общества. Он требует не только знаний и навыков, но и изменения мировоззрения, формирования новой экологической этики, где уважение к природе становится неотъемлемой частью человеческой жизни. Отметим необходимость и неизбежность развития гуманистических качеств личности будущего специалиста в области экономики и финансов. От степени сформированности его нравственных качеств, экологической культуры зависит то, насколько экологически безопасным и надежным будет наше будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. Москва: Политиздат; 1984. 272 с.
2. Лиферов А.П. Культурологическая составляющая интернационализации мирового образования. Рязань: Издательство РГПУ; 1996. 31 с.
3. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. Москва: Мысль; 1964. 799 с.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Москва: Юрайт; 2018. 468 с. URL: <http://urait.ru/bcode/411063>
5. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. Москва: Искусство; 1991. 699 с.
6. Тэйлор Э.Б. Первобытная культура. Москва: Политиздат; 1989.
7. Тарасенко Н.Ф. Природа, технология, культура: философско-мировоззренческий анализ. Киев; 1985. 255 с.
8. Глазачев С.Н., Козлова О.Н. Экологическая культура. Москва: Горизонт; 1997. 208 с.
9. Глазачев С.Н. Экологическая культура учителя: проблемы, противоречия, опыт. Экологическое образование в России: проблемы и практика. Москва; 1995.
10. Глазачев С.Н. Формирование экологической культуры в процессе профессиональной подготовки: Проект организации комплексного коллективного исследования. Москва: 1994. 15 с.
11. White Peter R. A Phenomenological self-inquiry into ecological consciousness. *Ecopsychology*. 2011;3(1):41–50. DOI:10.1089/eco.2010.0054
12. Kollmuss A. Agyeman J. Mind the gap: Why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*. 2002;8(3):239–260. DOI:10.1080/13504620220145401
13. Sánchez M.J. Lafuente R. Defining and measuring environmental consciousness. *Revista Internacional de Sociología (RIS)*. 2010;68(3):731–755. DOI:10.3989/ris.2008.11.03
14. Деменьшин В.Н. Обзор зарубежных исследований экологического сознания. *Мир науки*. 2017;(5)5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PSMN517.pdf>
15. Hungerford Harold R., et al. Investigating and evaluating environmental issues and actions: Skill development modules. Champaign, IL: Stipes Publishing Co.; 1992. 15 p.
16. Bloom Benjamin S., ed. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals: Handbook I: Cognitive Domain. New York: David Mc Kay Co., Inc.; 1956.

17. Case R. Integrating around themes: An overemphasized tool? Forum on Curricular Integration (FOCI): Occasional paper #7. British Columbia, Canada: Tri-University Integration Project, Simon Fraser University; 1991.
18. Epstein Herman T. Growth Spurts During Brain Development: Implications for Educational Policy and Practice, in S. Chali and A.F. Mirsky, eds., *Education and the Brain*. Chicago: *University of Chicago Press*. 1978:343–70.
19. Gilligan, Carol. In a Different Voice. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1982.
20. John T. Benson, A guide to curriculum planning in environmental education. Wisconsin Department of Public Instruction; 1994. p.V.
21. Knip W.M., Next steps in global education. A handbook for curriculum development. N.Y.: The American Forum, inc.; 1987.
22. Kohlberg, Lawrence. The philosophy of moral development: Moral stages and the idea of justice, Vol.I. San Francisco: Harper & Row; 1981.
23. Krathwohl, David R., Benjamin S. Bloom, and Bertram B. Masia. Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of educational goals: Handbook II: Affective Domain. New York: David Mc Kay Co., Inc.; 1964.
24. Newmann, Fred M., T.A. Bertocci, and R.M. Landsness. Skills in citizen action: An English-Social studies program for Secondary Schools. Skokie, IL: National Textbook; 1977.
25. Bonafini M. Dispensa Del Corso Di Teoria e Pratica Di Educazione Ambientale. Università degli Studi di Verona. 2014/2015. URL: <https://www.dsu.univr.it/documenti/Avviso/all/all412685.pdf>
26. Costanza R. Ecological economics: The science and management of sustainability. *Columbia University Press*, New York. 1993;75(4):1–20. DOI: 10.2307/1243998
27. Егорова М.С. Глик П.А. Экологизация экономики и «зеленый рост». *Успехи современного естествознания*. 2014;11(2):77–80. URL: <https://www.elibrary.ru/sobwiv>

REFERENCES

1. Bromlej Ju.V., Podol'nyj R.G. Created by mankind. Moscow; 1984. (In Russ.).
2. Liferov A.P. The cultural component of the internationalization of world education. Rjazan': Publishing house of RGPU; 1996. 31 p. (In Russ.).
3. Kant I. Essays in six volumes. Vol. 3. Moscow: Publishing house "Mysl"; 1964. 799 p. (In Russ.).
4. Solov'ev V.S. Justification of goodness. Moral philosophy. Moscow; 1988. (In Russ.).
5. Solov'ev V.S. Philosophy of art and literary criticism. Moscow: Iskustvo; 1991. 699 p. (In Russ.).
6. Tejlor E. Pervobytnaya kul'tura. Moscow: Politizdat; 1989. p. (In Russ.).
7. Tarasenko N.F. Nature, technology, culture: Philosophical and ideological analysis. Kiev; 1985. 255 p. (In Russ.).
8. Glazachev S.N., Kozlova O.N. Ecological culture. Moscow: Gorizont; 1997. 208 p. (In Russ.).
9. Glazachev S.N. Teacher's ecological culture: problems, contradictions, experience. *Environmental education in Russia: problems and practice*. Moscow; 1995. (In Russ.).
10. Glazachev S.N. Formation of ecological culture in the process of professional training: A project for organizing comprehensive collective research. Moscow; 1994. 15 p. (In Russ.).
11. White P. A phenomenological exploration of ecological consciousness development: PhD thesis. Sydney; 2009.
12. Kollmuss A. Agyeman J. Mind the Gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*. 2002;8(3):239–260. DOI: 10.1080/13504620220145401
13. Sánchez M.J. Defining and measuring environmental consciousness. Lafuente. *Revista Internacional de Sociología (RIS)*. 2010;68(3):731–755. DOI:10.3989/ris.2008.11.03
14. Demen'shin V.N. Review of foreign studies of ecological consciousness. *Mir Nauki Online Magazine*. 2017;5(5) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PSMN517.pdf> (Free access).
15. Hungerford, Harold R., et al. Investigating and Evaluating Environmental Issues and Actions: Skill Development Modules. Champaign, IL: Stipes Publishing Co.; 1992. 15 p.
16. Bloom, Benjamin S., ed. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals: Handbook I: Cognitive Domain. New York: David Mc Kay Co., Inc.; 1956.
17. Case R. Integrating around themes: An overemphasized tool? Forum on Curricular Integration (FOCI): Occasional paper #7. British Columbia, Canada: Tri-University Integration Project, Simon Fraser University; 1991.
18. Epstein Herman T. "Growth Spurts During Brain Development: Implications for Educational Policy and Practice." In *Education and the Brain: Seventy-Seventh Yearbook of the National Society for the Study of Education, Part II*. Chicago, University of Chicago Press.

19. Gilligan, Carol. In a Different Voice. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1982.
20. John T. Benson, A guide to curriculum planning in environmental education. Wisconsin Department of Public Instruction; 1994; p.V.
21. Kniep W.M., Next steps in global education. A handbook for curriculum development. N.Y.: The American Forum, inc.; 1987.
22. Kohlberg, Lawrence. The philosophy of moral development: Moral stages and the idea of justice, Vol.I. San Francisco: Harper & Row; 1981.
23. Krathwohl, David R., Benjamin S. Bloom, and Bertram B. Masia. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals: Handbook II: Affective Domain. New York: David Mc Kay Co., Inc.; 1964.
24. Newmann, Fred M., T.A. Bertocci, and R.M. Landsness. Skills in citizen action: An English-Social Studies program for Secondary Schools. Skokie, IL: National Textbook; 1977.
25. Bonafini M. Dispensa Del Corso Di Teoria e Pratica Di Educazione Ambientale. Università degli Studi di Verona. 2014/2015. URL: <https://www.dsu.univr.it/documenti/Avviso/all/all412685.pdf>.
26. Costanza R., Ecological Economics: The science and management of sustainability, *Columbia University Press*, New York. 1993;75(4):1–20. DOI: 10.2307/1243998
27. Egorova M.S., Glik P.A. Ecologization of the economy and “Green growth”. *Successes of modern natural science*. 2014;11(2):77–80. URL: <https://www.elibrary.ru/sobwiv>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Игоревна Соколова — кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Natalia I. Sokolova — Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc.Prof., Assoc.Prof, Chair of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-5047-6750>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

ntlsokol@mail.ru

Ян Айратович Гимаев — кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yan A. Gimaev — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Chair of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-0148-7098>

yaagimaev@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Состояние взаимозависимости экономик Китая и США: от Кимерики к размежеванию

А.А. Полторак, В.А. Зубенко

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет. Будучи ведущими экономиками мира, Китай и США во многом определяют вектор развития всей мировой экономической системы, причем фактором влияния выступает не только их собственная политика в данной области, но и конфигурация и контекст отношений между ними. За последние десятилетия американо-китайские отношения прошли эволюцию от плотной симбиотической взаимосвязанности к взаимному неприятию и ожесточенному экономическому противостоянию. В настоящем исследовании ставится цель проследить этот регрессивный процесс в американо-китайских отношениях. **Методы.** Для анализа применяется ретроспективный подход с применением логико-структурного и системно-исторического методов. Важным аспектом новизны исследования выступает терминологическая полемика на тему бинарной оппозиции Кимерики как слияния экономик США и Китая и их размежевания. **Результаты.** Кимерика как феномен, при котором взаимодополняемость экономик США и Китая привела к тому, что Китай стал производителем и экспортером товаров для американского рынка, а США превратились в основного потребителя китайской продукции, за последние два десятилетия подтвердила свою нежизнеспособность. Торговая война, начатая президентом Д. Трампом во время первого срока избрания, является кульминационной точкой в развитии конкуренции двух стран за лидерство в глобальной экономике. Администрация Дж. Байдена не вела торговую войну радикальными методами Трампа, однако в целом действия американской администрации показывают, что сдерживание Китая — важнейшая цель политики США. **Перспективы.** Пока сложно понять, к каким последствиям приведет развитие конфронтационной парадигмы между Китаем и США, особенно в свете возвращения на второй срок Д. Трампа и введением его администрацией тарифов против почти всех стран мира, в связи с чем потребуются новые исследования в этой области на фоне стремительно меняющихся международных реалий. **Ключевые слова:** Кимерика; Китай; США; декаплинг; торговая война; Дональд Трамп; Джо Байден; Си Цзиньпин

Для цитирования: Полторак А.А., Зубенко В.А. Состояние взаимозависимости экономик Китая и США: от Кимерики к размежеванию. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):74-86. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-74-86

ORIGINAL PAPER

The State of Interdependence Between the Economies of China and the United States: From Chimericity to Separation

A.A. Poltorak, A.V. Zubenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Topic. As two of the world's leading economies, China and the United States play a major role in shaping the direction of the global economic system, with their influence stemming not only from their domestic policies but also from the configuration and context of their bilateral relationship. It should be noted that in recent decades, US – China relations have deteriorated from dense symbiotic interconnectedness to mutual rejection and fierce economic confrontation. This study aims to trace this regressive process in US – Chinese relations. **Methods.** The analysis uses a retrospective approach utilizing logical-structural and system-historical methods. A key aspect of the study's novelty lies in the terminological debate surrounding the binary opposition of “Chimerica” as both a merger and a separation of the U.S. and Chinese economies. **Results.** Chimerica, as a state in which the complementarity of the economies of the United States and China has led to China becoming a producer and exporter of goods for the American market, and the United States

has become the main consumer of Chinese products, has confirmed its non-viability in the last two decades. The trade war launched by President Donald Trump is the culmination point in the development of competition between the two countries for leadership in the global economy. The current administration of Joe Biden is no longer conducting a trade war with the same resonant methods that Trump used, but in general, US policy shows that deterring China is the most important goal of the American administration. **Discussion.** It remains difficult to predict the outcomes of the developing confrontational paradigm between China and the United States, particularly with Trump's secondary term starting with new tariff war waged against the entire world. These circumstances highlight the need for further research in this area under conditions rapidly shifting international dynamics.

Keywords: Chimerica; China; USA; decoupling; trade war; Donald Trump; Joe Biden; Xi Jinping

For citation: Poltorak A.A., Zubenko A.V. The State of interdependence between the economies of China and the United States: From Chimericity to separation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):74-86. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-74-86

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие американо-китайских отношений характеризуется декаплингом (англ. *decoupling* — букв. «расцепление»)¹, чья суть связана с разрывом симбиотической взаимозависимости в экономической и частично политической сфере, которую путем словослияния историк Н. Фергюсон и экономист М. Шуларик в 2007 г. описали как «Кимерика» (англ. *Chimerica* (China + America) [1]. В 2000-х гг. данные исследователи обратили внимание, что колоссальные и избыточные сбережения китайского населения вкупе со значительными тратами американского народа сформировали основы быстрого накопления богатства, что, в частности, стало одной из причин мирового финансово-экономического кризиса 2007–2008 гг.² (на фоне взаимоотношений с Китаем увеличивалась задолженность американского населения по субстандартным (низкокачественным) ипотечным кредитам, что привело к их массовой неоплате и к ипотечному кризису).

Одним словом, в 2000-е гг. доминировал мировой экономический порядок, связанный с экспортно ориентированным развитием Китая и чрезмерным потреблением в США, чему существенно способствовало положительное сальдо торгового баланса США. Недорогие китайские товары заполнили полки американских магазинов, а американские компании активно переводили производства в Китай, снижая издержки благодаря более низкой стоимости рабочей силы и ограничениям на защиту трудовых прав со стороны профсоюзов КНР. В свою очередь, это помогло существенно укрепить социально-экономическое положение китайского населения, поскольку массовое создание новых рабочих мест стимулировало рост занятости и доходов населения, ранее сталкивавшегося с бедностью и нищетой.

ФОРМИРОВАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ КИМЕРИКИ КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Экономическая модель Китая в контексте взаимоотношений с США, развивавшаяся в 1998–2007 гг., была близка по своему содержанию к модели сотрудничества ФРГ и Японии после Второй мировой войны, за исключением того, что китайско-американские отношения стали беспрецедентными по своему масштабу [2, с. 1]. Помимо этого, Китай на протяжении долгих лет копил валютные резервы и вкладывал их в американские государственные ценные бумаги, а также стремился удерживать на низком уровне номинальные и реальные долгосрочные процентные ставки, чтобы обслуживание долга для США оставалось дешевым и страна продолжала потреблять китайскую продукцию. В рамках Кимерики снижались не только процентные ставки, но и затраты на рабочую силу при росте доходности капитала [3, с. 240].

В целом, о таком симбиозе можно было говорить на протяжении четверти века. С конца 70-х гг. прошлого века лидер КНР Дэн Сяопин в попытках устранить нищету, изоляцию и экономические диспропорции, стимулировать рабочую силу к трудовой деятельности, модернизировать экономику и решить проблемы, связанные с неудачным «большим скачком», проведенным Мао Цзэдуном, поставившие страну на грань катастрофы, стал проводить реформы, направленные на внедрение рыночного механизма хозяйствования. Китайское руководство нацелилось в рамках программы реформ и открытости на создание национальной модели социалистической рыночной экономики, открытой внешнему миру.

Фактически эти реформы продолжают по сей день. Хотя Китай не перешел к капитализму, его специфическая форма гибридной рыночной экономики принесла свои плоды, в результате чего Китай стал стремительно развиваться. Но-

¹ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/>

² URL: <https://www.telegraph.co.uk/comment/5424112/The-trillion-dollar-question-China-or-America.html>

вый лидер Цзян Цзэминь в 1993 г. принял Китай седьмой экономикой мира, а передал в 2003 г. третьей. Сегодня Китай — вторая крупнейшая экономика мира (а по ВВП по паритету покупательной способности (ППС) — первая), причем по некоторым прогнозам ожидается, что в ближайшие десятилетия Китай сдвинет США с места лидера мировой экономики³.

Современные успехи Китая связаны со своевременным активным переходом к экспортно ориентированной модели, в результате чего богатство страны стало складываться благодаря повсеместному сбыту китайской продукции. Для привлечения иностранных инвестиций была создана необходимая инфраструктура, стимулировавшая экономический рост. Существенным шагом на пути повышения экономического благосостояния Китая стало его вступление в 2001 г. во Всемирную торговую организацию (ВТО), что в обмен на широкую открытость национальной экономики для иностранных компаний открыло китайскому экспорту доступ ко всему миру⁴. США в то время весьма благосклонно воспринимали интеграцию Китая в мировую экономику. В своей типичной риторике американское руководство рассматривало вступление Китая в ВТО не только как шаг к повышению доступности китайского рынка для сбыта американских продовольственных, сельскохозяйственных и прочих товаров, но и как место, где Вашингтон в духе своей неоконсервативной внешнеполитической линии сможет продвигать либерально-демократические ценности⁵.

Надо отметить, что попытки демократизации Китая по западной модели не привели к ожидаемым результатам. За счет своего стремительного роста Китай совершил такие нежелательные для Вашингтона действия, как усиление своего военно-промышленного комплекса для получения силовых преимуществ в своих отношениях с соседями⁶, укрепление внутренней безопасности, включая усиление наблюдения в Синьцзян-Уй-

гурском районе⁷, и т.д., в то время как неолиберальные рыночные реформы по большей части не были проведены, и Пекин сохранил значительный контроль над частным сектором.

Экономическая подоплека всего этого заключалась и в том, что китайские производственные мощности позволяли производить наиболее дешевые товары, доступные рабочему классу в США, в связи с чем американский капитал был крайне заинтересован в организации производства на китайской территории. Это же и было причиной того, что сальдо торгового баланса стало резко набирать обороты, и за первые два десятилетия XXI в. импорт из Китая вырос в 5 раз, до 504 млрд долл. Причины этого можно показать на примере бизнес-практики Walmart. Компания перенесла значительную часть своего производства в Китай, в результате чего только за первое десятилетие XXI в. компания импортировала своей продукции из Китая в США на сумму в 49 млрд долл.

Заинтересованность в китайском производстве обеспечивалась дешевой и доступной рабочей силой. Низкая занятость местного населения позволяла снижать зарплаты, поскольку если люди отказывались работать, то легко можно было найти замену. В результате любой китайский товар, проданный на американском рынке, приносил хорошую прибыль, а экономическая доступность товаров из Китая привела к росту потребительского спроса (покупательная способность среднего домохозяйства США увеличилась на 2% в 2000–2007 гг.)⁸. Дешевизна товаров толкала цены вниз, в результате чего за 2004–2015 гг. цены снизились на 0,19% [4, с. 210].

Помимо этого, рост американского долга перед Китаем привел к плотной связке двух экономик, разрыв которой мог привести к катастрофическим последствиям не только для самих партнеров, но и для всей мировой экономики в целом. При этом массовое приобретение Китаем американских долговых обязательств только стимулировало потребительский аппетит в США [5, с. 98]. Влияние Кимерики в геоэкономическом плане стало действительно колоссальным. В 2009 г. Фергюсон писал, что это пространство с единой экономи-

³ URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/china-can-overtake-us-as-world-s-biggest-economy-by-2035-former-imf-deputy-chief>

⁴ URL: <https://www.nytimes.com/2001/11/11/world/world-trade-organization-admits-china-amid-doubts.html>

⁵ URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/000524_clinton_china.html

⁶ URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/19/world/asia/china-military-nuclear-weapons.html>; URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/23/world/asia/china-sea-philippines-us.html>

⁷ URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/22/world/asia/china-surveillance-xinjiang.html>; <https://www.nytimes.com/interactive/2019/04/04/world/asia/xinjiang-china-surveillance-prison.html>

⁸ URL: <https://blogs.lse.ac.uk/usappblog/2019/08/14/despite-job-losses-lower-prices-from-trade-with-china-have-left-us-households-massively-better-off/>

кой, занимающее 13% мировой суши и охватывающее около 25% мирового населения, порядка 1/3 глобального ВВП и до 50% всего экономического роста в мире за 6 лет [6]. В свою очередь, Кимерика подменила другое понятие, которое характеризовало стремительно развивавшиеся отношения США и Японии во второй половине XX в. — *Nichibei*⁹.

Тем не менее в том же, 2009 г., Фергюсон и Шуларик пришли к выводу, что Кимерика не сможет долго существовать из-за перекосов в мировой экономике, требовавшей изменения обменных курсов для восстановления глобального экономического равновесия, что стало следствием значительных валютных интервенций Китая и сопротивления китайцев росту курса национальной валюты [2, с. 1]. Более того, уже в 2011 г. обозначился значительный дефицит торгового баланса США с Китаем в 295 млрд долл. из-за того, что импорт китайских товаров и услуг существенно превышал объем экспортных операций¹⁰.

Перенос производства в Китай спровоцировал рост безработицы¹¹ (за 2001–2011 гг. в США потеряно до 2,8 млн рабочих мест) [7, с. 228]. Также выявлены нарушения Китаем правил международной торговли. В частности, китайские власти через систему государственных банков субсидировали транснациональные корпорации, предоставляя им кредиты на льготных условиях. Обязательные стандарты и требования экологического и трудового законодательства на практике для китайских компаний оказались диспозитивными. Для иностранного капитала китайский рынок оставался малодоступным. Распространилась практика кражи зарубежной интеллектуальной собственности, подделок, контрафакта и фальсификации. К примеру, китайские автопроизводители воспользовались зарубежными ноу-хау, усиливая свое технологическое обеспечение, в результате чего китайские автомобили сегодня забрали долю на различных рынках у прочих производителей¹².

Примечательно, что прибыль от торговли с Китаем в основном перешла к компаниям, разме-

стившим производство на территории КНР. Надо заметить, что власти США стремились поддержать и тех производителей, что остались вне цепочек, связанных с Китаем, которые испытывали определенные финансовые трудности. Федеральные программы были направлены на переобучение таких лиц и предоставление им прямых выплат, однако из-за недофинансирования помощь получило меньше трети лиц, имевших на нее право¹³.

Фергюсон писал, что в случае размежевания Китая и США на мировой экономической арене сформируется новое распределение сил, в котором Китай сможет направить свои усилия и ресурсы на иные сферы своих интересов, например, на развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также богатый сырьевыми ресурсами африканский регион [6], который некоторые исследователи называют «вторым континентом Китая» [8, с. 78].

С другой стороны, и США извлекли некоторую выгоду из отношений с Китаем. В частности, дешевая китайская продукция позволила преодолеть проблему стагнации доходов американских домохозяйств. Вместе с этим за счет широкого потребления рост налоговых отчислений вел к пополнению бюджетов США.

Несмотря на постепенное снижение конкурентоспособности большинства американских отраслей с одновременным ростом Китая, ставшего «мировой фабрикой» и активно вкладывавшего средства не только в долговые обязательства США, но и в развитие инфраструктуры, передовые технологии и человеческий капитал, мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. не стал точкой распада симбиотических отношений двух стран, а привел к формированию новой структуры прибыли и убытков в двусторонних отношениях, где явный перевес обозначился в пользу Китая. В дальнейшем именно этот вопрос стал объектом наибольшей критики со стороны администрации президента Трампа, когда начался период торговой войны США с Китаем.

ШАГИ В СТОРОНУ РАЗМЕЖЕВАНИЯ: ТОРГОВАЯ ВОЙНА США С КИТАЕМ

Еще в ходе своей первой предвыборной гонки будущий президент Трамп заявлял, что именно из-за Китая существует широкий ряд проблем американской экономики, а также из-за него американское лидерство в мире находится под угрозой.

⁹ Слово образовано от первых иероглифов, используемых для написания названий Японии и США: «*nichi*» (Япония) и «*bei*» (США).

¹⁰ URL: <https://www.epi.org/publication/trade-deficit-2011-china-accounted-fourths/>

¹¹ URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/29/business/economy/more-wealth-more-jobs-but-not-for-everyone-what-fuels-the-backlash-on-trade.html>

¹² URL: <https://www.nytimes.com/2023/04/14/business/china-shanghai-auto-show.html>

¹³ URL: <https://www.iisd.org/articles/policy-analysis/trade-adjustment-assistance-help-workers>

Проводившаяся Б. Обамой политика, направленная на включение Китая в мировой неолиберальный экономический порядок, подверглась жесткой критике со стороны сторонников Трампа. Формат сдерживания Китая с одновременным стратегическим партнерством с ним в рамках программы Обамы в области «поворота к Азии» (англ. *pivot to Asia*) в качестве меры реагирования на растущую мощь Китая в экономической и военно-политической областях¹⁴, рассматривался сторонниками Трампа как неэффективное средство паллиативной помощи.

У Трампа был совершенно иной подход к международным отношениям, близкий по своему смыслу к анархии международных отношений по Т. Гоббсу, при которой вся мировая система основывается на открытом соперничестве или даже вражде государств, где каждое может рассчитывать только на самопомощь, а также стремится сокрушить все остальные государства для собственной выгоды [9]. В результате в своей Стратегии национальной безопасности 2017 г. Трамп писал о том, что американская внешняя политика должна быть переосмыслена с тем, чтобы удалить из нее презумпцию того, что сотрудничество с конкурентами и содействие им в интеграции их в мировую торговлю и международные экономические институты может превратить их в надежных партнеров¹⁵.

В данном документе такие соперники США, как Китай или Россия, были отнесены к числу ревизионистов. Надо заметить, что ревизионизм здесь понимается в искаженном смысле: речь идет не о препятствии свободе торговли и развитию глобальных отношений и не об ограничении прав человека, поскольку подобный ревизионизм присутствовал и в риторике трампистов, а о неприятии мирового господства США.

Сразу после принятия Трампом президентского поста США вышли из Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹⁶ — преференциального торгового соглашения между 12 государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) для снижения тарифных барьеров и унификации регулирования в ряде областей, включая трудовое и экологическое законодательство, законодательство об интеллекту-

альной собственности и т.д. [10, с. 22]. В свое время проект ТТП вместе с Трансатлантическим торговым и инвестиционным партнерством (ТТИП)^{17,18} был направлен как на сохранение лидерства США на мировой арене в рамках доктрины Обамы¹⁹, так и, фактически, на сдерживание Китая на мировой арене (оба соглашения не включали в себя Китай и фактически зажимали его в тиски на Западе и Востоке в форме так называемых «колец Обамы»²⁰ (см. рисунок).

Возвращаясь к ТТП, Трамп считал данное соглашение не соответствующим интересам Америки, поскольку, по его оценкам, оно вело к утрате рабочих мест, ограничениям в отношении государственного суверенитета и наносило вред американской экономике. В целом в рамках своей политики *America First* американский президент приступил к демонтажу существовавшей архитектуры торгово-экономических отношений. В контексте противостояния с Китаем Трамп отошел от концепции сдерживания, основанной на лидерстве в международных и региональных объединениях, и перешел к модели противостояния «один на один» с применением различных методов давления. Подобный подход стал спорным с точки зрения своей эффективности. Например, уже в 2017 г. эксперт по глобальной экономике и развитию Дж. Герц написал, что именно многосторонние, а не двусторонние отношения и связи (в том числе соглашения) способны установить контроль над международными цепочками создания стоимости²¹. Дополнительным весомым аргументом недостаточной эффективности политики США стало образование уже самим Китаем мегарегионального объединения без участия США по смыслу «колец Обамы» — Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП)²² — крупнейшей

¹⁷ Проект провалился ввиду неспособности сторон прийти к взаимоприемлемым условиям соглашения о свободной торговле между США и ЕС. Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) — Documents // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/united-states/eu-negotiating-texts-ttip_en

¹⁸ В 2019 г. в Брюсселе окончательно заявлено, что данное соглашение устарело и потеряло свою актуальность. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019PC%20016>

¹⁹ URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>

²⁰ URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/>

²¹ URL: <https://www.brookings.edu/articles/what-will-trumps-embrace-of-bilateralism-mean-for-americas-trade-partners/>

²² URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/rcep/rcep-text>

¹⁴ URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

¹⁵ URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹⁶ URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text>

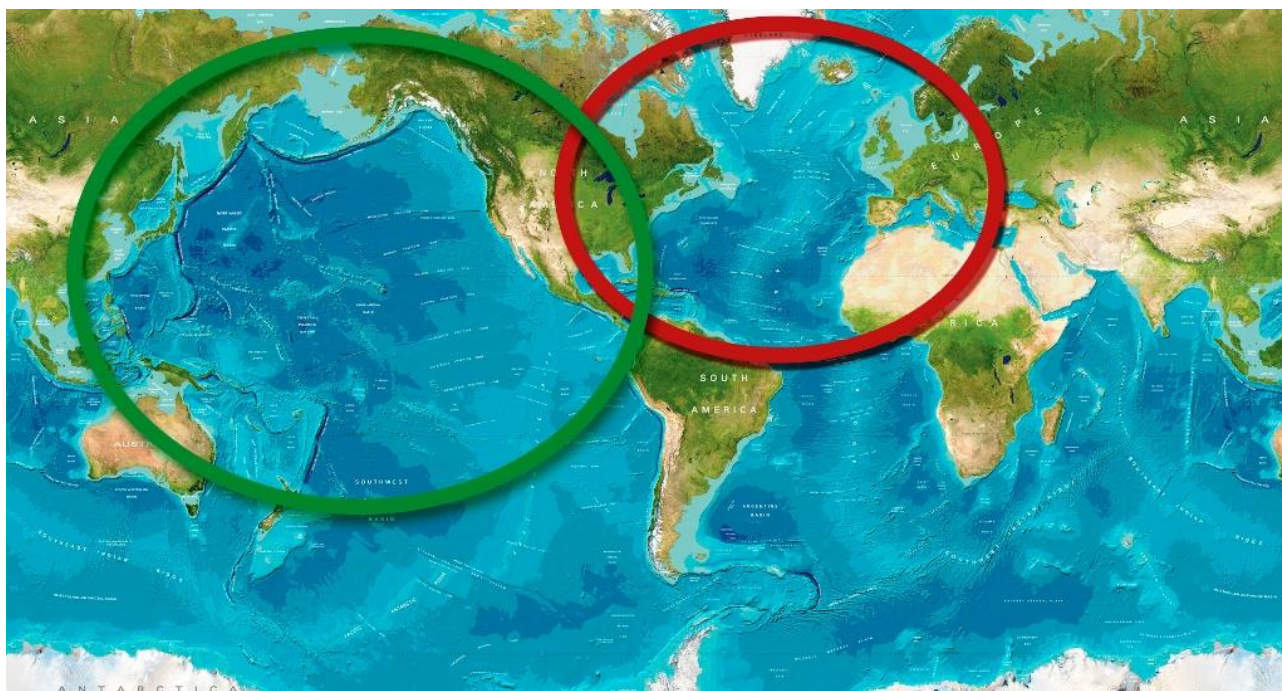

Рис. / Fig. «Кольца Обамы» / Obama's rings

Источник / Source: Рогов С.М., Шариков П.А., Бабич С.Н., Петрова И.А., Степанова Н.В. / Rogov S.M., Sharikov P.A., Babich S.N., Petrova I.A., Stepanova N.V.

в мире²³ зоны свободной торговли в формате «ЗСТ+» между 10 государствами — членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и пятью странами, с которыми у АСЕАН были соглашения о ЗСТ. Сегодня у ВРЭП есть большие шансы, чтобы выступить центром мировой торговли²⁴.

Так или иначе, Вашингтон при Трампе приступил к открытому противостоянию с Китаем в таких фундаментальных для китайской мощи сферах, как экономика, торговля и технологии. Постепенно повышая давление за счет ужесточения тарифных мер и прочих действий, США пришли к тому, что в начале осени 2018 г. протекционистские меры распространились на китайские товары и услуги на сумму в 250 млн долл. Более того, экономическое давление администрации Трампа шло вкуче с политическими мерами, включая решения в отношении болезненной для Китая социально-гуманитарной области. В частности, были приняты такие документы, как Акт о правах уйгуров 2019 г.,²⁵ создающий юридические предпосылки для вмешательства США в дела взрывоопасного Синьцзян-Уйгурского района с острым национальным вопросом, и Акт

о правах человека в Гонконге²⁶, создающий не только возможность вводить санкции против нарушителей прав человека, но и вносить изменения в особый торговый режим с Гонконгом. В отношении Гонконга, где действует Специальный административный район Сянган по модели «одна страна — две системы», стоит отметить, что это нестандартная точка политической турбулентности для Китая, в отличие от Синьцзян-Уйгурского района. В то же время, когда в 2019–2020 гг. в Гонконге бушевали протесты против новых правил экстрадиции, по которым можно было задерживать и экстрадировать лиц на территориях, с которыми Гонконг не имеет соглашений об экстрадиции (включая сам Китай и Тайвань²⁷), что создавало угрозу автономии Гонконга²⁸, Вашингтон поддержал эти протесты.

Помимо этого, усилилось давление на китайские технологические компании — Huawei, ZTE и др. В частности, аресту подвергся директор Huawei Мэн Ваньчжоу, что показало нацеленность действий Вашингтона против китайской эконо-

²³ URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59839560>

²⁴ URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245466.shtml>

²⁵ URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/178>

²⁶ URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1838>

²⁷ URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/10/world/asia/hong-kong-extradition-bill.html>

²⁸ URL: <https://www1.hkej.com/dailynews/commentary/article/2144076/Is+HK+tilting+from+a+semi-democracy+to+a+semi-dictatorship%3F>

мической элиты. В отношении ряда китайских технологических гигантов были введены санкции под предлогом поставок этими компаниями оборудования с американскими компонентами в Иран. Все это демонстрировало, что в цели торговой войны США против Китая входило не только устранение дефицита торгового баланса и препятствование искусственному манипулированию курса юаня (Китай благодаря своей производящей экономике искусственно занижал курс национальной валюты, чтобы получать выгоду из внешнеэкономических операций²⁹), но и ограничение развития важнейшей для китайского прогресса сферы технологического развития.

Действительно, именно область передовых технологий — важнейшая в конкуренции США и Китая за лидерство в мировой экономике. Китай уже давно наметил задачу по выстраиванию полностью независимой от США технологической базы. Так, в принятом в 2015 г. плане «Сделано в Китае 2025»³⁰ установлена цель по полному технологическому обновлению национальной экономики и расстановке приоритета в отношении научно-технического развития. Для достижения данной цели, в частности, определено, что доля китайских производителей на внутреннем рынке должна составлять не менее 70% в 2025 г. Помимо этого, требуется в два раза снизить эксплуатационные затраты, длительность производственных циклов, а также долю продукции несоответствующего качества. Все это необходимо для устранения технологического отставания от США³¹. Как высказался политолог и президент Eurasia Group³² Я. Бреммер, данное решение обладает судьбоносным значением, поскольку способно поменять облик мира, сформированного под воздействием глобализации после Второй мировой войны³³.

Особо беспокоит американское руководство, что данный план по сокращению технологического отставания вовлекает в себя все сферы общества, включая не только корпорации, но и научные

центры, рабочую силу и государство³⁴. Несмотря на то что проект по технологическому обновлению Китая имеет рыночную основу, существенное значение отводится государственному участию в нем. В частности, значимую роль в технологическом развитии и импортозамещении играют меры поддержки со стороны государства, включая субсидии, преференциальные режимы и привлечение иностранного бизнеса в Китай, чтобы обеспечить трансфер технологий.

Китай уже добился значительной независимости в сфере цифровых технологий, важнейшей для XXI в. У Китая есть свои социальные сети, мессенджеры, поисковые системы и прочее. Huawei стал мировым лидером в области 5G-технологий. Тем не менее Китай все еще зависим от США в операционных системах. Так или иначе, некоторые эксперты уже отмечают, что США впервые утрачивают лидерство в технологиях следующего этапа развития³⁵.

Технологическая сфера сегодня — наиболее яркий пример «расщепления» США и Китая, рушащего основы Кимерики. Уже в этом десятилетии можно ожидать усиления технологической фрагментации: США и Китай формируют собственные цифровые экосистемы с разными стандартами, протоколами и нормативными режимами в сферах больших данных, 5G, интернета вещей, аддитивных технологий, роботизации и других направлений. Эти системы становятся все менее совместимыми друг с другом, отражая политическое и стратегическое размежевание. Несмотря на продолжающуюся связанность компаний (например, Tesla), политическая и нормативная изоляция усиливается: китайские и американские цифровые платформы подчиняются все более различным правовым и технологическим требованиям. Стоит заметить, что это повлияет и на политическую сферу государств, присоединяющихся к одной из конкурирующих технологических экосистем, поскольку политические соображения все чаще перевешивают экономическую целесообразность. В этом контексте доктор политических наук Д.В. Ефременко пишет, что политические намерения других стран при присоединении к одной из двух конкурирующих экосистем будут доминирующими, в сравнении

²⁹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2019/5d48a7419a7947dd6ef3f1d1>

³⁰ URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0432_made_in_china_2025_EN.pdf

³¹ URL: <https://www.scmp.com/business/china-business/article/2163601/made-china-2025-beijings-plan-hi-tech-dominance-big-threat>

³² Консалтинговая компания в сфере политических рисков.

³³ URL: <https://www.eurasiagroup.net/live-post/end-of-american-order-ian-bremmer-2019-gzero-summit-speech>

³⁴ URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers-keynote-address-department-justices-china>

³⁵ URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers-keynote-address-department-justices-china>

с вопросами экономической стабильности или технологической целесообразности.

Надо отметить, что технологическое оснащение — важнейший фактор реализации глобальной инициативы Китая «Один пояс — один путь» (ОПОП), которая еще сильнее закрепит основы экономического могущества Китая в мире, подрывая позиции США. В рамках данного проекта есть направление «Цифровой Шелковый путь», где запланированы инвестиции во все направления цифрового развития, сопровождающего рассматриваемый проект: телекоммуникации, спутниковая связь, оптические кабели, электронная коммерция, платежные системы, искусственный интеллект, технологии аналитики больших данных и квантовых вычислений. За счет цифрового оснащения проекта усиливается влияние Китая в мировой экономике, повышая связанность стран — партнеров Китая из регионов Азии, Африки и Латинской Америки, поскольку путем заимствования китайских технологий они входят в синоцентричную технологическую экосистему, одновременно наращивая взаимодействие и по смежным, неэкономическим областям [11, с. 20]. Во многих странах поддерживают усилия региональных держав по противодействию американоцентричному мировому порядку, а также стремление Китая к технологическому и цифровому суверенитету.

Возвращаясь к вопросу торговой войны, надо заметить, что конечным итогом конфликта между США и Китаем должны были стать подписанные в 2020 г. документы первой фазы новой торговой сделки. Китай пообещал прекратить валютные манипуляции, а также взял обязательство закупить определенные американские товары на сумму в 200 млрд долл. в течение 2 лет, чтобы выровнять торговый баланс между странами. Помимо этого, были сформированы гарантии охраны американской интеллектуальной собственности (ее кража со стороны Китая стала устойчивым нарративом в американском руководстве), недопустимости принудительного трансфера технологий, создания более выгодных условий для американского агропромышленного комплекса в контексте двусторонних отношений, ликвидации барьеров для финансового сектора США, урегулирования иных двусторонних споров наиболее эффективным путем. США отказались заново повышать и без того высокие пошлины, однако до второго этапа сделки решили сохранить их объемы.

В целом, можно сказать, что достигнутые договоренности были обоснованы политическими, а не экономическими мотивами и, к тому же, шли вразрез с правилами ВТО и либеральными подходами к экономике, устанавливая прямое регулирование торговли, фактически дискриминируя поставщиков из других стран [5, с. 105]. Достижение этих договоренностей было скорее шагом, сделанным Трампом для сохранения популярности в преддверии президентских выборов и Си Цзиньпином для «передышки» перед новым раундом соперничества после очередных президентских выборов в США [5, с. 106].

Указанные договоренности, как и предполагалось, оказались лишь временной мерой, в то время как противостояние, получившее принципиальный характер, глубоко вошло в основу американо-китайских отношений. Уже в 2020 г. Трамп сделал обвинения Китая в распространении коронавируса одним из основных пунктов своей предвыборной риторики, отказавшись от новых переговоров с Китаем³⁶. Более того, трамписты были уверены, что именно китайское правительство инициировало разработку вируса в одной из лабораторий в Ухане, поэтому далее последовали иски к Китаю о возмещении вреда от пандемии. Уходя со своего поста, Трамп также ограничил взаимодействие с рядом китайских технологических платформ, включая платежные системы AliPay и WeChat Pay³⁷. Уже после ухода Трампа с должности Пекин ввел персональные санкции против ряда американских высокопоставленных лиц из администрации бывшего президента за создание помех реализации интересов Китая и вмешательство в его внутренние дела³⁸. В 2021 г. громким событием стало обращение в суд китайской Xiaomi с обвинением США в несправедливом сохранении ее в черном списке китайских компаний, функционирующих в интересах власти страны³⁹. В том же году по итогам встречи представителей двух стран в Анкоридже (Аляска) китайская делегация заявила, что США нарушают договоренности, достигнутые между ними⁴⁰.

³⁶ URL: <https://www.bnnbloomberg.ca/video/pompeo-says-enormous-evidence-connects-wuhan-lab-to-virus-1951637.amp.html>

³⁷ URL: <https://lenta.ru/news/2021/01/06/uschina/>

³⁸ URL: <https://ria.ru/20210121/kitay-1593969085.html>

³⁹ URL: <https://www.cnbc.com/2021/02/01/xiaomi-sues-us-to-overturn-chinese-military-designation-investment-ban.html>

⁴⁰ URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/423965-ssha-i-kitay-obmenyalis-rezkostyami-v-nachale-vstrechi-na-alyaske>

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В современных условиях сохраняются возможности для сохранения тандема Кимерики, однако стороны не делают шагов к политике синергии усилий. В таких обстоятельствах интересно семантическое замечание: транслитерация термина *Chimerica* на русский язык предполагает два варианта написания — «Кимерика» и «Химерика». Если первое означает нечто большее, чем простое словосложение названий двух стран, то второе отсылает к химере — чему-то нереальному или несбыточному. В современных условиях семантически правильно говорить об остатках американо-китайской взаимосвязанности в контексте второго варианта.

Политическая линия президента Джо Байдена по отношению к Китаю не сильно отличалась от линии Трампа за исключением отсутствия резкости и резонансности, свойственных всей деятельности Трампа. Администрация Байдена не отменила торговых тарифов, сохранившихся со времен торговой войны. Надо заметить, что и со стороны Китая сохранились зеркальные высокие тарифы⁴¹. Также Байден продолжил продвижение достигнутой Трампом торговой сделки с Китаем, так же считая неприемлемыми валютные манипуляции Китая, кражу интеллектуальной собственности и ограниченный доступ американских компаний к китайскому рынку финансовых услуг и также добивался выполнения условий о закупке американских товаров для восстановления торгового баланса. Из-за невыполнения последнего пункта торговой сделки между США и Китаем высокие тарифы на товары на сумму 350 млрд долл. были сохранены.

Байден продолжил курс на размежевание с Китаем, хотя «отделение от Китая» официально не озвучивалось в качестве внешнеполитической основы его стратегии⁴². Скорее, речь шла об «ответственном управлении конкуренцией»⁴³. Формально суть данной политики сводилась к тому же сдерживанию Китая, но уже без эскалации напряженности в двусторонних отношениях, что наблюдалось

во время первого президентского срока Трампа. Фактически политика Байдена в отношении Пекина была куда более точечной и адресной, что обеспечивало ей более высокую эффективность, чем более непримиримый подход Трампа.

Важнее всего, что Байден продолжил курс по ограничению возможностей технологического развития Китая, подтверждая, что технологическая область — важнейший фактор конкурентных преимуществ в соперничестве двух стран. В частности, при Байдене введен запрет на экспорт в Китай продукции полупроводниковой отрасли и сложного оборудования, которое используется для ее производства. В свою очередь, эта отрасль стала одной из основ высокотехнологичной промышленности, поскольку микросхемы, процессоры, микроконтроллеры и прочее применяются во всей электронике. При Байдене установлен контроль над производимыми в США чипами и соответствующими технологиями при их экспорте в Китай, включая запрет на их продажу китайским компаниям черного списка⁴⁴. В результате китайские производители практически утратили доступ к американским технологиям, что существенно ограничивает потенциал развития технологического сектора Китая⁴⁵.

Китай в качестве ответных мер также ограничивает экспорт в США множества товаров — от передовых технологий⁴⁶ до полезных ископаемых, необходимых для производства высокотехнологичной продукции (например, графита, применяемого в производстве аккумуляторов в электромобилях⁴⁷).

США сохраняют мировое технологическое лидерство, а потому ограничение доступа Китая к американским технологиям формирует предпосылки к сохранению отставания страны от своего заокеанского соседа. США все также первые в глобальной индустрии чипов для искусственного интеллекта, программного оборудования по проектированию чипов в целом и значительной части

⁴¹ URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/23/business/economy/china-trade-tariffs-biden.html>

⁴² URL: <https://edition.cnn.com/2023/11/14/politics/biden-trump-china-what-matters/index.html>

⁴³ URL: <https://www.foxnews.com/politics/trump-rolls-out-2024-trade-policy-tax-china-build-up-america-reward-us-producers>

⁴⁴ URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2022/10/biden-export-control-microchips-china/671848/>

⁴⁵ URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/commerce-implements-new-export-controls-on-advanced-computing-and-semiconductor-manufacturing-items-to-the-peoples-republic-of-china-prc/>

⁴⁶ URL: <https://www.nytimes.com/2023/06/28/business/economy/biden-administration-ai-chips-china.html>

⁴⁷ URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/china-ups-critical-minerals-heat-with-graphite-controls-2023-10-24/>

оборудования, необходимого для производства чипов, в результате чего Вашингтон легко может ограничивать Китай в этом сегменте в рамках транснациональных цепочек поставок. Администрация США активно блокирует потенциал Китая в отраслях экономики будущего, включая суперкомпьютеры и т.д. Более того, принятый Закон CHIPS⁴⁸ направлен на то, чтобы поддержать национальные исследования и разработки в полупроводниковой отрасли США. Фактически все эти меры направлены на то, чтобы «задушить» технологическое развитие Китая⁴⁹.

Помимо этого, администрация Байдена стремилась укреплять отношения с другими странами и организациями, в отличие от Трампа, который своей необузданной политикой отвержения и изоляционизма отталкивает от США даже многолетних традиционных партнеров. Например, в рамках Группы семи (G7) Байден добился от участников согласования курса по совместному снижению зависимости от Китая, который за счет своей агрессивной экономической экспансии глубоко проник на рынки всех регионов мира. Помимо этого, Байден предпринял действия по интенсификации отношений с новыми партнерами, включая Индию, формируя тем самым более жесткое конкурентное окружение Китая в мировой экономике и политике.

Как отмечал журналист М. Шуман, меры, предпринятые Трампом при его первом президентстве были для Китая лишь «простыми неприятностями», в то время как высокоточная политика Байдена существенно бьет по экономическим интересам Китая в мире⁵⁰. Однако с учетом текущей жесткой тарифной политики Трампа, особенно его решений 2025 г. по значительному увеличению пошлин на китайские товары, он уже не рассматривается Пекином как более предпочтительный кандидат по сравнению с Байденем. Ранее, несмотря на резкую риторику, его склонность к двусторонним сделкам и ограниченное вмешательство в союзные инициативы воспринимались Китаем как менее угрожающие. Сегодня же его политика наносит прямой экономический ущерб, и китайская позиция сместилась.

⁴⁸ Англ. Creating Helpful Incentives to Produce Semiconductors — «Создание полезных стимулов для производства полупроводников». URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346>

⁴⁹ URL: <https://www.csis.org/analysis/choking-chinas-access-future-ai>

⁵⁰ URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/01/trump-reelection-china-xi-jinping/676129/>

ВЫВОДЫ

Говорить о том, что сегодня у Кимеики есть шансы на возобновление, почти невозможно, поскольку между двумя странами укрепилось взаимное неприятие. Оно пока не ведет к тотальному экономическому разрыву, поскольку Китай и США остаются важными торговыми партнерами.

Нельзя говорить о том, что оба государства перестают быть тесно переплетены. Для Китая США остаются первостепенным рынком сбыта. Американские компании продолжают использовать Китай как место производства. Так, Apple, несмотря на перенос части производственных мощностей в Индию, продолжает собирать большую часть своей продукции в Китае⁵¹. В свою очередь, сами китайские компании имеют большое значение в глобальных цепочках поставок, в том числе в областях будущего (например, китайская CATL — крупнейший производитель аккумуляторов для электромобилей⁵²; ряд китайских предприятий лидируют на рынке переработки никеля и других материалов, используемых при производстве высокотехнологичной продукции⁵³, а 3/4 всего производственного цикла при строительстве солнечных панелей также приходится на китайских производителей⁵⁴).

Надо заметить, что и Китай является для США важным рынком сбыта по широкому ряду областей, начиная от доходов кинематографистов от сборов за голливудское кино⁵⁵ до производителей автомобилей и строительной техники (Caterpillar, John Deere и т.д.). Китай активно приобретает чипы от американских производителей Intel, Micron, Qualcomm, причем на Китай приходился до 2/3 от всех их доходов по всему миру⁵⁶. Геополитическая напряженность негативно сказывается на связях двух стран, но заменить те роли, которые обе страны играют в рамках своего взаимодействия, крайне сложно. Более того, увеличение пропасти между двумя странами угрожает всему экономическому росту в мире, поскольку его темпы

⁵¹ URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/07/business/apple-china-ymtc.html>

⁵² URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/22/business/china-catl-electric-car-batteries.html>

⁵³ URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/18/business/indonesia-nickel-sulawesi-china.html>

⁵⁴ URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/01/business/economy/solar-xinjiang-china-report.html>

⁵⁵ URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/18/world/asia/china-movies.html>

⁵⁶ URL: <https://www.nytimes.com/2023/07/08/business/economy/us-china-chips-janet-yellen.html>

от этого снижаются⁵⁷, а также благосостоянию американской нации: так, с постепенным сокращением доли импорта из Китая в общей структуре импорта США (с 2017 г. снижение составило 5%) уже выросли цены на импортные товары из других стран (из Вьетнама — на 10%, из Мексики — на 3 и т.д.) [12, с. 9].

США считает, что за счет снижения зависимости от Китая возрастет устойчивость американской экономики и ее резистентность к внешним кризисам. Однако даже производимые в других странах, таких как Вьетнам, товары сильно зависят от китайских материалов и компонентов. В результате даже диверсификация цепочек поставок с вынесением производственных мощностей в большее число стран не приведет к исключению из цепочек создания стоимости китайских производителей, сохраняющих свое промежуточное значение.

Сегодня обе страны следят, чтобы в процессе развития торгово-экономических отношений не нарушались их собственные интересы. Здесь наблюдается единство политического и экономического элементов [13]. Если Фергюсон в 2008 г. отмечал, что современная структура экономических связей стала противоположной по отношению к трендам, заложенным глобализацией послевоенного мира (в частности, вливании средств в англоязычные экономики из развивающихся стран, а не наоборот [14]), то сейчас наблюдается стремление группы стран изменить ситуацию.

В этой связи американские компании приступили к постепенному перемещению своих производств из Китая. Китай же фокусируется на развитии торговых отношений с дружественными странами, прибегая к расчетам в национальных валютах, а также занят технологическим самообеспечением, устраняя зависимость от США. Журналист П. Гудман пишет, что если раньше интеграция и взаимодействие с США лежали в основе китайского подхода к Вашингтону, то сейчас наблюдается выраженный национализм⁵⁸. Американские предприятия постепенно диверсифицируют свои производственные цепочки, обращая внимание на страны Латинской Америки, где также можно получать преимущества за счет дешевой рабо-

чей силы и более низких трудовых стандартов⁵⁹ (хотя надо заметить, что, несмотря на постепенный рост заработной платы в Китае, он остается единственной страной, обладающей настолько крупными производственными мощностями). В свою очередь, американские власти восприняли усиление конкуренции с Китаем как повод для повышения внимания к промышленной политике, расширяя торговлю с союзниками, особенно в стратегически важных областях (чипы и иные высокие технологии). Во многом происходящие процессы рассматриваются как запоздалая адаптация экономики США к ситуации созависимости, сформировавшейся в американо-китайских отношениях в пользу китайской экономики.

Одна из основ китайских взаимоотношений с США — наращивание объема долговых обязательств Америки перед Китаем — также начинает ослабевать. Несмотря на то, что обслуживание долга остается достаточно дешевым, с 2012 г. наблюдается стабильный спад интереса к американским долговым ценным бумагам, поскольку китайские инвесторы заинтересованы в более высокодоходных активах. Пандемия сильно сказалась на китайско-американских отношениях, поскольку в связи с разрывом глобальных цепочек поставок на фоне закрытия границ, ограничения трансграничной и внутригосударственной социальной мобильности и приостановки деловой активности обозначили неустойчивость существовавшей модели разделения труда, особенно с ростом цен на транспортировку⁶⁰ и проблемами с транспортной инфраструктурой⁶¹. Хотя в период пандемии именно от Китая ожидалось наращивание производства товаров первой необходимости, включая средства индивидуальной защиты, медико-санитарную продукцию, а также иные товары, спрос на которые резко возрос из-за специфики пандемии (компьютеры, мобильные устройства, товары для дома и т.д.) и которые в итоге оказались в дефиците⁶².

⁵⁹ URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/01/business/mexico-china-us-trade.html>; <https://www.nytimes.com/2023/10/24/business/columbia-sportswear-nearshoring-central-america.html>

⁶⁰ URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/31/business/supply-chain-small-business.html>

⁶¹ URL: <https://www.nytimes.com/2021/10/11/business/supply-chain-crisis-savannah-port.html>

⁶² URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/30/business/supply-chain-shortages.html>

⁵⁷ URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/10/17/harm-from-de-risking-strategies-would-reverberate-beyond-china>

⁵⁸ URL: <https://www.nytimes.com/2023/11/14/business/us-china-economy-trade.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ferguson N., Schularick M. "Chimerica" and the Global Asset Market Boom. *International Finance*. 2007;10(3):215–39. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2007.00210.x
2. Ferguson N., Schularick M. The End of Chimerica. *International Finance*. 2011;14(1):1–26. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2010.01274.x
3. Ferguson N., Xu X. Making Chimerica great again. *International Finance*. 2018;21(3):239–52. DOI: 10.1111/inf.12335
4. Bai L., Stumpner S. Estimating US Consumer Gains from Chinese Imports. *SSRN*. 2019;1(2):209–24. DOI: 10.1257/aeri.20180358
5. Ефременко Д.В. Chimerica в стадии полураспада: деградация китайско-американских отношений при Д. Трампе и ее последствия для мирового порядка. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020;(25):96–110. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10006
6. Ferguson N. What "Chimerica" hath wrought. *The American Interest*. 2009;4(3).
7. Autor D.H., Dorn D., Hanson G.H. The China Shock: Learning from Labor-Market Adjustment to Large Changes in trade. *Annual Review of Economics*. 2016;8(1):205–40. DOI: 10.3386/w21906
8. Забелла А.А. Военно-техническое взаимодействие Китая и африканских стран в начале XXI века. *Международные отношения*. 2019;(2):77–86. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.2.29739.
9. Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil*. New Haven, Conn.; London: Yale University Press; 2010.
10. Кадочников П.А., Стапран Н.В. Транстихоокеанское партнерство: основные обязательства участников и последствия для международной торговли. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016;(2):21–31.
11. Cheney C. China's Digital Silk Road: Strategic technological competition and exporting political Illiberalism: Working Paper. *Pacific Forum*. 2019;19(WP8):1–23.
12. Alfaro L., Chor D. Global Supply Chains: The Looming "Great Reallocation." Federal Reserve Bank of Kansas City: Jackson Hole Symposium; 2023.
13. Hung H. *Clash of Empires: From "Chimerica" to the "New Cold War."* Cambridge University Press; 2022.
14. Ferguson N. *The ascent of money: A financial history of the world*. Penguin; 2008.

REFERENCES

1. Ferguson N., Schularick M. "Chimerica" and the Global Asset Market Boom. *International Finance*. 2007;10(3):215–39. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2007.00210.x
2. Ferguson N., Schularick M. The End of Chimerica. *International Finance*. 2011;14(1):1–26. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2010.01274.x
3. Ferguson N., Xu X. Making Chimerica great again. *International Finance*. 2018;21(3):239–52. DOI: 10.1111/inf.12335
4. Bai L., Stumpner S. Estimating US Consumer Gains from Chinese Imports. *SSRN*. 2019;1(2):209–24. DOI: 10.1257/aeri.20180358
5. Efremenko D.V. Chimerica in the half-life stage: The degradation of Sino-American relations under D. Trump and its consequences for the world order. *China in world and regional politics. History and modernity*. 2020;(25):96–110. (In Russ.). DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10006
6. Ferguson N. What "Chimerica" Hath Wrought. *The American Interest*. 2009;4(3).
7. Autor D.H., Dorn D., Hanson G.H. The China Shock: Learning from Labor-Market Adjustment to Large Changes in Trade. *Annual Review of Economics*. 2016;8(1):205–40. DOI: 10.3386/w21906
8. Zabella A.A. Military-technical cooperation between China and African countries at the beginning of the XXI century. *International relations*. 2019;(2):77–86. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0641.2019.2.29739
9. Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil*. New Haven, Conn.; London: Yale University Press; 2010.
10. Kadochnikov P.A., Stapran N.V. Trans-Pacific Partnership: The main obligations of the participants and the consequences for international trade. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2016;(2):21–31. (In Russ.).
11. Cheney C. China's Digital Silk Road: Strategic technological competition and exporting political Illiberalism: Working Paper. *Pacific Forum*. 2019;19(WP8):1–23.

12. Alfaro L., Chor D. Global Supply Chains: The Looming “Great Reallocation.” Federal Reserve Bank of Kansas City: Jackson Hole Symposium; 2023.
13. Hung H. Clash of Empires: From “Chimerica” to the “New Cold War.” Cambridge University Press; 2022.
14. Ferguson N. The ascent of money: A financial history of the world. Penguin; 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Арсений Антонович Полторак — аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Arseniy A. Poltorak — PhD student at the World Economy Department, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-4733-6256>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

arstq97@gmail.com

Вера Андреевна Зубенко — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Vera A. Zubenko — PhD in Economics, Assoc. Prof. at the Department of World Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8341-8896>

vzoubenko@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-87-94
УДК 327.772(045)

Шанхайская организация сотрудничества: этапы расширения и перспективы эволюции

Е.Е. Кочетков^а, Е.В. Бестаева^б

^а Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Российская Федерация;

^б Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья представляет подробный обзор истории и развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и ее значения в мировой политике. Начало статьи знакомит с деятельностью ШОС, основными историческими этапами ее становления с момента основания и первыми ее участниками вплоть до момента присоединения Индии и Пакистана в 2017 г. Далее обсуждается текущее состояние ШОС и ее политическая роль, включая возможности для будущего развития и расширения. Развитие экономического сотрудничества, науки и технологий, экологии и устойчивого развития стран и расширение членства и сотрудничества с другими региональными и международными организациями являются ключевыми возможностями для дальнейшего развития ШОС. В заключении анализируются потенциальные вызовы и проблемы, которые могут возникнуть в будущем, включая различия в интересах и приоритетах членов, геополитическое напряжение, экономические и политические проблемы, проблемы безопасности и конкуренцию между членами. В целом, статья представляет обширный обзор ШОС, включая ее историю, текущее состояние, перспективы развития и возможные вызовы и проблемы, что позволяет получить полное понимание роли и значения этой организации в мировой политике.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; ШОС; перспективы; мировая политика; расширение членства

Для цитирования: Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В. Шанхайская организация сотрудничества: этапы расширения и перспективы эволюции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):87-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-87-94

ORIGINAL PAPER

Shanghai Cooperation Organization: Stages of Expansion and Prospects of Evolution

E.E. Kochetkov^a, E.V. Bestaeva^b

^a Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russian Federation;

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article provides a detailed overview of the history and development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in global politics. The introduction briefly discusses the SCO and its significance in global politics. The article then provides an overview of the history of the SCO, starting from its establishment and initial members to subsequent stages of expansion, including the accession of India and Pakistan in 2017. Next, the article discusses the current state of the SCO and its role in global politics, including opportunities for future development and expansion such as economic cooperation, science and technology, environmental protection and sustainable development, membership expansion, and cooperation with other regional and international organizations. In conclusion, the article analyzes potential challenges and issues that may arise in the future, including differences in member interests and priorities, geopolitical tensions, economic and political issues, security concerns, and competition among members. Overall, the article provides a comprehensive overview of the SCO, including its history, current state, prospects for development, and possible challenges and issues, which enables a complete understanding of the role and significance of this organization in global politics.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization; SCO; prospects; global politics; membership expansion

For citation: Kochetkov E.E., Bestaeva E.E. Shanghai cooperation organization: Stages of expansion and prospects of evolution. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):87-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-87-94

ВВЕДЕНИЕ

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) образована 15 июня 2001 г. пятью странами: Россией, Китаем, Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном — с целью борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом¹. В настоящее время членами ШОС также являются Узбекистан, Индия, Пакистан.

Историческим началом создания ШОС стал неразрешенный территориальный конфликт между Китаем и СССР. Однако решить данный вопрос дипломатическими методами не получилось, и, уже после распада СССР, Китай разрешил территориальные споры не только с Россией, но и другими странами Средней Азии. По мнению некоторых авторов [1, с. 89; 2, с. 157–160] с постсоветского пространства, данные события способствовали объединению бывших конфликтующих сторон, а именно: России, Китая, Таджикистана, Киргизии и Казахстана. На тот момент объединение государств — предшественник ШОС, основанное 26 апреля 1996 г., именовало себя «Шанхайская пятёрка» [3, с. 35–40].

ШОС в мировой политике — это значимый политический и экономический блок, который может оказывать влияние на международные отношения [4, с. 51]. ШОС — важный форум для сотрудничества, диалога и решения различных вопросов между участниками в области безопасности и экономики в регионе. [5, с. 19–2; 6]. В настоящее время данная организация продолжает оставаться значимым игроком на политической арене, и ее роль в регионе и за его пределами остается важной темой для исследований.

Основная цель создания ШОС — укрепление мер безопасности и сотрудничества между государствами-участниками, особенно в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, и в содействии экономическому развитию региона².

Согласно ст. 1 Хартии 2002 г. определены основные цели и задачи ШОС:

1. Укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-членами.

2. Развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионах и содействия установлению нового демократического, справедливого и рационального международного политического и экономического порядка.

3. Совместная борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другой транснациональной преступной деятельностью и незаконной миграцией.

4. Содействие эффективному региональному сотрудничеству в областях политики, торговли, экономики, обороны, правоохранительных органов, охраны природы, культуры, науки и техники, образования, энергетики, транспорта, кредитно-финансовых услуг и других областях, представляющих взаимный интерес.

5. Содействие полноценному и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях устойчивого повышения уровня жизни и улучшения условий жизни народов государств-членов.

6. Координация подходов к интеграции в мировую экономику.

7. Поощрение прав человека и основных свобод в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их внутренним законодательством.

8. Поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями.

9. Сотрудничество в предотвращении и мирном урегулировании международных конфликтов.

10. совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI в.

Организационная структура ШОС выглядит следующим образом:

¹ Согласно Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года, принятой в 2015.

² URL: <http://www.sectsc.org/html/00651.html>

Совет глав государств — высший руководящий орган, Совет глав правительств занимается экономической стороной вопросов партнерства и сотрудничества, Совет министров иностранных дел отвечает за текущую деятельность организации, Совет национальных координаторов отвечает за подготовку и проведение заседаний выше названных структур, Секретариат — постоянно действующий административный орган, обеспечивающий организационно-техническую составляющую мероприятий, проводимых в рамках ШОС.

Первоначальные члены ШОС считали, что создание организации позволит укрепить многополярность мировой политики и привести к более справедливому и равноправному мировому порядку. Кроме того, предполагалось укрепление экономического сотрудничества между ее членами, что должно было способствовать развитию экономического потенциала региона. В 2001 г. к ней присоединился Узбекистан, ставший неотъемлемой частью ШОС. Этот момент считается первым этапом расширения ШОС, и содружество насчитывает шесть стран-участниц.

Новые члены содружества позволяют укрепить добрососедство и экономическое сотрудничество между участниками и эффективно противостоять современным вызовам и угрозам в регионе.

Присоединение двух крупнейших государств Южной Азии — Индии и Пакистана — к ШОС в 2017 г. стало одним из ключевых событий в истории организации, увеличив численность членов до 8 стран³, и было оценено как важный шаг в развитии организации. Этот момент считается вторым этапом развития ШОС. Усиление политического и экономического веса содружества в регионе и за его пределами позволило на равных взаимодействовать с другими межрегиональными организациями, такими как Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (ЮАРС) [7, с. 77].

Членство Индии и Пакистана в ШОС стало сигналом, что организация активно развивается и адаптируется к новым вызовам и изменениям в мировой политике и мнение ее членов должно учитываться при принятии глобальных решений⁴.

На саммите ШОС в г. Самарканде в сентябре 2022 г. принято решение о членстве в ШОС Ирана (в статусе страны-наблюдателя с 2005 г.) и принятии заявки на вступление Республики Беларусь, имеющей статус страны-наблюдателя с 2010 г.

На этом саммите В.В. Путин отметил, что Беларусь — давний стратегический и экономический партнер России, подчеркивая тем самым важность принятия решения о присоединении Республики к странам-участницам. Говоря про вступление Ирана, Президент отметил, что новый партнер и союзник в лице такой прогрессивной и развивающейся державы полезен и ценен в ШОС. Решения, принятые на саммите в Самарканде, — третий этап развития содружества.

Шанхайская организация сотрудничества прошла через несколько этапов расширения и изменений в составе с момента своего создания в 2001 г. Сегодня в структуре ШОС есть государства-участники (их уже 10), страны-наблюдатели и страны — партнеры по диалогу.

В перспективе ШОС планирует союзы и с другими государствами. Создание новых объединений позволит поддерживать ценности, декларируемые организацией.

23-й саммит состоялся в 2023 г. в формате видеоконференции. Ключевая тема для обсуждения — вопрос об укреплении регионального сотрудничества, в рамках которого планировались решения для минимизации политических, экономических и других проблем. По его результатам Иран закончил присоединение к участникам ШОС, а интеграция Республики Беларусь ускорила свой темп (равноценный партнер с 2024 г.).

Кроме этого, лидеры стран-участниц саммита обсудили проблемы геополитических противоречий, способы противостояния им, методы укрепления государственной и мировой безопасности, включая защиту физических границ государств и в информационном пространстве; противостояние терроризму и экстремизму и важность единства усилий в борьбе против них. Стоит отметить, что ранее, в 2022 г., Россией подготовлен проект Соглашения об организации оперативного обмена информацией, на который могут претендовать все страны-участницы ШОС. Уже в апреле 2023 г. министры обороны России и КНР — Сергей Шойгу и Ли Шанфу — обсудили важные темы, затрагивающие политически-военные интересы обеих стран⁵.

ДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И САНКЦИЙ

Участниками ШОС обсуждался вопрос экономического сотрудничества, в рамках которого союзни-

³ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=116847&tid=3588>

⁴ URL: <http://www.sectesco.org/html/00076.html>

⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5939152>

ческие страны подтвердили свои позиции в рамках концепции ШОС; обсудили способы развития торговли, промышленности и инфраструктуры; а также сделали акцент на цифровизации и потенциале экономического роста [7, с. 46–50; 8, с. 6–10].

ШОС — мультикультурная организация, поэтому тема культурного развития всегда актуальна. Историческое наследие стран Шелкового пути позволяет поддерживать традиции объединения разных стран и народов, ведущие к укреплению мира и добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества. Развивающиеся отношения позволяют организовать многостороннее сотрудничество в области туризма, культуры и образования: фестивали, различные образовательные программы и проекты, спортивные и интеллектуальные марафоны и пр. [9, с. 250].

Часть исследователей [10, с. 96–97; 7, с. 11–13] обратили внимание, что представители стран ШОС всячески поощряют активное прямое взаимодействие между гражданским населением государств-участников, что также улучшает не только дипломатическую, но и экономическую составляющую союза.

Лидеры стран-участниц активно обсуждают тему экологии. Было сделано совместное заявление о контроле изменения климата, в рамках которого сделан акцент на объединении ресурсов для решения проблем, связанных с климатическими условиями. Государства-члены обязались принимать все возможные меры для сокращения выбросов вредных веществ в окружающую среду — в частности акцент был сделан на загрязняющих атмосферу производствах и транспортных средствах. Кроме того, ШОС пропагандирует и призывает к внедрению возобновляемых энергетических источников, способных сохранить ценные ресурсы и минимизировать их расходы.

По итогам саммита приняты следующие соглашения: План⁶ действий ШОС на 2023–2025 гг., Декларация по Афганистану⁷. В рамках первого — страны-участницы договорились о планах и инициативах, направленных на повышение экономического, культурного, военного роста и углубление сотрудничества. В рамках второго — страны-участницы обязались способствовать урегулированию конфликта, а также оказать содействие в социально-экономическом восстановлении Афганистана.

⁶ URL: <https://rus.sectesco.org/images/07e8/0b/1b/1602296.pdf>

⁷ URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20210917/strani-shos-prinyali-sovmestnuyu-deklaratsiyu>

В 2024 г. встреча членов ШОС состоялась в Астане⁸. В рамках саммита, по словам спецпредставителя Президента РФ, были подняты темы развития как для государств-участников, так и для всей организации ШОС.

На данный момент, кроме 10 стран-участниц⁹ организации, существует две страны-наблюдателя: Исламская Республика Афганистан и Монголия, а также 14 партнеров по диалогу: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Бахрейн, Арабская Республика Египет, Королевство Камбоджа, Государство Катар, Государство Кувейт, Мальдивская Республика, Республика Союз Мьянма, Федеративная Демократическая Республика Непал, Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия, Турецкая Республика, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка. Кроме того, ШОС имеет соглашения о партнерстве с: ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, АСЕАН, СВМДА, Международным комитетом Красного креста, Всемирной туристической организацией ЮНЕСКО, Экономической социальной комиссией для Азии и Тихого океана, Управлением по координации гуманитарных вопросов ООН, Лигой арабских государств.

Текущее состояние Шанхайской организации сотрудничества характеризуется как динамичное и активное. ШОС является важной региональной организацией, которая играет ключевую роль в мировой политике.

В области экономики ШОС продолжает укреплять сотрудничество между своими членами, продвигая региональную экономическую интеграцию, содействует свободной торговле, укрепляет меры безопасности в регионе и создает благоприятные условия для развития бизнеса и инвестиций.

В настоящее время ведется работа по увеличению доли в национальных валютах во взаиморасчетах стран-участниц. В планах ШОС создание единой платежной системы¹⁰, но обсуждение пока ведется в неофициальном формате.

В области безопасности ШОС продолжает оставаться важным форумом для координации действий в борьбе с терроризмом, экстремизмом и другими угрозами безопасности. Она разрабатывает и при-

⁸ URL: <https://rus.sectesco.org/20240704/1423374.html?ysclid=mans60kryk581908532>

⁹ Республика Беларусь, Республика Индия, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан.

¹⁰ URL: <https://iz.ru/1781274/2024-10-28/gensek-sos-rasskazal-o-rabote-nad-edinoi-plateznoi-sistemoi>

нимает меры для укрепления безопасности в регионе и за его пределами¹¹, чтобы стать основой для формирования архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии.

ШОС продолжает развивать сотрудничество в области культуры, науки, технологий и туризма. Она создает условия для обмена опытом и знаниями между участниками организации, что способствует развитию человеческого потенциала в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль ШОС на политической мировой арене — это значимый игрок в многополярной системе. ШОС успешно встраивается в международные отношения и оказывает влияние на все региональные процессы. ШОС продолжает развиваться и адаптироваться к новым вызовам и изменениям в мировой политике, что позволяет ей сохранять вес.

В настоящее время суммарная территория стран-участников ШОС составляет большее 60% территории Евразии, а именно 34,4 млн км². Население государств превышает 40% от общего населения земли, составляя около 3,3 млрд человек (на 2024 г.), а уровень ВВП составляет четверть ВВП всего мира¹².

Шанхайская организация сотрудничества имеет потенциал для дальнейшего развития и расширения в будущем. Ниже приведены некоторые из возможных направлений развития и расширения ШОС¹³:

1. Развитие экономического сотрудничества: ШОС может продолжать содействовать развитию региональной экономической интеграции и свободной торговле между членами, укрепляя сотрудничество в области инвестиций и развития бизнеса, что способствует экономическому развитию в регионе.

2. Развитие сотрудничества в области науки и технологий: ШОС может укреплять сотрудничество в области науки и технологий, что позволит ей стать лидером в области инноваций и высоких технологий. Это может способствовать развитию экономики и повышению уровня жизни в регионе.

3. Развитие сотрудничества в области экологии и устойчивого развития: ШОС может продолжать сотрудничество в области экологии и устойчивого развития, что позволит ей стать лидером в области экологической ответственности и устойчивого развития, чтобы снизить угрозу экологических катастроф и изменения климата в регионе.

4. Расширение членства: ШОС может продолжать расширять свой состав, приглашая новые государства вступить в организацию. Это позволит повысить вес и значение ШОС в мировой политике и будет способствовать развитию сотрудничества в регионе и за его пределами.

5. Развитие сотрудничества с другими региональными и международными организациями: ШОС может продолжать налаживать и развивать сотрудничество с другими региональными и международными организациями, что способствует укреплению многополярности мировой политики и сотрудничества между государствами в регионе и за ее пределами. ШОС может участвовать в различных международных форумах и конференциях, взаимодействовать с другими региональными организациями и укреплять связи с международными партнерами.

6. Укрепление безопасности и борьба с терроризмом: ШОС может продолжать сотрудничество в области безопасности и борьбы с терроризмом, что способствует укреплению стабильности и безопасности в регионе. ШОС может укреплять сотрудничество в области борьбы с транснациональной организованной преступностью, контрабандой наркотиков и оружия.

7. Развитие культурного и гуманитарного сотрудничества: ШОС может продолжать укреплять сотрудничество в области культуры, образования, науки, искусства и спорта, что способствует укреплению взаимопонимания и развитию человеческого потенциала в регионе.

8. Укрепление институциональной базы: ШОС может продолжать укреплять свою институциональную базу и повышать эффективность своей работы. Это может включать в себя укрепление правовой базы, улучшение системы управления и мониторинга и повышение прозрачности и открытости в работе организации.

Шанхайская организация сотрудничества имеет много перспектив для дальнейшего развития и расширения в будущем. Реализация этих возможностей может укрепить роль ШОС в мировой политике и способствовать развитию экономики, безопасности и культурного сотрудничества в регионе. Хотя Шанхайская организация сотрудничества имеет много перспектив для дальнейшего развития и расширения, существуют и потенциальные вызовы и проблемы, которые могут возникнуть в будущем. Некоторые из них [11, с. 113–115]:

1. Различия в интересах и приоритетах: члены ШОС могут иметь различные интересы и приори-

¹¹ URL: <http://www.asiainform.ru/rusdoc/14822.htm>

¹² URL: <https://cronos.asia/ekonomika/vvp-stran-shos-sostavil-24-5-trln-eto-pochti-chetvert-ot-mirovogo-vvp>

¹³ URL: <http://www.asiainform.ru/rusdoc/11792.htm>

теты, что может затруднить достижение согласия и реализацию общих проектов и программ.

2. Геополитические напряжения: регион, в котором находится ШОС, является очень сложным и напряженным с геополитической точки зрения. Например, существует конфликт между Индией и Пакистаном, между Россией и Западом.

3. Экономические проблемы: снижение экономического роста, нестабильность валют, инфляция и др.

4. Проблемы безопасности: регион, в котором находится ШОС, может столкнуться с проблемами безопасности, такими как терроризм, кибератаки, контрабанда наркотиков и оружия.

5. Усиленная конкуренция: с возрастанием числа участников ШОС и развитием экономической конкуренции между ними может возникнуть конфликт интересов, препятствующий развитию общих интересов и сотрудничества в регионе.

6. Политические проблемы: связанные с разными формами правления в регионе, такими как авторитаризм, диктатуры и прочее. Эти различия могут привести к противостоянию между членами и ослабить единство и солидарность ШОС.

7. Проблемы внутренней структуры и управления: ШОС может столкнуться с проблемами внутренней структуры и управления, такими как неэффективность и коррупция в управлении организацией.

8. Проблемы, связанные с динамикой мировой политики: ужесточение санкций и резкое изменение позиции государств-членов. Это может привести к трудностям в принятии решений и реализации общих проектов и программ.

9. Проблемы, связанные с внешними отношениями: конфликты с другими региональными или международными организациями, дипломатические недоразумения и прочее. Это может привести к снижению роли и значения ШОС в мировой политике и препятствовать ее дальнейшему развитию и расширению.

Рассмотрим эффективность ШОС в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом:

1. Основной акцент борьбы с терроризмом делается в центральной части Азии, где в основном и проводятся учения для борьбы с многочисленными радикальными группировками. Несмотря на это, основным способом решения вопросов о террористической угрозе является конституционно-информационное сотрудничество.

2. Борьба с экстремизмом имеет более сложное понятие и определение, как минимум из-за

того, что юридически понятие «экстремизм» на международном уровне не закреплено. В рамках ШОС существуют две конвенции: Шанхайская конвенция борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; конвенция ШОС по противодействию экстремизму, — закрепляющие в определенной степени понятия экстремизма и меры по борьбе с ним.

3. Сепаратизм же не запрещен никакими международными стандартами, и его проявление не относится к преступлению. Более того, сепаратизм неразрывно связан с понятием «суверенитета», право на который имеет каждый народ. Вопреки этому политика ШОС (солидарная в этом случае с одним из докладчиков комиссии ООН) направлена на ограничение права меньшинств, проживающих на территории государства, на самовольное отделение от этого государства. При этом сепарация все-таки остается возможной при нарушении норм международного права.

В целом, ШОС имеет значительный потенциал для дальнейшего развития и расширения, однако существуют и риски, и вызовы, которые могут повлиять на работу и эффективность организации. Чтобы справиться с этими вызовами, ШОС должна продолжать работу над укреплением сотрудничества между своими членами и развивать сотрудничество с другими региональными и международными организациями.

ВЫВОДЫ

Статья посвящена Шанхайской организации сотрудничества. Описаны этапы ее создания и основные вехи трансформации и развития, подчеркивается значимость организации в мировой политике.

Отдельное внимание уделено возможностям ШОС, включая развитие сотрудничества в области науки и технологий, экологии и устойчивого развития, экономики и безопасности, увеличение количества стран-участниц и налаживание отношений с другими региональными и международными организациями.

В заключение можно отметить, что несмотря на то, что ШОС играет важную роль в мировой политике и имеет большой потенциал для дальнейшего развития и расширения, существуют потенциальные вызовы и проблемы, такие как различия в интересах и приоритетах членов, геополитические напряжения и др., замедляющие принятие многих интересных экономических и политических решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мацель В.М. Шанхайская организация сотрудничества: 20 лет по пути укрепления мира и сотрудничества. Интеграция Республики Беларусь в международные экономические и политические процессы: направления развития сотрудничества Республики Беларусь с международными организациями: сборник научных трудов. Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Минск; 2021:68–89.
2. Исабеков Б.И. Токтобаев Б.Т. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и проблемы безопасности в Центральной Азии. *Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына*. 2019;1(97):157–161. URL: <https://www.elibrary.ru/efdnso>
3. Боровой В.Р. Возникновение Шанхайской организации сотрудничества и стратегия КНР в Центральной Азии. *Вестник БГУ*. Сер. 3. 2004;(3):35–40. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/211444>
4. Содиков М.С. Данаева М.Х. Шанхайская организация сотрудничества как новый фактор развития в системе международных отношений. *Финансово-экономический вестник*. 2018;3(15):51–56. URL: <https://www.elibrary.ru/wcrcqa>
5. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018;13(3):19–32. DOI: 10.17323/1996–7845–2018–03–01
6. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. Москва: Весь Мир; 2017. 336 с.
7. Шкваря Л.В. Шанхайская организация сотрудничества: экономическое и транспортное взаимодействие на современном этапе. *Международная торговля и торговая политика*. 2024;1–2(38):46–59. DOI: 10.21686/2410–7395–2024–2–46–59
8. Musaev J. Shanghai Cooperation Organization as the basis economic development and collective security. *Review of law Sciences*. 2019;(1):6–10. URL: <https://www.elibrary.ru/ucwrzk>
9. Bezborodov Y. The right to health and the Shanghai Cooperation Organization. *Вестник Инновационного Евразийского университета*. 2024;2(94):250–257. URL: <https://www.elibrary.ru/guwhkc>
10. Medeubayeva Zh. Shanghai Cooperation Organization in combating the latest security threats: Impact on the countries of Central Asia. *Public Administration and Civil Service*. 2022;1(80):96–106. DOI: 10.52123/1994–2370–2022–622
11. Лукин А.В. Проблемы и перспективы развития Шанхайской Организации Сотрудничества: мнения экспертов. *Вестник МГИМО-Университета*. 2011;2(17):82–88. DOI: 10.24833/2071–8160–2011–2–17–82–88

REFERENCES

1. Matzel V.M. Shanghai Cooperation Organization: 20 years on the way to strengthening peace and cooperation. Integration of the Republic of Belarus into international economic and political processes: Directions for the development of cooperation between the Republic of Belarus and international organizations: collection of scientific papers. Academy of Management under the President of the Republic of Belarus. Minsk; 2021:68–89. (In Russ.).
2. Isabekov B.I. Toktobayev B.T. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) and security problems in Central Asia. *Bulletin of the Zhushup Balasagyn Kyrgyz National University*. 2019;1(97):157–161. URL: <https://www.elibrary.ru/efdnso>. (In Russ.).
3. Borovoy V.R. The emergence of the Shanghai Cooperation Organization and the strategy of the PRC in Central Asia. *Bulletin of BSU*. Ser. 3. 2004;(3):35–40. (In Russ.).
4. Sodikov M.S. Danaeva M.H. Shanghai Cooperation Organization as a new development factor in the system of international relations. *Financial and Economic Bulletin*. 2018;3(15):51–56. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/wcrcqa>. (In Russ.).
5. Alimov R.K. (2018) The Shanghai Cooperation Organisation and Greater Eurasia. *International Organisations Research Journal*. 2018;13(3):19–32. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2018–03–01
6. Alimov R.K. The Shanghai Cooperation Organization: Formation, development, prospects. Moscow: The whole world; 2017. 336 p. (In Russ.).
7. Shkvarya L.V. Shanghai cooperation organization economic and transport cooperation at the present stage. *International Trade and Trade Policy*. 2024;1–2(38):46–59. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410–7395–2024–2–46–59
8. Musaev J. Shanghai Cooperation Organization as the basis economic development and collective security. *Review of law Sciences*. 2019;(1):6–10. URL: <https://www.elibrary.ru/ucwrzk>

9. Bezborodov Y. The right to health and the Shanghai Cooperation Organization. *Bulletin of the Innovative Eurasian University*. 2024;2(94):250–257. URL: <https://www.elibrary.ru/guwhkc>
10. Medeubayeva Zh. Shanghai Cooperation Organization in combating the latest security threats: Impact on the countries of Central Asia. *Public Administration and Civil Service*. 2022;1(80):96–106. DOI: 10.52123/1994–2370–2022–622
11. Lukin A. V. Problems and prospects of development of the Shanghai Cooperation Organization: Expert Opinions. *MGIMO Review of International Relations*. 2011;2(17):82–88. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071–8160–2011–2–17–82–88

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Егор Евгеньевич Кочетков — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Российская Федерация

Egor E. Kochetkov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7443-8089>

kochetkov.work@gmail.com

Елена Викторовна Бестаева — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena V. Bestaeva — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

elvbestaeva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.04.2025; принята к публикации 07.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 21.04.2025; accepted for publication on 07.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-95-106
УДК 329+324.2+94(47).084.2/.4+316.42(045)

Институциональные параметры как фактор количественной динамики российской партийной системы в 2012–2024 годах

С.Е. Заславский

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы влияния параметров законодательства о выборах и о политических партиях на состояние и количественную динамику российской партийной системы в 2012–2024 гг. **Цель исследования** заключается в выработке подхода к периодизации развития партий и партийной системы Российской Федерации, основанной на предлагаемых базовых характеристиках партийной системы и описании этапов ее конфигурации в промежутках с 2012 по 2024 г. **Методология** исследования базируется на комплексном анализе как теоретических, так и практических аспектов функционирования партийной системы Российской Федерации в исследуемый период. Методы, использованные для написания работы, включают обширный анализ статистических данных, а также научные, исторические и новостные публикации за разные периоды времени. По итогам проведенного анализа сделан вывод, что партийная система России в своем развитии вышла на качественно новый уровень, характеризуемый, с одной стороны, множественностью участников, а с другой — естественно сложившимся балансом спроса и предложения на конкурентном рынке политических проектов.

Ключевые слова: политические партии; партийная система; избирательное законодательство; политическое представительство; участие в выборах

Для цитирования: Заславский С.Е. Институциональные параметры как фактор количественной динамики российской партийной системы в 2012–2024 годах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):95–106. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-95-106

ORIGINAL PAPER

Institutional Parameters as a Factor in the Quantitative Dynamics of the Russian Party System in 2012–2024

S.E. Zaslavsky

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the influence of electoral and political party legislation parameters on the state and quantitative dynamics of the Russian party system from 2012 to 2024. The aim of the study is to develop an approach to the periodization of the development of parties and the party system of the Russian Federation, based on the proposed fundamental characteristics of the party system and a description of the stages of its configuration during the period from 2012 to 2024. The research methodology is based in a comprehensive analysis of both theoretical and practical aspects of the functioning of the Russian Federation's party system during the studied period. The methods used in the study include extensive analysis of statistical data, as well as scientific, historical, and news publications from various time periods. Based on the analysis, it is concluded that the Russian party system has reached a qualitatively new level of development, characterized, on the one hand, by a multiplicity of participants, and on the other, by a naturally established balance of supply and demand in the competitive market of political projects.

Keywords: political parties; party system; electoral legislation; political representation; electoral participation

For citation: Zaslavsky S.E. Institutional parameters as a factor in the quantitative dynamics of the Russian party system in 2012–2024. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):95–106. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-95-106

ВВЕДЕНИЕ

В вопросах периодизации развития партий и партийной системы возможны различные подходы и оценочные критерии. Так, например, В.П. Данилин предлагает к рассмотрению три этапа функционирования системы политических партий в Российской Федерации: первый этап с доминированием квазипартийных лидерских проектов с 1990 по 1999 г., второй этап, характеризующийся курсом на построение малопартийного политического пространства с 2000 по конец 2021 г. и третий этап, определенный курсом на многопартийность с уже сложившимися политическими партиями [1]. Предметный обзор существующих подходов к описанию этапности функционирования системы политических партий приводится также С.В. Володиной [2].

В нашем понимании, логика институциональных изменений системы политических партий в России в целом может быть описана следующим образом: 1) накопившиеся проблемы в организационных условиях создания и деятельности партий, влекущие дисфункциональность в различных проявлениях; 2) решение, призванное устранить проблемы и стимулировать развитие партийно-политической системы, придать партиям новые качественные характеристики; 3) реализация нормативных решений в политической практике и, как следствие, получение определенных эффектов (интенсификации процессов партийного строительства, создания новых партий либо трансформации и ликвидации уже существующих); 4) постепенное накопление проблемных вопросов на новом этапе развития и выработка нового решения [3]. Справедливости ради стоит отметить, что политические эффекты избранных нормативных решений не всегда соответствовали возложенным ожиданиям, а подчас и противоречили им.

В качестве базовых характеристик партийной системы, по нашей оценке, выступают: 1) количество партий в партийной системе и потенциальная возможность реализации новых партийных проектов; 2) степень упорядоченности их взаимодействия, конкурентности в отношениях между ними, динамика их сменяемости у власти; 3) публичный механизм интеграции в политическое пространство, в систему властных отношений посредством выборов, участия в деятельности органов публичной власти и иных форм политической активности. Каждый из них, в свою очередь, может быть раскрыт и описан с помощью ряда детальных количественных показателей и верифицируемых качественных характеристик [3].

СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2012 ГОДА

В логике предложенного подхода история российской многопартийности до 2012 г. условно делится на пять временных этапов (*табл. 1*).

К 2012 г. в России была сформирована так называемая «семипартийная система» с высокими пороговыми ограничителями, широкими возможностями для их участия в политическом процессе и патернализмом государства, включая финансирование партий, набравших более 3% голосов по итогам выборов в Госдуму.

В институциональном плане жесткость требований к политическим партиям выражалась прежде всего в требованиях к численности партий и их региональных отделений, которым могли удовлетворить далеко не все российские партии. Они под воздействием вынуждающих обстоятельств либо проводили преобразование в непартийные общественные объединения, либо проходили процедуру добровольной или принудительной (в судебном порядке) ликвидации. Достойным выходом, позволяющим сохранить лицо, было вхождение в состав иной политической партии.

Еще одной нормой, стимулирующей сворачивание деятельности малых политических партий и их ликвидацию, выступало требование для партий, не набравших минимально необходимых 2% голосов избирателей, возмещать организациям СМИ стоимость бесплатно выделенного им эфирного времени и печатной площади. Очевидно, что неудачно прошедшие кампанию партии не могли привлечь средства для погашения образовавшейся задолженности, так как утратили привлекательность в глазах своих спонсоров и сторонников. Замена требования о возмещении более мягкой нормой о непредоставлении эфирного времени на ближайших новых выборах произошла только в 2009 г., когда большинство партий должников приняли решения о самоликвидации.

Созданная цензовая система с высокими пороговыми ограничителями и одновременно с широкими возможностями для участия в выборах обеспечивала широкую вовлеченность политических партий в избирательный процесс. Этому способствовало массовое внедрение в 2004–2011 гг. механизмов пропорционального представительства, включая переход к полностью пропорциональной системе выборов в Государственную Думу и, в ряде регионов, обязательное избрание не менее половины депутатского корпуса в представительные

Таблица 1 / Table 1

Этапы многопартийности в России / Multiparty system in Russia stages

Основная характеристика	Основные события
1990–1993 гг.	
Кризис однопартийной системы и этап первичного становления партийной системы	Ключевые события: 1. Принятие Закона СССР «Об общественных объединениях» (1990 г.). Предусмотрены минимальные требования для партий – не менее 5 тыс. членов. 2. Первая волна образования партий 1990 г. Официально созданы более 15 партий, из них 2 (КПСС и ЛДПСС) созданы на общесоюзном уровне, остальные на общероссийском. 3. Роспуск КПСС в августе 1991 г. Образование нескольких партий на обломках КПСС. Атомизация партийной системы в 1991–1992 гг. Ключевые институциональные характеристики: 1. Высокая динамика образования партий в сочетании с малочисленностью и низким политико-организационным потенциалом большинства из них. 2. Наличие правовых требований к партиям в сочетании с отсутствием их функциональной востребованности
Сентябрь 1993 – декабрь 1995 гг.	
Этап перехода к поляризованной партийной системе	Ключевые события: 1. Роспуск Съезда народных депутатов и Выборы в Госдуму (1993). Состав участников: 13 партий и блоков, из которых в Государственную Думу проходит 8. 2. Выборы в Государственную Думу второго созыва (1995), проведенные по смешанной системе. Состав участников: 43 избирательных объединения и блока, из которых в Госдуму проходит 4. Ключевые институциональные характеристики: 1. В условиях формирования механизмов политического представительства сам правовой статус партий не определен. 2. В вопросах участия в выборах партии уравниены с непартийными образованиями, закрепившими такое право в своих уставах. 3. Требования к численности партий де-факто не применяются
1996–2000 гг.	
Структурирование поляризованной партийной системы	Ключевые события: 1. Первичное структурирование партийной системы по итогам электорального цикла 1995–1996 гг. 2. Перегруппировка политических сил накануне цикла и в ходе электорального цикла 1999–2000 гг. Возникновение новых политических проектов: движение «Отечество», «Вся Россия», блок «Единство». Выборы в Государственную Думу 3 созыва. Ключевые институциональные характеристики: 1. В законодательство введена правовая конструкция политического общественного объединения (невозможность регистрации в качестве такового профсоюза, национально-культурной автономии, любительских организаций). Перерегистрацию проходит 141 ОПОО. 2. Наряду с партиями ОПОО могли создаваться в виде политического движения или непартийного объединения. Предусмотрена возможность создания региональных партий. 3. При сохранении смешанной системы на федеральном уровне на региональном и местном уровне пропорциональные выборы – редкость

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

Основная характеристика	Основные события
2001–2004 гг.	
Перезапуск партийной системы на новой законодательной основе (2000–2004 гг.)	Ключевые события: 1. Разработка, принятие и вступление в силу Федерального закона «О политических партиях». 2. Усиление объединительных тенденций в партийном строительстве. Уход с политической сцены малочисленных партий. 3. Выборы депутатов Государственной Думы 4 созыва. Ключевые институциональные характеристики: 1. Закрепление права на участие в выборах в государственные органы лишь за партиями. 2. Партии могут иметь только общероссийский статус. 3. Введение государственного финансирования политических партий. 4. Требования к минимальной численности партии – не менее 10 тыс. членов. 5. Наличие отделений более чем в половине субъектов Российской Федерации. 6. Предусмотрена возможность принудительной ликвидации политических партий, не принимающих участия в выборах. 7. С 2003 г. – обязательность пропорциональной либо смешанной системы на региональных парламентских выборах
2004–2012 гг.	
Структурирование крупных политических партий и образование «семипартийной» системы	Ключевые события: Сокращение числа политических партий, образование партийной системы с четырьмя ведущими парламентскими партиями и тремя непарламентскими партиями при явном доминировании одной из них. Ключевые институциональные характеристики: 1. Ужесточение законодательства о политических партиях, повышение минимально необходимой численности политических партий (с 10 до 50 тыс.) членов с одновременным повышением требуемой численности региональных отделений. 2. Переход к пропорциональной системе на выборах депутатов Госдумы и увеличение заградительного барьера до 7% на выборах депутатов Госдумы и в большинстве региональных законодательных органов. Требование о наличии смешанных систем на уровне крупных муниципальных районов. 3. С 2005 г. – упразднение возможности создания избирательных блоков

Источник / Source: Составлено автором / Compiled by the author.

органы местного самоуправления муниципальных районов с численностью более 20 депутатов. Однако по мере нарастания регуляторов все зримее проявлялась их избыточность, повлекшая значительные сложности в создании новых партийных проектов с «нуля», невозможность личного самовыдвижения в Государственную Думу для кандидатов, не связывающих себя ни с какими партиями, а также суженность электорального выбора из семи партий. В сочетании с довольно высоким семипроцентным заградительным барьером на выборах в Государственную Думу и в заксобраны

большинства регионов, такая зарегулированная партийная система вызывала среди своих потенциальных участников упреки с точки зрения равенства стартовых возможностей и обеспечения политической конкуренции.

ПОПРАВКИ В ЗАКОН «О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ» И РАЗВИТИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ПЕРИОД С 2012 ПО 2014 ГОД

Очевидные издержки «семипартийной» системы уже в 2010 г. подвигли к принятию поправок в Закон

«О политических партиях»¹, предусматривавший поэтапное снижение численности членов партий с 50 до 45 тыс. (с 2010 г.) и до 40 тыс. (с 2012 г.). Партиям, набравшим на думских выборах 5% и более, но не преодолевшим семипроцентный заградительный барьер, в зависимости от полученных результатов могли быть переданы один-два депутатских мандата (на практике норма ни разу не применялась), на региональном уровне такой партии передавался один мандат (и в целом ряде случаев партия получала один мандат в региональных парламентах). Однако такие поправки не носили принципиального характера и не способны были изменить конфигурацию системы.

Поэтому начавшийся в 2012 г. шестой этап развития партийной системы России с полным основанием можно назвать этапом радикального пересмотра ограничений и воспроизводства системы на конкурентной основе. Новый подход к определению ключевых правовых параметров партийно-политической системы серьезно корректировал первоначальные подходы, заложенные в базовой редакции Закона «О политических партиях» 2001 г.:

1. Радикально (в 80 раз) сокращались требования к минимально необходимой численности политических партий (с 40 тыс. до 500 членов).

2. Был несколько уменьшен требуемый минимальный охват партией субъектов Российской Федерации своими региональными отделениями (ранее партия должна была иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, теперь — не менее чем в половине субъектов Российской Федерации). Одновременно отменялись требования к минимально необходимой численности региональных отделений.

3. При сохранении требований к обязательности участия политических партий в выборах срок неучастия, являющийся основанием для ликвидации партии в судебном порядке, был увеличен с 5 до 7 лет.

4. Кроме того, поправками, вносимыми в избирательное законодательство, политические партии освобождались от необходимости сбора подписей на выборах депутатов Государственной Думы, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления². Единственное исключение —

выборы Президента Российской Федерации, где сбор подписей сохранялся, но число подписей радикально сокращено. Также приняты решения о возврате прямых выборов глав регионов и о снижении с 7 до 5% максимально возможного заградительного барьера на выборах в представительные органы всех уровней.

В рамках отказа от чрезмерной партизации политической деятельности осуществлен переход от пропорциональной к смешанной системе на выборах депутатов Государственной Думы. С половины до четверти от общего числа депутатских мест уменьшена доля мест, в обязательном порядке отводимых под выборы по пропорциональной системе, причем на выборах в городах федерального значения партсписки стали и вовсе необязательны (чем незамедлительно воспользовалась Москва, перейдя от смешанной системы к мажоритарной системе относительного большинства на выборах депутатов Мосгордумы). Наконец, отменены обязательные смешанные системы на уровне крупных муниципальных районов.

Таким образом, взамен системы с высокими пороговыми ограничителями формировалась система с низкой стартовой «точкой входа» в пространство публичной политики, где возможность беспрепятственного участия в общественно-политической жизни сочеталась с необходимостью активного участия в выборах.

Очевидно было, что радикальная либерализация требований к созданию политических партий вызовет как волну стартовых проектов по созданию политических партий, так и постепенное сокращение численности партий вследствие неучастия в выборах и несоблюдения иных требований. Логика появления малых партий и противоречивой реакции на это в политическом и экспертном сообществе соотносится с классическим замечанием М. Дюверже: «...Есть несколько весьма различных взглядов на эти карликовые объединения, которые количественно всегда крайне слабо представлены в парламенте и кажутся неспособными сыграть значительную роль ни в правительстве, ни в качестве оппозиции. Одни, видя в них источник раскола и досадного беспорядка, делают все, чтобы

ской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления». *Собрание законодательства Российской Федерации*, 07.05.2012 № 19. 2275. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35201>

¹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/183523/?ysclid=mac5f2whs8731167076>

² Федеральный закон от 02.05.2012 № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

они исчезли; другие приписывают им роль полезных буферов...» [4].

Новая волна образования политических партий, стартовавшая с лета 2012 г., по своим масштабам во многом напоминала бурное партиобразование 1990–1992 гг. И действительно, для подобных сравнений были определенные основания: инициаторами создания партий выступали небольшие группы граждан, которые пытались застолбить участок в политическом спектре, конкурируя за наиболее брендовые и, в их понимании, наиболее перспективные названия. При этом наблюдалось обилие «диванных», карликовых партий, не имеющих сколь-либо значимой поддержки.

Вместе с тем в процессах партиобразования 1990 г. и 2012 г. наблюдались и глубокие сущностные различия. Прежде всего, первая волна образования политических партий 1990 г. проходила в условиях нарастающего кризиса советской однопартийной системы. В политических реалиях 2012 г. о каком-либо кризисе, тем более системном, говорить не приходилось. Отмеченные дисфункции «семипартийной» системы, проявившиеся в том числе в ходе выборов 2011 г., не были откровением, поэтому алгоритм выработки и принятия необходимых институциональных решений имел более проактивный, нежели реактивный характер.

Далее, что наиболее важно, сущностно отличаются общественно-политические условия создания партий в позднем СССР и в российском обществе 2012 г., в котором успели сложиться механизмы партийно-политического представительства и межпартийного взаимодействия и конкуренции, сформировались крупные политические партии, имеющие стабильную поддержку своих избирателей. Как справедливо отмечали В. Е. Чуров и Б. С. Эбзеев, смысл многопартийности «не борьба за власть, а соперничество за участие в осуществлении власти» [5]. Именно механизмы такого соперничества, отсутствовавшие в начале 1990-х гг., в 2011 г. уже функционировали. Поэтому поиск новыми партиями своего места в политическом спектре имел секторальный характер: они устремлялись в ожидаемые нишевые пустоты, пытались освоить политико-идеологический бренд (Социал-демократическая партия, Монархическая партия, Социалистическая партия). Но если в 1990–1993 гг. каждая начинающая свой путь с нуля партия имела моральное право претендовать на лидерство в своем сегменте формирующегося политического спектра, то в 2012–2014 гг.

реально было только потеснить позиции парламентских партий, уже имевших сложившуюся электоральную базу.

Как и в 1990–1991 гг., имела место конкуренция в освоении нишевых брендов: аграрного (Аграрная партия России, Объединенная аграрно-промышленная партия России, Партия возрождения села, «Возрождение аграрной России»), городского («Союз горожан», «Города России»), женского («Женский диалог» и «Народная партия “За женщин России”»), темы защиты природы — Российская экологическая партия «Зеленые». Примечательно, что партия «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров, против насилия над животными» постаралась в своем названии охватить сразу несколько тем. Однако в отличие от партий в начале 1990-х гг. значительная часть партий после 2012 г. создавалась под броскими заголовками, больше напоминающими краткие («Народ против коррупции», «Партия дела», Родная партия, «За справедливость!», «Россия будущего») и развернутые («Партия Социальных Реформ — Прибыль от природных ресурсов — Народу», «Народно-патриотическая партия России — Власть Народу», Всероссийская партия «ЧЕСТНО/Человек. Справедливость. Ответственность/») рекламные слоганы. Примечательно, партия под названием «Россия будущего» создавалась трижды, причем разными лицами. В выборе названий прослеживалось стремление инициаторов ряда партий к освоению малых социальных ниш (Партия Малого Бизнеса России, Объединенная партия людей ограниченной трудоспособности России, Партия родителей будущего, «Ветераны России», Российская партия садоводов, Казачья партия Российской Федерации, Партия налогоплательщиков России), чего в 1990-е гг. не наблюдалось. Наконец, создавались и экзотические партии, например, партия «Беспартийная Россия» и партия «Против всех», обыгрывающая в своем названии упраздненную строку избирательного бюллетеня.

И, разумеется, радикальные различия были в исходных организационно-кадровых ресурсах для партстроительства. Организации, создаваемые в начале 1990-х гг., вырастали снизу, чаще всего из недр неформального движения, самодостаточной организационной базы эти партструктуры не имели, а личный опыт партийной работы ограничивался либо пребыванием в КПСС, либо вовсе отсутствовал. В 2012–2014 гг. создание новых партий в большинстве случаев осуществлялось людьми, имеющими в прошлом опыт активного участия в партийном

строительстве, пусть далеко и не всегда удачный. А создание иных политических партий происходило в условиях накопленной практики стартапов, развитой технологической системы их правового, организационного, медийного сопровождения, включая услуги состоявшихся в своей профессии политтехнологов и политконсультантов. Не говоря уже о том, что порядка 10 политических партий изначально были созданы в качестве технологических проектов «под ключ», для потенциальных инвесторов.

Наконец, часть де-юре новых партий составляли либо бывшие партии, вынужденно преобразованные в общественные организации вследствие ужесточений законодательства в 2005–2006 гг. («Российский общенародный союз»), либо «осколки» бывших партий, влившихся в состав иных партий и прекративших свое существование (Аграрная партия, «Гражданская сила», «Родина», Партия пенсионеров, Партия мира и единства). Усилиями бывших активистов, не вошедших в состав укрупненных партий, либо недовольных результатами объединения или считавших в изменившихся обстоятельствах более перспективным воссоздание самостоятельной структуры, эти партии восстанавливали политическую субъектность.

Наконец, если возникновение партий в 1993 г. осуществлялось при отсутствии наработанных правовых механизмов их создания, то в 2012–2014 гг. создатели партий имели дело с отлаженной, детально разработанной системой законодательства, с отработанными организационными алгоритмами и значительным опытом правоприменения. Прежде всего это касалось нулевого этапа создания политических партий, в том числе таких вопросов, как создание организационного комитета, первичный фандрайзинг, организация и проведение съезда, принятие программы и устава, подача документов на регистрацию и создание региональных отделений.

Отлаженные правовые механизмы позволяли в достаточно краткие сроки создать новую политическую организацию. Уже к моменту выборной кампании в осенний день голосования 2012 г. отмечен четырехкратный рост политических партий: с 7 до 28 партий, имеющих право участия в выборах. Создание новых партий происходило настолько бурно, что численность участвующих в выборах политических партий существенно различалась в зависимости от старта конкретной выборной кампании (даты опубликования решения о назначении выборов). Так по состоянию на 6 июля таких

партий было 16, на 10 июля — 19, на 12–14 июля — уже 25, на 21 июля — 27. В 2013 г. число партий, имеющих право участвовать в выборах, увеличилось до 54, все они приняли участие в выборах различного уровня. В 2014 г. число партий увеличилось до 69, 56 из них воспользовались правом на участие в выборах и выдвинули кандидатов и списки кандидатов на указанных выборах. При этом в дискуссиях того времени в экспертном сообществе фиксировались как эффект размывания политического поля в результате множественности политических партий [6], так и насущная необходимость выработки дополнительных гарантий, исключающих возврат к периоду «диванных партий» и возможность негативных эффектов для политического структурирования партийной системы [7].

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ С 2016 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Образование и государственная регистрация новых партий наиболее интенсивно осуществлялись на рубеже 2012–2013 гг. Ситуацию с трансформацией партийной системы на муниципальном и региональном уровнях с тенденцией трансформации в умеренно плюралистическую (в классификации Д. Сартори) описывают Л.Г. Берлявский и А.В. Махова [8]. Однако к концу 2014 г. бурный рост числа партий замедлился, а начиная с 2016 г. наметилась обратная тенденция снижения численности партий, сначала незначительного, затем с 2019 г. сокращение стало заметным. Так, в 2016 г. право участия в выборах имели 74 политические партии, в 2017 г. — 71, на момент начала президентской кампании 2018 г. число их сократилось до 67, к концу 2018 г. оно составляло 63, к июню 2019 г. — 59, в 2020 г. — 42 партии. На старте выборов депутатов Государственной Думы восьмого созыва (июнь 2021 г.) число партий, обладающих таким правом, сократилось до 32, а в ходе избирательной кампании их число уменьшилось до 30.

При этом партийная система в 2017–2024 гг. оставалась открытой к новым партийным проектам, однако появление новых партий стало точечным: в 2017 г. была создана Партия Малого бизнеса в России, в 2018 г. — Народно-патриотическая партия «Власть Народу», в 2020 г. — «Новые люди», «За Правду», «Зеленая Альтернатива», Партия прямой демократии, в 2020/2021 г. — «Россия Будущего». Из семи партийных стартапов этого периода три партии не получили развития и были ликвидированы.

рованы (Партия Малого бизнеса России, «Власть народу», «Россия будущего»). Партия «За Правду», успешно стартовав на выборах 2020 г., объединилась со «Справедливой Россией», партия «Новые люди», пройдя в Государственную Думу в 2021 г., стала парламентской, а Партия прямой демократии и «Зеленая альтернатива», получив представительство на региональном уровне, вошли в перечень партий, освобожденных от необходимости сбора подписей на думских выборах.

Причины снижения общей численности политических партий в партийной системе имеют комплексный характер. Прежде всего появление в 2012–2014 гг. новых партийных проектов в значительной мере имело конъюнктурный характер, и в конечном счете предложение явно превысило спрос на них. Кроме того, в 2014 г. было восстановлено требование о необходимости сбора подписей, которое, однако, сопровождалось освобождением от сбора подписей при достижении определенного результата на предыдущих выборах различного уровня, причем в зависимости от уровня выборов и количественных показателей освобождение от сбора подписей могло затронуть федеральный, региональный и местный уровни выборов [9]. Партии, преодолевшие заградительный барьер и прошедшие в Государственную Думу своими федеральными списками, а также набравшие 3% голосов и более, на всех уровнях выборов освобождались от сбора подписей. Партии, получившие по списку хотя бы один мандат на выборах в региональные парламенты, освобождались от сбора подписей на выборах депутатов Государственной Думы, законодательные органы данного региона и в представительные органы местного самоуправления.

В целом система льгот в виде освобождения от сбора подписей была детально продумана и расписана в отношении практически любого значимого результата, полученного партией на выборах любого из уровней публичной власти [10]. Но если для одних партий восстановление требования сбора подписей в соединении с возможностью получения конкурентных предпочтений в виде освобождения от них явилось дополнительным стимулом к наращиванию активности на региональных и местных выборах, то для партий, созданных в расчете на безусловное «попадание в бюллетень» и не имевших ресурсов для сбора подписей на безвозмездной или платной основе, такое решение означало завершение проекта. Об этом говорит число партий, воздерживающихся от

вступления в избирательную кампанию на ее стартовом этапе. Так, в 2015 г. из 74 партий, имеющих право участия в выборах, кандидатов выдвинули только 55, в 2017 г. — из 71–49, в 2018 г. из 63–54.

Еще одним показателем проблем партстроительства являлись очевидные проблемы с фандрайзингом у ряда партий. Так, в 2019 г. Казачья партия Российской Федерации, Партия прогресса, партия «Альтернатива для России (Партия Социалистического Выбора)», «Россия будущего», «Партия социальных реформ — Прибыль от природных ресурсов — Народу», партия «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров», «Объединенная партия людей ограниченной трудоспособности России», «Народно-патриотическая партия России — Власть Народу» имели нулевой размер денежных поступлений. Между тем постоянное поддержание партийного механизма в дееспособном состоянии, выполнение требований о ежеквартальной финансовой отчетности, ведение организационно-хозяйственной деятельности на практике является достаточно трудозатратным делом. Поэтому многие партии, будучи, согласно знаменитому веберовскому выражению, «предприятиями по производству политики», были сначала за неимением спроса законсервированы, а затем и вовсе ликвидированы. В настоящее время из отмеченных 14 партий сумели сохраниться только две: Казачья партия Российской Федерации и Партия прогресса. Таким образом, партии, не получившие развития, не выдержавшие политической конкуренции, не наращивающие по итогам попыток участия в выборах электоральных бонусов в виде освобождения от сбора подписей, постепенно сворачивали свою деятельность, тем более что поддержание текущей деятельности партий, организация работы партийного аппарата и обеспечение регулярной финансовой отчетности оказалось делом затратным.

Ликвидация партий происходила как в добровольном, так и в судебном порядке. В 2017 г. добровольно самоликвидировались две партии (Партия защиты бизнеса и предпринимательства и «Автомобильная Россия»), в 2018 г. — одна («Достоинство»), в 2021 г. — две («Патриоты России» и «За правду», в связи с созданием объединенной партии «Справедливая Россия — Патриоты — За Правду»). Однако в большинстве своем партии ликвидировались в судебном порядке, что, кстати говоря, в значительной части отвечало интересам руководства и актива, ибо судебное решение избавляло их от необходимости проведения

сложных и затратных ликвидационных процедур. Лишь в одном случае ликвидация была связана с осуществлением партией экстремистской деятельности, то есть имела целью защиту от угроз безопасности для общества и государства³. Иногда ликвидация лишь юридически фиксировала факт отсутствия какой-либо активной уставной деятельности и обратной связи от партии. Так, в 2016–2021 гг. восемь партий («Умная Россия», «Партия налогоплательщиков России», «Демократический выбор», «Рожденные в СССР», Партия малого бизнеса, «Народно-патриотическая партия России», Партия «Национальная безопасность России», Партия Возрождения Села⁴) были ликвидированы в связи с невыполнением обязанностей по предоставлению сведений и отчетов в регистрирующий орган. В ряде случаев⁵ в решениях о ликвидации отмечались несоответствие деятельности партии ее уставу, в положениях устава или в деятельности Партии выявлялись нарушения законодательства Российской Федерации.

Еще одним основанием ликвидации партий стало несоблюдение требования к обеспечению наличия региональных отделений. Несмотря на достаточно либеральные требования, в частности отсутствие минимально необходимой численности региональных отделений, отдельные партии, оформив их создание, в дальнейшем не смогли укорениться на региональном уровне. Подчас региональные отделения были созданы только на бумаге. Поэтому уже в 2017 г. четыре партии (Объединенная Аграрно-промышленная партия России, Российская политическая партия Мира и Единства, Партия Духовного Преображения России, Партия Социальной Солидарности) были ликвидированы в связи с наличием региональных отделений менее чем в половине субъектов Российской Федерации, в 2018 г. и 2019 г. таких партий было три («Молодая Россия», Российская партия народного управления и «Беспартийная

Россия»⁶, в 2020–2023 г — еще четыре («Возрождение аграрной России», Объединенная партия людей ограниченной трудоспособности России, Партия родителей будущего, ПАРНАС). Также известен, как минимум, один случай, когда партией не было подтверждено наличие не менее пятисот членов политической партии (партия «Великое Отечество»).

Основной же причиной сокращения численности политических партий стало невыполнение требований об обязательности участия политических партий в выборах. В соответствии со статьей 36 Закона «О политических партиях» партия является единственным видом общественного объединения, которое вправе выдвигать кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти. Статья 37 данного Закона определяет, что политическая партия считается участвующей в выборах, если отвечает хотя бы одному из пяти форм участия: 1) в президентских выборах, 2) в выборах депутатов Госдумы по единому округу / (по партспискам), 3) в выборах высших должностных лиц регионов не менее чем в 10% субъектов Федерации; в выборах в депутаты (по партспискам и по мажоритарным округам) региональных парламентов не менее чем в 20% субъектов Российской Федерации; в выборах в органы местного самоуправления более чем в половине субъектов Федерации. Критериями такого участия являются, во-первых, выдвижение кандидата или списка кандидатов от партии (участие в выборах члена партии в качестве самовыдвиженца недостаточно), а во-вторых, полноценное участие партии в выборной кампании — от выдвижения кандидатов (списков кандидатов) до голосования за них. Партии, выдвинувшие кандидатов и партсписки, но сошедшие с дистанции дня голосования по различным причинам (выбытие, отказ в регистрации, отмена регистрации, отзыв списка по единому округу и снятие выдвинутых кандидатур в округах) не расцениваются как участвующие в выборах.

Важно, что норма об обязательности участия политических партий в выборах содержалась еще в базовой редакции Закона «О политических партиях»,

³ Партия «Воля» ликвидирована в связи с осуществлением экстремистской деятельности, Решение Верховного Суда РФ от 09.08.2016 № АКПИ16–735.

⁴ В отношении Партии «Национальная безопасность России», «Партия Возрождения Села» вторым основанием ликвидации выступало также несоответствие числа региональных отделений законодательно установленным требованиям.

⁵ Например, в решениях Верховного Суда РФ о ликвидации Партии малого бизнеса (Решение Верховного Суда РФ от 12.01.2023 по делу № АКПИ22–1186), партии «Великое Отечество» (Решение Верховного Суда РФ от 19.03.2020 № АКПИ20–47) и др.

⁶ В случае с партией «Беспартийная Россия» юридически имела место не ликвидация, а отмена регистрации, т.к. партия не представила в Минюст копии документов о государственной регистрации ее региональных отделений не менее чем в половине субъектов Российской Федерации, ввиду чего документ о государственной регистрации политической партии признан утратившим силу, а партия по решению Минюста исключена из единого государственного реестра юридических лиц.

однако на практике как основание ликвидации политических партий не применялась: отчасти в силу оживленной динамики партийной системы, когда многие партии, испытывавшие проблемы с электро-альной результативностью в ходе объединительных проектов, были поглощены иными партиями, отча-сти ввиду пятикратного повышения в 2006 г. тре-бований к численности политических партий (с 10 до 50 тыс. членов), вследствие чего малочисленные политические партии были ликвидированы еще до истечения контрольного срока обязательного уча-стия. Кроме того, общая тенденция либерализации требований к политическим партиям не обошла и требование об участии в выборах, увеличив срок цензового участия с 5 до 7 лет. Соответственно, нор-ма о ликвидации партий, не отвечающих критерию обязательности участия в выборах, начала реально применяться лишь в 2019 г. в отношении партий, созданных в 2012 и 2020 гг. — в отношении партий, созданных в 2013 г. В 2019 г. по основанию неучастия партии в выборах в течение 7 лет в судебном порядке на основании решения Верховного Суда ликви-дированы 8 партий, в 2020 г. — 16 партий, в 2021 г. — 4, в 2022 г. — 2 партии. Всего, начиная с 2019 г., по дан-ному основанию ликвидированы 30 партий.

Сокращение числа политических партий — естественный конкурентный процесс, поскольку созданные в 2012–2020 гг. политические партии, с одной стороны, конкурировали с уже состоявши-мися партийными брендами, а с другой — в поисках собственной политической ниши конкурировали друг с другом за поддержку избирателей. Практи-ка показывает, что постепенно в орбиту выборов втягиваются практически все политические пар-тии. Так, на выборах в Единый день голосования в 2024 г. из 25 партий, имеющих право участия в вы-борах, правом на выдвижение воспользовались 23

(исключение составили Партия Роста, находящаяся в процессе объединения с партией «Новые люди», и Партия Дела, деятельность которой на начало кампании была приостановлена Верховным Судом Российской Федерации⁷). Из 23 партий, выдвинув-ших кандидатов, списки кандидатов 20 дошли до финиша, приняв участие в выборах, а 15 по итогам получили представительство в органах публичной власти различного уровня (табл. 2).

По сути, избирательные кампании 2021–2024 гг. демонстрируют практически стопроцентное во-влечение партий в выборный процесс, по крайней мере, на старте кампании, когда неохваченными остаются лишь партии, находящиеся в процессе объединения или на грани ликвидации. При этом общее число политических партий, имеющих право участия в выборах, за последние три года измени-лось незначительно, а число партий, участвующих в выборах, остается практически неизменным.

Сегодня ядро партийной системы образуют пя-терка парламентских партий, центральную часть — 8 непарламентских партий, имеющих предста-вительство в региональных законодательных ор-ганах, полупериферию — партии, не прошедшие по партспискам ни в один региональный парла-мент, но имеющие одного или нескольких депу-татов региональных парламентов, избранных по мажоритарным округам, или представительство в муниципальных образованиях. Наконец, на пе-риферии партийно-политического поля находятся партии, не достигшие успеха даже на региональном и местном уровнях. Вместе с тем до тех пор, пока партия, участвуя в выборах, подтверждает необхо-димый минимум требований для сохранения своего

⁷ 27 ноября 2024 г. Верховный Суд Российской Федерации принял решение о ликвидации Партии Дела.

Таблица 2 / Table 2

Вовлечение партий в процесс выборов / Involvement in the election process

Единый день голосования / год	Партии		
	Имеющие право участвовать в выборах	Выдвинувшие кандидатов, списки кандидатов	Прошедшие этап регистрации (зарегистрированные)
ЕДГ-2022	29	24	22
ЕДГ-2023	27	23	20
ЕДГ-2024	25	23	20

Источник / Source: Составлено автором / Compiled by the author.

статуса, она, даже при наличии нулевого результата, является полноценным, хотя и менее ресурсным игроком на политическом поле. Мобильность системы обеспечивает возможность как восходящего движения от периферии к центру партийного поля за счет наращивания результативности участия, так и нисходящего, за счет потери статуса парламентской партии и вытеснения с центральной части партийного поля на полупериферию и периферию.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно констатировать завершение очередного этапа развития партийной системы (2012–2024 г.) Этот этап, вобравший два электро-альных цикла президентских и парламентских выборов и не менее двух циклов выборного обновления органов публичной власти на региональном и местном уровне, отмечен в своем начале бурным всплеском партийного строительства, а в конце — естественно сложившейся стабилизацией численности политических партий по итогам проведения серии выборов и конкурентного отбора наиболее дееспособных и востребованных избирателями политических объединений.

Анализ партийной динамики позволяет однозначно утверждать, что партийная система России в своем развитии вышла на качественно новый уровень, характеризуемый, с одной стороны, множественностью участников, а с другой — естественно сложившимся балансом спроса и предложения на конкурентном рынке политических проектов. Следует признать тот факт, что российский тип партийной системы ближе к системе с доминирующей партией (в классификациях партийных систем Блонделя и Сартори) [11, 12]. При этом факт доминирования одной партии, на наш взгляд, не дает оснований для обвинений ни в ее неконкурентном характере и тем более «псевдопартийности», поскольку доминирование достигается и удерживается по результатам состязательных выборных кампаний.

Сегодня численность партий вышла на своеобразное количественное плато. Примечательно, что это состояние достигнуто эволюционным путем, по итогам нескольких электро-альных циклов. Более детально контуры дальнейшего развития партийной системы определятся в ходе подготовки и проведения федеральных парламентских выборов 2026 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилин П.В. Партийная система современной России. Москва: Издательский дом «Аргументы недели»; 2015. 400 с.
2. Володина С.В. Модели периодизации становления многопартийности в современной России в исследованиях 90-х гг. XX в. *Власть*. 2015;6(2):192–197. URL: <https://www.elibrary.ru/uctmfl>
3. Заславский С.Е. Партийная система России: современное состояние и динамика развития. *Вопросы политологии*. 2020;10–8(60):2524–2541. URL: <https://www.elibrary.ru/dxtmzw>
4. Дюверже М. Политические партии. Москва: Академический проспект; 2000. 538 с.
5. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель. *Журнал российского права*. 2011;11(179)(1):5–20. URL: <https://www.elibrary.ru/oikoux>
6. Цветкова М. Политические партии в зеркале либерализации избирательного законодательства. *Журнал о выборах*. 2013;(2):44–48. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/about/library/journal/2013/44.pdf>
7. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Идеологическое многообразие и многопартийность: партийный дух или национальный, патриотический, государственный? *Журнал о выборах*. 2011/2012;6(1):29–34. URL: <http://www.cikrf.ru/about/library/journal/2011/n6/Ebzeev.pdf>
8. Белявский Л.Г., Махова А.В. Характер современной партийной системы и конституционно-правовой статус политических партий в России. *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2022;1(12):162–173. DOI: 10.18522/2218–5518.2022.1.162173
9. Заславский С.Е. Партийная система России: точки политической конкуренции. *Вопросы политологии*. 2021;11–7(71):2016–2028. DOI: 10.35775/PSI.2021.71.7.006
10. Заславский С.Е. Партийная система России в электро-альном цикле 2021 года: конфигурация и линии конкуренции. В: Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. *Политическая наука: ежегодник 2020–2021*; 2021:78–87. URL: <https://www.elibrary.ru/bxmeux>
11. Blondel J. Types of Parties and Types of Societies. In: Blondel J., ed. *Comparative Government*. Macmillan Education; 1969:127–138.
12. Sartori G. Parties and party system: A framework for analysis. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press; 1976. 370 p.

REFERENCES

1. Danilin P.V. *Partiynaya sistema sovremennoy Rossii*. Moskva: Izdatel'skiy dom "Argumenty nedeli"; 2015. 400 p. (In Russ.).
2. Volodina S.V. Modeli periodizatsii stanovleniya mnogopartiynosti v sovremennoy Rossii v issledovaniyakh 90-kh gg. XX v. *Vlast'*. 2015;6(2):192–197. URL: <https://www.elibrary.ru/uctmfl> (In Russ.).
3. Zaslavskiy S.E. Partiynaya sistema Rossii: sovremennoe sostoyanie i dinamika razvitiya. *Voprosy politologii*. 2020;10–8(60):2524–2541. URL: <https://www.elibrary.ru/dxtmzw> (In Russ.).
4. Dyuzerzhe M. *Politicheskie partii*. Moskva: Akademicheskiy prospekt; 2000. 538 p. (In Russ.).
5. Churov V.E., Ebzeev B.S. Demokratiya i upravlenie izbiratelnyy protsessom: otechestvennaya model'. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2011;11(179)(1):5–20. URL: <https://www.elibrary.ru/oikoux> (In Russ.).
6. Tsvetkova M. Politicheskie partii v zerkale liberalisatsii izbiratel'nogo zakonodatel'stva. *Zhurnal o vyborakh*. 2013;(2):44–48. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/about/library/journal/2013/44.pdf> (In Russ.).
7. Churov V.E., Ebzeev B.S. Ideologicheskoe mnogoobrazie i mnogopartiynost': partiynyy dukh ili natsional'nyy, patrioticheskiy, gosudarstvennyy? *Zhurnal o vyborakh*. 2011/2012;6(1):29–34. URL: <http://www.cikrf.ru/about/library/journal/2011/n6/Ebzeev.pdf> (In Russ.).
8. Belyavskiy L.G., Makhova A.V. Nature of Modern Party System and Constitutional Legal Status of Political Parties in Russia. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2022;1(12):162–173. (In Russ.). DOI: 10.18522/2218–5518.2022.1.162173
9. Zaslavskiy S.E. Party system of Russia: Points of political competition. *Political Science Issues*. 2021;11–7(71):2016–2028. (In Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2021.71.7.006
10. Zaslavskiy S.E. Partiynaya sistema Rossii v elektoral'nom tsikle 2021 goda: konfiguratsiya i linii konkurentsii. V: *Mozaichnoe pole mirovoy i rossiyskoy publichnoy politiki. Politicheskaya nauka: ezhegodnik 2020–2021*; 2021:78–87. (In Russ.).
11. Blondel J. Types of Parties and Types of Societies. In: Blondel J, ed. *Comparative Government*. Macmillan Education; 1969:127–138.
12. Sartori G. *Parties and party system: A framework for analysis*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press; 1976. 370 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Евгеньевич Заславский — доктор юридических наук, профессор, кафедра политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey E. Zaslavsky — Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4297-0238>

sezaslavskij@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.12.2024; принята к публикации 12.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.12.2024; accepted for publication on 12.03.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-107-113
УДК 32.019.5(045)

На волне хайпа: деструктивные идеологии в политическом дискурсе

Д.А. Ежов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются особенности политического дискурса в тематике деструктивных идеологий под воздействием генерируемого хайпа. Актуальность обращения к проблематике обусловлена развитием специфических технологий, применяемых средствами массовой информации в процессе формирования общественного мнения в условиях продвижения традиционных российских духовно-нравственных ценностей на фоне гибридной войны. Предметная область исследования раскрывается на примере квадروبинга как противоречащей российским традиционным духовно-нравственным ценностям субкультуры, определяемой отдельными государственными и политическими деятелями в качестве деструктивной идеологии. Трактовка понятия «деструктивная идеология» в исследовательском контексте соотносится с содержанием аналогичного термина, закрепленным в нормативно-правовой базе Российской Федерации. В методологическом отношении исследование основано на комбинировании нормативно-ценностного и коммуникативного подходов, а его непосредственными методами исследования являются дискурс-анализ и case study. В результате установлена деструктивная сущность квадروبинга, выступающего в качестве угрозы российским традиционным духовно-нравственным ценностям вследствие его массовизации. Делается вывод, что сгенерированный хайп вокруг квадروبинга способствовал формированию общественного резонанса и обращению повышенного внимания на необходимость регулирования проблемы органами власти. Практическим результатом созданного медийного ажиотажа стала разработка законопроекта о запрете в России деструктивных идеологий, контроль над распространением которых особенно значим в условиях идейного противостояния с коллективным Западом. Сделанные выводы свидетельствуют о конструктивном потенциале технологии генерации хайпа в процессе придания вызывающей неоднозначную реакцию проблеме общественной значимости и формирования базы для ее нормативно-правового регулирования вследствие проникновения в политический дискурс.

Ключевые слова: деструктивная идеология; деструктивная информация; хайп; политический дискурс; традиционные ценности; квадروبинг; субкультура

Для цитирования: Ежов Д.А. На волне хайпа: деструктивные идеологии в политическом дискурсе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):107-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-107-113

ORIGINAL PAPER

On the Wave of Hype: Destructive Ideologies in Political Discourse

D.A. Ezhov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the peculiarities of penetration of destructive ideologies into the content of political discourse under the influence of generated hype. The relevance of addressing the issue is due to the development of specific technologies used by the media in the process of forming public opinion in the context of promoting traditional Russian spiritual and moral values against the background of hybrid warfare. The subject area of the study is revealed by considering the example of quadrobing as a subculture that contradicts Russian traditional spiritual and moral values, defined by individual government and political figures as a destructive ideology. The interpretation of the concept of "destructive ideology" in the research context correlates with the content of a similar term, fixed in the regulatory framework of the Russian Federation. Methodologically, the research is based on a combination of normative-value and communicative approaches, and its direct research methods are discourse analysis and case study. As a result of the research, the destructive nature of quadrobing has been established, acting as a threat to Russian traditional spiritual and moral

values due to its mass characterization. It is concluded that the generated hype around quadrobing contributed to the formation of a public outcry and increased attention to the need for government authorities to regulate the problem. The practical result of the media hype created was the development of a bill banning destructive ideologies in Russia, the control over the spread of which is especially important in the context of ideological confrontation with the collective West. The conclusions indicate the constructive potential of hype generation technology in the process of making a controversial issue of public importance and forming the basis for its regulatory regulation due to penetration into political discourse.

Keywords: destructive ideology; destructive information; hype; political discourse; traditional values; quadrobing; subculture

For citation: Ezhov D.A. On the wave of hype: Destructive ideologies in political discourse. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):107-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-107-113

ВВЕДЕНИЕ

В условиях идейно-мировоззренческого противостояния с коллективным Западом Россия сохраняет статус проводника традиционных ценностей, альтернативных имеющим внешнее происхождение и продвигаемым техниками пропаганды деструктивным идеологиям. В российское правовое поле термин «деструктивная идеология» введен в 2022 г.

Согласно определению, данному в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», деструктивная идеология представляет собой чуждую российскому народу и разрушительную для российского общества систему идей и ценностей, включающую в себя: культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности; отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству; отрицание идеи созидательного труда; отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений; отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру¹.

В силу попыток коллективного Запада уничтожить российскую идентичность, проявляющихся насаждением деструктивных идей на фоне реализации политики «культуры отмены», необходимость продвижения и интеграции в массовое сознание традиционных ценностей продиктовано причинами экзистенциального характера, а в сложившихся условиях отвечает интересам обеспечения национальной безопасности. Приданию масштабности происходящим на духовно-нравственном уровне трансформациям способствует распространение термина «деструктивная идеология» в политическом дискурсе по отношению к практикам и явлениям, противоречащим традиционным ценностям Российской Федерации.

Совокупность изложенного выше обуславливает актуальность анализа особенностей проникновения тематики, охватывающей конкретные проявления деструктивной идеологии, в политический дискурс посредством создания хайпа (медийного ажиотажа), реконструкция которых выступает в качестве цели исследования. На уровне объекта определяются деструктивные идеологии. Непосредственный предмет исследовательского интереса — генеалогия интеграции в политический дискурс сюжетов, содержащих идеи и ценности, лежащие в основе контента, наполняющего деструктивные идеологии. Рабочая гипотеза основана на предположении, что проникновению в политический дискурс тематики деструктивных идеологий способствует технологический эффект, вызванный генерацией хайпа в условиях ретрансляции актуальной новостной повестки средствами массовой информации.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Попытки научного осмысления деструктивных идеологий в современной литературе фиксируются задолго до институционализации соответствующего термина в правовом поле Российской Федерации. Характерным примером является классификация деструктивных идеологий, предложенная в 2007 г. Л.А. Калининым, и основанная на определении и выделении пяти основных признаков: 1) базовых источников (основных мировоззренческих течений, из которых заимствуются основные принципы, взгляды, догматы, символы и понятия); 2) характера деструктивного воздействия и направленности агрессии; 3) направленности на полноту охвата социума; 4) степени распространенности идеологии; 5) позиции идеологии в рамках глобализационных процессов [1]. Понимание же деструктивной идеологии в соответствии с предлагаемой концепцией сводится к созданию ассоциативного ряда с анализируемым понятием вероучений тоталитарных сект, а также лево- и правоздвигательских политических группировок [1].

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/news/>

Теоретические предпосылки рассмотрения деструктивных идеологий в понимании, близком актуальному политико-правовому контексту, просматриваются в трудах С.Л. Шалаевой [2] и В.П. Шалаева [2, 3], содержащих осуществляемый с критической точки зрения анализ социальных последствий насаждения западной либеральной культуры на систему ценностей в симбиозе с обществом потребления, в рамках которого западное влияние идентифицируется в качестве фактора денационализации, маргинализации и деэлитизации² молодых поколений.

Утверждение Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей способствовало росту научного интереса к их исследованию. Так, анализу традиционных ценностей в различных контекстах посвящены работы Г.А. Борщевского [4], Е.В. Бродовской и Т.Л. Кащенко [5], А.Л. Бредихина и С.Л. Байкеевой [6], О.Г. Карповича [7], Н.А. Ореховской [8], М.С. Пермиловского [9]. Несмотря на разницу в подходах и содержательных акцентах, в большинстве трудов, раскрывающих проблематику традиционных ценностей, подчеркивается значимость их продвижения в контексте гибридных угроз.

Отдельное значение в контексте настоящего исследования представляют публикации, посвященные непосредственному анализу деструктивных идеологий в понимании, идентичном представленному в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Среди таких трудов следует выделить работу П.А. Шашкина и А.Б. Рудакова, посвященную концептуализации понятия «деструктивная идеология» и определению его смысловых границ, в которой деструктивная идеология определяется как «система идей, направленных на целенаправленное разрушение традиционных ценностей, формирующих самосознание народа, и их замещение исторически чуждыми российскому обществу, несущими в себе угрозу его саморазрушения, дискредитации государствообразующих публичных институтов, присваивания функций государства альтернативными структурами, в том числе криминальными» [10].

На фоне распространения в современной науке работ, затрагивающих проблемы предупреждения распространения деструктивных идеологий [11] и борьбы с ними [12], отмечается явный дефицит публикаций, посвященных генезису проникно-

вения в публичный дискурс сюжетов, связанных с их воздействием на актуальную общественно-политическую повестку, формируемую средствами массовой информации. Восполняя имеющийся пробел, настоящее исследование развивает предложенную ранее теорию политизации хайпа [13, 14], центральная идея которой заключается в вовлечении в обсуждение преимущественно неполитических сюжетов государственных и общественно-политических деятелей посредством генерации медийного ажиотажа.

МЕТОДЫ

Методологическое ядро исследования составляют нормативно-ценностный и коммуникативный подходы, комбинирование которых позволяет выявить особенности и механизмы ретрансляции подвергающихся критическому анализу идей и практик в публичный дискурс и актуальную новостную повестку, ретранслируемую средствами массовой информации. В качестве непосредственных методов проведения исследования выступают дискурс-анализ и case study.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2024 г. в Россию пришло увлечение имеющей западное происхождение субкультурой квадробинга, распространившееся среди детей и подростков. В основе указанной субкультуры находится идея самоидентификации человека с животными. Ее носители подражают животным, копируют их повадки; используют различные аксессуары в виде масок, хвостов, ушей и иных атрибутов, ассоциируемых с выбранным для подражания видом млекопитающего. В пользу того, что квадробинг правомерно рассматривать на уровне субкультуры, свидетельствует его генеалогическая связь с такими субкультурами Запада, как фурри и териане.

Изначально же его истоки следует искать в квадробике как разновидности спорта, подразумевающей бег на четырех конечностях, и созданную японским атлетом К. Ито. В этой связи следует сделать оговорку, что Япония, несмотря на свое географическое положение, по идейно-политическим основаниям является составной частью идеологии «коллективный Запад» [15].

Отметим, что именно массовизация и приобретение соответствующим явлением черт субкультуры позволяет рассматривать квадробинг в качестве угрозы российским традиционным духовно-нравственным ценностям. С научной точки зрения квадробинг — проявление эскапизма [16]

² Политический курс, направленный на ограничение вмешательства государства во все сферы жизнедеятельности общества.

и воплощение анималистической традиции [17]. Отдельные исследователи возводят квадробинг в ранг зародившегося на Западе социального движения, развитие которого сопряжено с организацией бизнеса по пошиву масок, лапок, ошейников и иных атрибутов для его сторонников [18]. Таким образом, выводы об экономической заинтересованности в распространении квадробинга со стороны западных элит выглядят правомерными.

Широкий общественный резонанс вызвал случай, произошедший в августе 2024 г. на концерте российской певицы Mia Boyka (Миа Бойка) в Надыме, приуроченном ко Дню города. Во время мероприятия зрители вывели на сцену потерявшуюся в толпе девочку, чтобы найти сопровождающих ее членов семьи. На затылке у ребенка была натянута маска кошки, что создавало ассоциацию с ее потенциальной принадлежностью к определенной субкультуре. На вопрос певицы «Ты котенок или квадровер, не дай бог?» девочка по имени Марьяна утвердительно кивнула и подтвердила свою принадлежность. Ребенок смутился при реакции со стороны звезды: «Ты красивая девочка. Зачем тебе быть кошкой?»³.

В заочную полемику с певицей вступили психологи, общественные деятели и коллеги по шоу-бизнесу, осудив ее поведение. В ответ Mia Boyka публично обосновала свою позицию, опубликовав 5 сентября 2024 г. в своем телеграм-канале пост, целостное содержание которого можно рассматривать в качестве манифеста, финальным результатом обнародования которого стал перенос обсуждения проблемы в общественно-политическую плоскость, повлекший за собой эффект политизации сгенерированного хайпа.

В частности, певица, указывая на то, что квадроверы и другие пришедшие с Запада веяния чужды нашему обществу, призывает называть вещи своими именами и задается вопросом, хотим ли мы «эту ересь пустить в нашу страну». «Сегодня кошечка, завтра собачка, а послезавтра она решит, что теперь она мальчик. А что потом?!»⁴ — задается вопросом звезда, апеллируя к разрушительному потенциалу квадробинга по отношению к обществу в контексте расхождения идейных основ субкультуры с российскими традиционными духовно-нравственными ценностями.

Следствием созданного СМИ хайпа стало проникновение проблематики квадробинга в политический дискурс, и субкультура уже рассматривается на

уровне деструктивной идеологии. В октябре 2024 г. вице-спикер Государственной Думы РФ А. Кузнецова объявила на пленарном заседании нижней палаты парламента о начале разработки законопроекта о запрете любой деструктивной идеологии⁵. В числе трех деструктивных идеологий для России, упомянутых депутатом Государственной Думы РФ Н. Новичковым наряду с ЛГБТ⁶ и чайлдфри, был и квадробинг⁷.

На фоне хайпа тема квадроверов стала обсуждаться между политиками. В частности, 8 октября 2024 г. перед встречей Президента РФ В. Путина и премьер-министра Армении Н. Пашиняна министр иностранных дел РФ С. Лавров обсудил квадроверов с армянской делегацией. Во время разговора дипломат поинтересовался у коллег, есть ли в Республике Армения тенденция на переодевание людей в животных и подражание их повадкам. «У вас есть квадроверы? В собак наряжаются дети. Это одна из самых главных новостей. Ходят как животные», — посмеялся Лавров. В ответ глава МИД Армении А. Мирзоян заявил, что знает о таком новом движении, а посол республики Г. Арсенян рассказал, что в Европе квадроверы начали определять себя «как гендер»⁸. Содержание диалога между государственными деятелями подтверждает масштабность распространения деструктивной практики.

В депутатском корпусе Российской Федерации мнения относительно квадробинга различаются степенью радикализма. Так, в публичных высказываниях заместителя председателя комитета Государственной думы РФ по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства В. Милонова прослеживается стремление возложить ответственность за приобщение детей к соответствующей субкультуре на их родителей. Детей-квадроверов депутат считает «жертвами кривого воспитания», а их родителей — «сумасшедшими на всю голову людьми»⁹. Отражающее позицию по отношению к проблеме высказывание В. Милонова: «Есть,

⁵ URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/18/lgbt-chayldfri-kvadrobing-nazvany-tri-destruktivnye-ideologii-dlya-rossii.html>

⁶ Международное общественное движение ЛГБТ признано в Российской Федерации экстремистской организацией, его деятельность запрещена.

⁷ URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/18/lgbt-chayldfri-kvadrobing-nazvany-tri-destruktivnye-ideologii-dlya-rossii.html>

⁸ URL: <https://news.ru/society/nakazat-ili-ostavit-chto-ovkadroberah-govoryat-lavrov-mizulina-deputaty>

⁹ Там же.

³ URL: <https://www.kp.ru/daily/27630/4981180/>

⁴ Там же.

извините, сумасшедшие на всю голову мамыши и папаши, которые говорят, мол, у нас деточка — квадробер, мы ее на веревочке выгуливаем. Это показывает, что дети являются жертвами кривого воспитания родителей, злоупотребляющих пивом. Тут надо братья за родителей. Бахнутая мамаша пересмотрела турецких сериалов с чекушкой»¹⁰ отражает результат деструктивного влияния на целое поколение идеологического вакуума, который содержательно наполнен индоктринируемыми западными ценностями и идеалами общества потребления. В то же время депутат Государственной Думы РФ А. Свинцов разделит позицию о законодательном запрете квадробинга, а депутат С. Колунов выступил с инициативой лишать родительских прав родителей, чьи дети стали участниками движения¹¹.

В контексте духовного возрождения и укрепления русского мира выглядит значимой позиция по отношению к квадроберам со стороны священнослужителей. Так, свойственной для религиозной деятельности толерантностью отличается высказывание протоиерея из Белоруссии С. Лепина: «На четвереньках по лужайкам или верхом на воображаемой лошади вполне могут бегать будущие батюшки. Знайте, дорогие мои, что где-то нынче подрастают на лужайках будущие батюшки и матушки из квадроберов и хоббихорсингш. В этом — я подозреваю — и заключается дивный Божий Промысл как об этих чудачковатых субкультурах, так и о Церкви»¹². В то

же время замглавы синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В. Кипшидзе заявил о возвращении общества к язычеству и варварству вследствие пропаганды квадробинга¹³, что свидетельствует о его деструктивной сущности.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ охватывает конкретные проявления деструктивной идеологии и позволяет констатировать, что приданию проблеме квадробинга общественной значимости способствовал именно сгенерированный вокруг нее медийный ажиотаж. Благодаря созданию общественного резонанса лидерами общественного мнения тема противодействия распространению квадробинга вышла на уровень рассмотрения органами власти, а ее фигурирование в качестве предмета заявлений и обсуждений со стороны государственных, общественных и политических деятелей спровоцировало укоренение в соответствующем дискурсе проблемы противодействия деструктивным идеологиям, противоречащим российским традиционным духовно-нравственным ценностям. В качестве практического результата, сформированного в результате хайпа на направлении дискурса, следует признать выдвижение и последовательную реализацию на федеральном уровне законодательных инициатив, направленных на правовое регулирование распространения любых деструктивных идеологий и деструктивной информации.

¹⁰ URL: <https://news.ru/society/nakazat-ili-ostavit-chto-o-kvadrobereh-govoryat-lavrov-mizulina-deputaty>

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калинин Л.А. К вопросу о типологизации деструктивных идеологий. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2007;1(6):141–147. URL: <https://elibrary.ru/iwqvxt>
2. Шалаева С.Л., Шалаев В.П. Либеральный фактор глобального капитализма и западофикации мира. *Конфликтология*. 2016;1(1):27–52. URL: <https://elibrary.ru/wddyvl>
3. Шалаев В.П. Между западофикацией и собственным путем: нелегкий выбор нашего времени (опыт философского анализа). *Социальное время*. 2017;3(15):26–36. DOI: 10.15350/2410-0773.2018.3.26
4. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ. *Полития. Журнал политической философии и социологии политики*. 2023;4(111):67–93. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93
5. Бродовская Е.В., Кашенко Т.Л. Традиционные российские духовно-нравственные ценности: результаты анализа нормативно-правовых актов. *Власть*. 2023;5(5):71–76. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9781
6. Бредихин А.Л., Байкеева С.Е. Концепция «традиционных ценностей» в контексте формирования государственной идеологии. *Право и государство: теория и практика*. 2023;9(225):23–25. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_9_23
7. Карпович О.Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития. *Россия и мир: научный диалог*. 2024;2(12):39–51. DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51

8. Ореховская Н.А. Традиционные ценности и новые коммуникативные практики как факторы влияния на стабильность российского общества. *Общество: философия, история, культура*. 2023;5(109):32–37. DOI: 10.24158/fik.2023.5.3
9. Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023;(11):20–24. DOI: 10.18572/1813-1247-2023-11-20-24
10. Шашкин П.А., Рудаков А.Б. Деструктивная идеология: понятие и смысловые границы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;(2):6–12. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12
11. Овчинский А.С., Борзунов К.К., Журавленко Н.И., Еремеев Д.И. Деструктивные идеологии как угроза безопасности в мире цифровых коммуникаций. *Евразийский юридический журнал*. 2023; 10(185):283–288. URL: <https://elibrary.ru/rshmro>
12. Кашкин О.И., Храмов М.Е., Кашкина Е.В. К вопросу о профилактике распространения деструктивной идеологии, посягающей на традиционные российские духовно-нравственные ценности. *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2024; 2(70):54–61. URL: <https://elibrary.ru/oizpzw>
13. Ежов Д.А. Политизация хайпа в условиях шоуизации. *Социально-гуманитарные знания*. 2021;(2):93–99. DOI: 10.34823/sgz.2021.2.51554
14. Ежов Д.А. Хайп-технологии как инструмент создания политического контента в новой медиареальности. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2022;(2):54–67. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-163
15. Дымова А.В., Коптяева Н.Н. Идеологема «коллективный Запад»: русскоязычные vs англоязычные СМИ. *Дискурс-Пи*. 2024;(2):150–170. DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_150
16. Прокопенко Н.М., Камышева Л.А. Подростковый эскапизм: от нигилизма и мечтателей до хоббихорсинга и квадроберов. *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2024;(3):172–187. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-3-1521
17. Шкапенко Т.М., Городецкая Е.А. Современные анималистические субкультурные практики и их прецеденты в русской лингвокультуре. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024;(10):3734–3738. DOI: 10.30853/phil20240528
18. Ионцев В.А., Узкая Ю.А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода. *Уровень жизни населения регионов России*. 2024;(4):597–611. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611

REFERENCES

1. Kalinin L.A. On the issue of typology of destructive ideologies. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2007;1(15):141–147. URL: <https://elibrary.ru/iwqvxt>. (In Russ.).
2. Shalaeva S.L., Shalaev V.P. Liberal factor of global capitalism and zapodofikation of the world. *Konfliktologia*. 2016;(1):27–52. URL: <https://elibrary.ru/wddyvl>. (In Russ.).
3. Shalaev V.P. Between the westernisation and own way: Hard choice of our time (experience of the philosophical analysis). *Socio Time*. 2017;3(15):26–36. (In Russ.). DOI: 10.15350/2410-0773.2018.3.26
4. Borshchevskiy G.A. Traditional russian values: Institutional analysis. *Politeia. Journal of political philosophy and sociology of politics*. 2023;4(111):67–93. (In Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93
5. Brodovskaya E.V., Kashchenko T.L. Traditional Russian spiritual and moral values: Results of analysis of regulative acts. *The Authority*. 2023;(5):71–76. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9781
6. Bredikhin A.L., Baykeeva S.E. The concept of “traditional values” in the context of the formation of state ideology. *Law and State: The Theory and Practice*. 2023;9(225):23–25. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_9_23
7. Karpovich A.G. The role of Russia in upholding traditional spiritual and moral values in the context of modern world development. *Russia and the world: scientific dialogue*. 2024;2(12):39–51. (In Russ.). DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51
8. Orekhovskaya N.A. Traditional values and new communicative practices as factors influencing the stability of Russian society. *Society: philosophy, history, culture*. 2023;5(109):32–37. (In Russ.). DOI: 10.24158/fik.2023.5.3
9. Permilovsky M.S. Traditional russian spiritual and moral values and russian constitutional values: The dogmatic correlation. *State power and local self-government*. 2023;(11):20–24. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1247-2023-11-20-24

10. Shashkin P.A.; Rudakov A.B. Destructive ideology: concept and semantic boundaries. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;(2):6–12. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-6-12.
11. Ovchinskiy A.S., Borzunov K.K., Zhuravlenko N.I., Ereemeev D.V. Destructive ideologies as a threat security in the world of digital communication. *Eurasian Law Journal*. 2023;10(185):283–288. URL: <https://elibrary.ru/rshmro>. (In Russ.).
12. Kashkin O.I., Khramov M.E., Kashkina E.V. On the issue of preventing the spread of destructive ideology that encroaches on traditional russian spiritual and moral values. *bulletin of the All-Russian institute for advanced training of employees of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation*. 2024;2(70):54–61. URL: <https://elibrary.ru/oizpzw> (In Russ.).
13. Ezhov D.A. Politicization of hype in the context of showization. *Social and humanitarian knowledge*. 2021;(2):93–99. (In Russ.). DOI: 10.34823/sgz.2021.2.51554
14. Ezhov D.A. Technologies of hype as a tool for creating political content in a new media reality. *Bulletin of the Moscow state regional university*. 2022;(2):54–67. (In Russ.). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-2-163
15. Dymova A.V., Koptyaeva N.N. Ideologeme “collective west”: russian-language vs. english-language media. *Discourse-P*. 2024;(2):150–170. (In Russ.). DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_150
16. Prokopenko N.M., Kamysheva L.A. Teenage escapism: From nihilism and dreamers to hobbyhorsing and quadrobics. *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2024;(3):172–187. (In Russ.). DOI: 10.18384/2224-0209-2024-3-1521
17. Shkapenko T.M., Gorodetskaia E.A. Contemporary animalistic subcultural practices and their precedents in Russian linguistic culture. *Philology. Theory & Practice*. 2024;(10):3734–3738. (In Russ.). DOI: 10.30853/phil20240528
18. Iontsev V.A., Uzkaia Yu.A. The eurasian path of demographic development in Russia as a challenge to the global liberal model of demographic transition. *Living standards of the population in the regions of Russia*. 2024;(4):597–611. (In Russ.). DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Александрович Ежов — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Dmitriy A. Ezhov — Cand. Sci. (Pol.), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

president@lenta.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7103-836X>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.04.2025; принята к публикации 14.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 19.04.2025; accepted for publication 14.05.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-114-123

УДК 316.42(045)

Роль инклюзивного дизайна в урбанистике: социологический аспект

О.В. Рогач, Ю.Е. Куртенкова, А.З. Шахвалиева, А.И. Мельникова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье поднимаются актуальные вопросы создания инклюзивного дизайна городской среды как приоритетного принципа развития урбанизированных пространств. На основе анализа научных источников установлены особенности инклюзивного дизайна городской среды, его отличия от универсального подхода к проектированию городских пространств. В частности, отмечается дисфункциональность формального соблюдения стандартизированного подхода к дизайну городской среды, стигматизация темы инвалидности в общественном сознании и градостроительных практиках. Делается вывод, что принцип инклюзивности выражается в возможности индивида реализовать свое «право на город», вступая во взаимодействие с другими людьми и осуществляя коммуникации в пространстве городской среды. С использованием метода глубинного интервью был проведен анализ инклюзивного дизайна городской среды района Аэропорт. Установлено, что искажение идей инклюзивного дизайна в практиках городского проектирования приводит к возникновению состояния «исключенности» людей с особыми потребностями, снижению возможности их активного участия в жизни городского сообщества. Практики «потребления городской среды» для данной категории населения связаны с поиском альтернативных маршрутов, форм и средств передвижения; привлечением родственников для избегания негативного опыта; формированием «отлаженных» траекторий передвижения к месту учебы или традиционному месту отдыха. Анализ материалов глубинных интервью также позволил систематизировать объекты района Аэропорт по их адаптивности к потребностям маломобильных горожан. Нижние строчки инклюзивной адаптивности занимают общественные пространства городской среды (места общественного питания, коворкинги, деловые центры, офисы); со средней степенью инклюзивной адаптивности — общественный транспорт и сопутствующая дорожная инфраструктура (остановки, тротуары, станция метрополитена и пр.). Высокая степень инклюзивной адаптивности отмечается у библиотек и парковых зон отдыха. Рефлексия опыта повседневных практик информантов позволила составить карту инклюзивной адаптивности района Аэропорт.

Ключевые слова: инклюзивный дизайн; городская среда; картография района; урбанистика; адаптация; социальные отношения; общественное пространство; мобильность; доступность

Для цитирования: Рогач О.В., Куртенкова Ю.Е., Шахвалиева А.З., Мельникова А.И. Роль инклюзивного дизайна в урбанистике: социологический аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):114-123.

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-114-123

ORIGINAL PAPER

The Role of Inclusive Design in Urbanism: A Sociological Aspect

O.V. Rogach, Yu.E. Kurtenkova, A.Z. Shakhvalieva, A.I. Melnikova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article raises topical issues of creating an inclusive design of the urban environment as a priority principle for the development of urbanized spaces. Based on the analysis of scientific sources, the features of inclusive design of the urban environment and its differences from the universal approach to the design of urban spaces are defined. In particular, the unsuitability of formal adherence to a standardized approach to urban design is noted, stigmatization of the topic of disability in public consciousness and urban planning practices. It is concluded that the principle of inclusiveness is expressed in the ability of an individual to exercise his or her “right to the city”, interacting with other people and communicating in the space of the urban environment. Using the in-depth interview method, an analysis of the inclusive design of the urban environment of the Airport district was conducted. It was found that the distortion of the ideas of inclusive design in urban design practices leads to the emergence of a state of “exclusion” of people with special needs, a

decrease in the possibility of their active participation in the life of the urban community. The practices of “consuming the urban environment” for this category of the population are associated with the search for alternative routes, forms and means of transportation; involving relatives to avoid negative experiences; the formation of “well-established” trajectories of movement to the place of study or a traditional place of rest. The analysis of the materials of in-depth interviews also made it possible to systematize the objects of the Aeroport district according to their adaptability to the needs of people with limited mobility. The lower rates of inclusive adaptability are occupied by public spaces of the urban environment (catering places, coworking spaces, business centers, offices); with an average rate of inclusive adaptability – public transport and road infrastructure (bus stops, sidewalks, metro station, etc.). A high rate of inclusive adaptability is noted in libraries and park recreation areas. An analysis of the respondents’ daily practices allowed us to create a map of the inclusive adaptability of the Airport district.

Keywords: inclusive design; urban environment; district mapping; urban studies; adaptation; social relations; public space; mobility; accessibility

For citation: Rogach O.V., Kurtenkova Yu.E., Shakhvalieva A.Z., Melnikova A.I. The role of inclusive design in urbanism: A sociological aspect. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):114-123. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-114-123

ВВЕДЕНИЕ

Развитие современных городов находится в фокусе исследовательского внимания многих теоретиков конструктивного зонирования урбанизированных территорий, а также практиков, реализующих проекты повышения доступности общественных пространств [1, 2]. Широта охвата научного вопроса создания инклюзивного дизайна в урбанистике позволяет нам сконцентрировать фокус изучения поставленной проблематики на ее социологическом аспекте.

В частности, интерес представляют выводы, сделанные в научных трудах К. Е. Вавулина [3]. Автор обосновывает выбор вектора градостроительных решений на создание крупных жилых комплексов, способных вмещать и обеспечивать потребность в жилье значительного количества горожан. Вместе с тем признается некоторая дисфункциональность такого подхода, где массовая застройка вступает в диссонанс с возможностью города обеспечить население быстрым доступом к рабочим местам и большинству инфраструктурных объектов. Недостаточная проходимость транспортной сети снижает доступ жителей отдельных городских районов к возможностям, которые дает городская среда мегаполисов. В особенности слабость транспортной сети, низкая доступность объектов городской инфраструктуры, отсутствие внимания к потребностям отдельных социальных групп сказывается на мобильности людей с ограниченными возможностями.

Низкое внимание к инклюзивному дизайну городской среды частично может быть объяснено спецификой процессов урбанизации. По мнению Ф. Тённиса, развитие городских пространств происходит с опорой на доминанты экономической целесообразности, что заставляет градостроителей ставить прагматические цели, в особенности если речь идет о коммуникациях и мобильности горожан [4].

Критика подобного подхода встречается в трудах Л. Мамфорда, который полагал нецелесообразным изучение города только лишь с опорой на экономические основы функционирования городских территорий. По мнению ученого, современный город — это в большей степени социальный конструкт, созданный благодаря пересечению «жизни индивидов» в рамках локальных территорий [5]. Такое пересечение обеспечивает наполнение городской среды социальными отношениями, ментальными образами и культурными смыслами, а значит, инклюзивность дизайна городской среды не второстепенная задача городских управленцев, а естественная трансформация облика территории, которая учитывает социальные и коммуникативные потребности человека. Таким образом, не отрицая актуальность изучения современных городов как экономической системы, полагаем целесообразным обратить внимание на изучение городских районов в контексте социальных целей их развития.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

По мнению Р. Парка, город представляет собой «сложный организм», поэтому проводить глубокий анализ его сущностных черт возможно лишь во взаимосвязи множества структурных компонентов и факторов [6]. В частности, городские районы, как структурная единица городской территории, становятся пространством пересечения не только архитектурных и градостроительных решений, но и социально-психологических, культурных и иных факторов. Такой подход позволяет предположить, что инклюзивные процессы должны вносить свой вклад в формирование облика городской среды.

Тезис о «городском одиночестве» индивида постулируется в работах не менее известного основоположника теории урбанизма Л. Вирта [7]. В современных реалиях данный тезис может быть

интерпретирован как необходимость подчинения индивидуальных потребностей и запросов жителей социально-экономической жизни города. Инклюзия в этом контексте рассматривается не как приоритет повышения комфорта жизнедеятельности отдельных социальных групп, а скорее барьер и дополнительная сложность разработки градостроительных решений.

Стоит отметить, что идеи включения индивидоориентированных решений в развитие городского пространства рассматриваются сегодня как социальная задача управления городом. Исходная предпосылка такого методологического подхода заключается в предположении, что дизайн городской среды необходимо разрабатывать, фокусируя внимание на «отдельно взятом индивиде». Иными словами, в основу разработки городской среды должен быть заложен опыт социальной повседневности: маршрутизация горожанина-пешехода, траектории его мобильности (учеба, работа, проведение досуга), возможность получения доступа к объектам инфраструктуры и пр. По мнению российских исследователей, инклюзивный дизайн городской среды должен рассматриваться как «одна из мейнстримных задач современности», которая обусловлена необходимостью решения проблем дискриминации, неравенства доступа и стигматизации темы инклюзии в городском пространстве [8]. Ориентация градостроителей на соблюдение формальных требований и норм не способна воссоздать инклюзивный дизайн городской среды, а лишь унифицирует и стандартизирует повседневные практики горожан [9]. В таком контексте опора на инклюзивные принципы проектирования городской среды предполагает не просто переход от универсальности решений к инклюзивному дизайну, а скорее пересмотр существующей «системы градостроительных координат».

Противопоставление инклюзивности универсальному дизайну городской среды свойственно и зарубежным ученым [10, 11]. В частности, проблематизация идей инклюзивного дизайна городской среды строится на постулате справедливости и равного доступа инвалидов к общественным пространствам. Однако стоит заметить, что за последнее время звучание указанных идей поменяло свою акцентуализацию с «сервисного подхода» на «интеграцию асимметричных мультипотребностей» [12]. Здесь речь идет не о создании среды с доступом к ней лиц, ограниченных в своих возможностях, а о городском пространстве для всех и каждого. Если данные условия не учитывать в проектировании

инклюзивного дизайна городской среды, то это приводит к социальной эксклюзии людей с особыми потребностями и стигматизации темы инвалидов в общественном сознании. Следствием искажения идей инклюзивного дизайна в практиках городского проектирования также становится нарушение социальных связей и снижение возможности их активного участия в жизни общества [13]. Таким образом, инклюзивный дизайн городской среды призван решать задачи не только в материальной плоскости городского пространства, но и в его социокультурном дискурсе.

Также важной методологической задачей инклюзивного дизайна видится получение обратной связи и рефлексия опыта повседневных практик «потребления» городского образа жизни. Для решения указанной задачи весьма результативным инструментом может стать картографирование района. К вопросу создания ментальных карт как атрибутного образа города и его районов обратился еще К. Линч. В своих работах ученый акцентировал внимание не на топографии и инфраструктурном срезе городского пространства, а на интересующем восприятии горожан городской среды [14]. В частности, Линч обращался к когнитивному восприятию горожанином отдельных аспектов городской среды: запаха, звуков, рефлексии чувств, вызываемых пребыванием в определенной «точке» городского пространства. Такой подход к анализу урбанизированных пространств позволяет увидеть их глазами обычного человека и в дальнейшем дифференцировать районы на основе сформированных атрибутивных образов.

Вместе с тем метод топографического картографирования городских районов все более востребован благодаря увеличению запросов на создание инклюзивного дизайна городской среды как физического отражения возможности каждого реализовать «право на город». Это связано с возможностями метода картографирования — получением макета — продукта визуализации городской среды. Возможность масштабирования практик разработки карт городских районов с помощью цифровых технологий позволяет повысить эффективность экспертизы градостроительных решений и расширить эмпирические возможности городских исследований.

МЕТОД

Несмотря на свою высокую социальную значимость, концепция инклюзивного дизайна городской среды остается малоизученным направлением

Таблица 1 / Table 1

Социально-демографический профиль информантов / Socio-demographic profile of respondents

Информант	Пол	Возраст, лет	Статус	Ограничения здоровья
1	Мужчина	40	Работает	Опорно-двигательные нарушения
2	Женщина	39	Работает	
3	Женщина	23	Студентка, работает	
4	Женщина	20	Студентка, работает	

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

в городском планировании. Авторами ставится задача — провести анализ инклюзивного дизайна городского района, в том числе изучить потенциал его адаптивности и возможности удовлетворить потребность в мобильности людей с особыми потребностями. Пилотный характер исследования определил выбор территориальных границ исследования (район Аэропорт города Москвы) и метода исследования (глубинные интервью). В данной статье приводятся материалы интервью с 4 информантами, каждый из которых имеет ограниченные возможности в передвижении (табл. 1).

Подбор информантов производился через личное обращение в волонтерскую организацию студенческого сообщества и социальные сети.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В своих интервью информанты отмечают наличие в районе всех необходимых объектов инфраструктуры, однако удобство их использования сопряжено с рядом проблем:

Информант 1: «Есть несколько хороших кафе, но в некоторых местах тесно».

Информант 2: «Рядом с моим домом есть все необходимые магазины, аптеки, кафешки... <но> не смогла попасть в кафе с друзьями, потому что там нереально было попасть внутрь из-за коляски, не было ни лифта, ни пандуса, ничего».

Информант 3: «... часто встречаются ступеньки без пандусов».

Можно предположить, что задача городского проектирования заключается вовсе не в создании универсального дизайна городской среды, способного удовлетворить спрос на повседневные и досуговые практики среднестатистического горожанина. В этом случае фокус внимания городских проектировщиков смещается на воссоздание в городском пространстве формальных типовых требований и стандартов. Однако инклюзивный дизайн как концепция, взятая за основу планировки город-

ской среды, выступает противовесом формализму городских властей.

Информант 1: «Часто делают не думая, для галочки».

Информант 4: «Большая часть оборудованных мест такими не являются».

Такой подход городских проектировщиков ограничивает доступ инклюзивных групп населения к объектам городской среды, снижает качество их жизни. Можно предположить, что инклюзивный дизайн городской среды не должен являться простым технологическим ответом физического пространства города на потребности маломобильных граждан, а скорее учитывать создание основы для устойчивого развития современного общества в целом.

Во многом инклюзивный дизайн городской среды связывают со свободой передвижения индивида, отсутствием существенных ограничений его мобильности в реализации коммуникативных практик. Принцип инклюзивности выражается в возможности индивида реализовать свое право на город, вступая во взаимодействие с другими людьми и осуществляя коммуникации в пространстве городской среды. Однако в оценках информантов данный аспект достаточно проблематизирован (табл. 2).

Проблему доступности городской среды невозможно решить фрагментарно или символически позиционируя локальные городские объекты как доступные и адаптивные. Голос инклюзивной группы горожан практически не слышен в общих социально-экономических и политических реалиях развития урбанизированных пространств, однако можно предположить, что проблема заключается не столько в низком спросе на инклюзивный дизайн, сколько в недостатке «предложений» городской среды.

В ходе интервью установлено, что дополнительные сложности в передвижении у информантов имеют сезонный характер. В частности, несвоевременная уборка снега, гололед и другие особенности

**Материалы открытого кодирования интервью по параметру «доступность передвижения» /
Open Coding Materials of Interviews on the Parameter “Accessibility of Movement”**

Параметр	Шкала измерения	Реплики информантов
Доступность общественного транспорта	Наличие низкопольного транспорта	1: «На некоторых ветках старые необорудованные станции, БКЛ лучше всех». 2: «Мысль о поездке на автобусе сразу заставляет меня выбрать такси». 4: «Пользуюсь общественным транспортом, водители знают и помогают»
	Состояние остановок и их доступность	1: «Некоторые остановки не оборудованы для людей с ограниченными возможностями». 3: «Добраться до остановок бывает сложно, особенно если <дороги> в плохом состоянии»
Доступность метро	Наличие лифтов	1: «Некоторые станции неудобны из-за отсутствия лифтов, особенно на старых станциях». 3: «Однажды лифт на станции метро был сломан, и мне пришлось звонить родителям, чтобы они забрали меня»
	Удобство передвижения внутри станций	2: «В метро на некоторых станциях неудобные эскалаторы и узкие проходы и часто приходится делать лишние повороты, чтобы найти выход, что тоже затрудняет передвижение». 3: «Не все станции оборудованы»
Трудности передвижения на коляске	Состояние тротуаров и пандусов	3: «Тротуары часто разбиты». 4: «Тротуары в основном хорошие, но иногда бывают участки с неровностями»
	Наличие альтернативных маршрутов	1: «Иногда приходится искать другие маршруты». 3: «Часто просто беру такси и добираюсь сразу до нужного места, чтобы избежать неожиданных препятствий». 4: «Знаю, где пройти альтернативными путями»

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

осенне-зимнего периода ограничивают передвижение, снижая адаптивность района.

Информант 2: «Зимой, особенно при гололеде, трудно передвигаться по улице... Дорожки плохо чистят».

Информант 4: «Зимой бывает сложно из-за снега».

Сниженное внимание городских властей к мобильности людей с особыми потребностями создает зону риска для их физического присутствия в городской среде, обостряя негатив социальной эксклюзии. Все информанты отметили поддержку близких родственников, друзей и третьих лиц, без которой, несмотря на стремление информантов к самостоятельности, невозможно решить отдельные проблемы, так как в ряде случаев уровень инклюзивности городской среды не позволяет это сделать.

Информант 1: «С сопровождающим легче ориентироваться, безопаснее, быстрее, но стараюсь и сам».

Информант 2: «В незнакомые места мне комфортнее ехать с мужем... Но в основном стараюсь справляться сама».

Информант 3: «Обычно я стараюсь справляться сама, но на длительные маршруты или в незнакомые места беру с собой кого-то из родителей».

Готовность прохожих оказать необходимую помощь в случае возникновения затруднений — позитивный социальный фактор, озвученный в рассказах информантов: «прохожие всегда готовы помочь», «много равнодушных людей», «прохожие часто предлагают помощь», «иногда обращаюсь за помощью», «часто прошу о помощи». Однако сама необходимость такой помощи указывает на су-

Таблица 3 / Table 3

Инклюзивная адаптивность объектов городской среды к потребностям маломобильных групп населения / Inclusive adaptability of urban environment objects to the needs of people with limited mobility

Объект городской среды	Шкала измерения инклюзивной адаптивности (степень)	Реплики информантов
Библиотеки	Высокая	4: «Люблю библиотеки, они хорошо оборудованы»
Места общественного питания	Низкая	4: «В кофейне не было для меня места»
Магазины	Средняя	3: «В магазинах ... часто встречаются ступеньки без пандусов, что тоже создает проблемы»
Коворкинги, деловые центры, офисы	Низкая	3: «Я не смогла поехать на деловую встречу, потому что здание не было оборудовано для людей с инвалидностью...»
Общественный транспорт (остановки, станции метрополитена и пр.)	Средняя	1: «... на маршрутках <ездить> невозможно». 3: «<сложности с тем, чтобы добраться до остановок общественного транспорта, прим. авт.> ... тротуары узкие или в плохом состоянии». 4: «Сама не спускаюсь в метро, но друзья говорят, что помогают хорошо»
Парковые зоны	Высокая	3: «Парк — это единственное место для отдыха, которое мне подходит». 1: «Есть специальное оборудование на кресло, но сложнее всего гулять из-за особенностей организма»

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

щественные недочеты в инклюзивном дизайне городской среды. Анализ материалов глубинных интервью позволил систематизировать объекты района Аэропорт по их адаптивности к потребностям маломобильных горожан (табл. 3).

Примечательно, что объекты, составляющие наиболее популярные точки маршрутов типичного горожанина (магазины, точки питания, офисы и пр.), имеют низкий уровень инклюзивной адаптивности; тогда как менее расхожие объекты городской среды (например, библиотеки) обладают высоким адаптивным потенциалом.

В заключительной части интервью информантам было предложено оценить эмоциональный аспект восприятия инклюзивного дизайна городской среды района Аэропорт. Стоит отметить общую негативную тональность в полученных ответах, доминирование чувства беспомощности, злости и вынужденного оптимизма.

Информант 1: «Это часто сложно».

Информант 2: «Это неприятно и иногда вызывает разочарование».

Информант 3: «Это вызывает разочарование и иногда злость».

Информант 4: «Стараюсь не расстраиваться и искать выход ... не нравится сочувствие со стороны людей».

На основе материалов глубинного интервью авторами предпринята попытка составить карту инклюзивной адаптивности городского района. Для визуализации полученных результатов использован метод картографии, позволяющий комплексно описать городскую среду, отразить доступность инфраструктурных объектов, выбрать альтернативные маршруты и формы передвижения. В рамках данной статьи представлен базовый вариант карты района, составленный по описанию ключевых точек присутствия информантов (см. рисунок). Линии на карте отражают разные точки «входа в маршрут»:

Сплошная линия (Голубой): м. Петровский парк — аптека «Не болей» — ВТБ Арена — Петровский парк — (наверх) Реабилитационный центр «Преодоление — обратно) Аптека 11 — Аптека

«Горздрав» — Сбербанк — (обратно) Почта России — Магнолия — ГБУЗ Городская поликлиника № 62 ДЗМ — (обратно) Банк ВТБ.

Стрелки (Синий): м. Аэропорт — ТЦ ТК «Галерея Аэропорт» — сквер / Амбулаторный пруд — Аптека 36,6 — магазин «Пятерочка» — РЖД-Медицина — (обратно и налево) ВкусВилл — (в том же здании) Магнит — (обратно) Почта России — (обратно и налево) Антикафе «Жучки –пауки» — «Ясный взор».

Пунктир: автобусная остановка «Сокол» — (направо) Альфа-Банк — (обратно) ТЦ «Метромаркет» — Сбербанк — «Ичибан Боши» (японский ресторан).

В ходе составления карты адаптивности городской среды к потребностям маломобильных граждан установлено, что улочки района Аэропорт в отличие от более оживленных дорог имеют плохое покрытие, тротуары, предназначенные для движения пешеходов, фрагментарны и в ряде случаев не имеют общих связей, что в совокупности со спецификой размещения жилого фонда (запутанное соединение придомовых территорий) затрудняет маневрирование и выстраивание альтернативных путей передвижения. Крупные торговые центры в отличие от местечковых магазинов и точек роз-

ничной торговли имеют более удобное оборудование и возможность передвижения для людей с ограниченной мобильностью, однако посещение ряда внутренних объектов затруднительно из-за малых пространств и неудобства внутренней расстановки.

Посещение банков и парковых зон достаточно удобно, однако имеются сложности с доступом, так как удаленность данных объектов от центральных улиц затрудняет пешую доступность из-за состояния дорожного покрытия и использования общественного транспорта.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показал значимость взаимосвязи развития урбанизированных пространств и концептуальных основ инклюзивного дизайна. Его роль сегодня инкорпорируется в универсальных ценностях (доступность городской среды для каждого индивида, возможность выбора форм и траекторий индивидуальной мобильности, снижение давления стереотипов и стигм в теме инвалидов). На практике инклюзивный дизайн городской среды призван не только обеспечить возможность доступа и рост мобильности людей с физическими

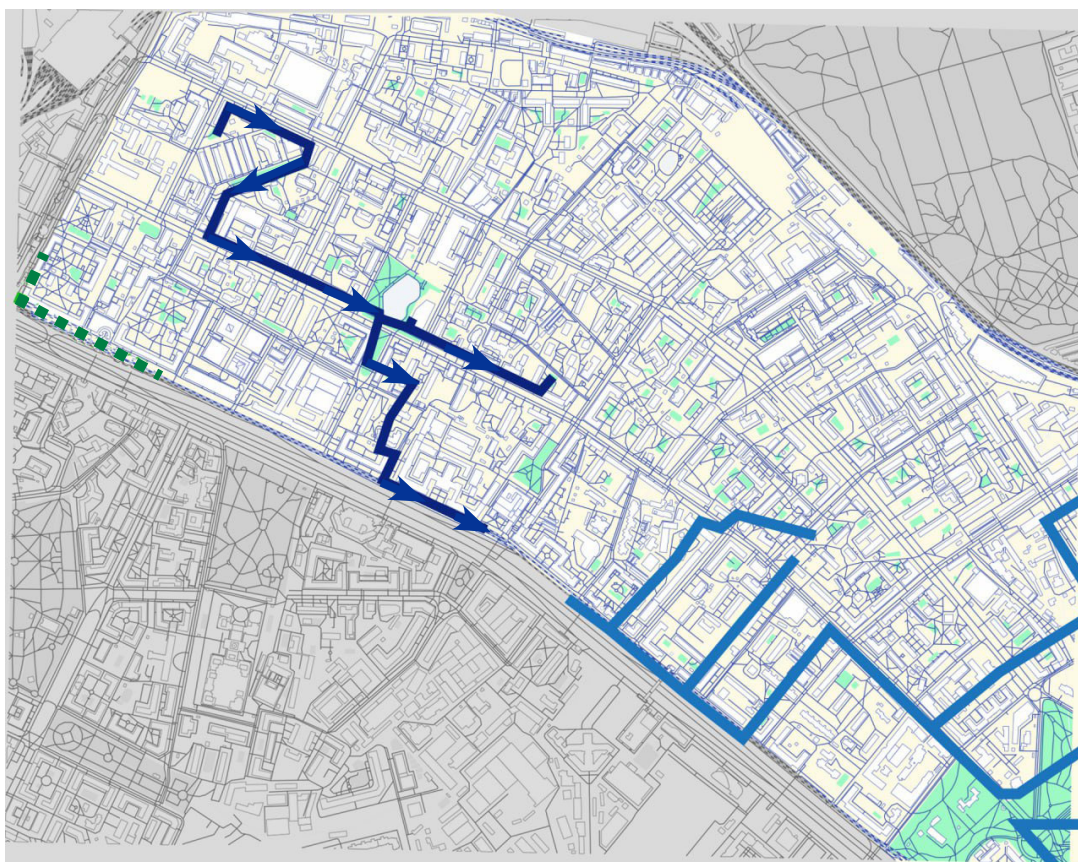

Рис. / Fig. Маршрутизация информантов / Routing of respondents

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

особенностями, но и представить действенный инструмент реализации права каждого на город. Такая трактовка предполагает отказ от дифференциации повседневных практик типичного горожанина с учетом особых потребностей. Речь здесь идет не о создании отдельных зон доступности, а о возможности каждого горожанина реализовать свои потребности и интересы. Искажение идей инклюзивного дизайна в практиках городского проектирования приводит к возникновению состояния «исключенности» из городской жизни отдельных категорий населения, снижению возможности их активного участия в социуме.

Проведенная оценка инклюзивного дизайна среды городского района Аэропорт позволила установить дисфункции в городском планировании и систематизировать объекты согласно их инклюзивной адаптивности. В категории адаптивных объектов оказались парки, библиотеки, часть общественных пространств и транспортной инфраструктуры, к которым имеется безбарьерный доступ. Однако чаще всего информанты относили объекты городской среды к категории низкоадаптивных, отмечая

проблемы с работой специального оборудования, формальный подход властей к проектированию, а также отсутствие внимания к особым потребностям горожан (нет места, не могли войти, не могли добраться и пр.).

Позитивный социокультурный фон, выраженный в поддержке сообщества (предлагают и оказывают помощь в случае необходимости), не компенсирует неспособность инклюзивного дизайна городской среды обеспечить эмоциональную включенность людей с особыми потребностями в городские практики. Доминирующие эмоции маломобильных граждан носят характер разочарования, злости и попыток создать для себя более оптимистичный настрой. В последнем случае практики «потребления городской среды» связаны с поиском альтернативных маршрутов, форм и средств передвижения; привлечением родственников для снижения негативного опыта; формированием зон комфорта (библиотеки, парки). Авторами предпринята попытка, используя метод картографии, составить маршрутизацию информантов и проиллюстрировать инклюзивную адаптивность района Аэропорт.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках научно-исследовательской работы ВТСК № 173 на тему: «Разработка карты инклюзивной адаптивности района Аэропорт».

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out within the framework of the research work of VTSK № 173 on the topic: "Development of an inclusive adaptability map for the Airport district".

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Божок Н.С. Инклюзивная культура городских сообществ: на примере исторических реконструкторов. *Урбанистика*. 2020;3:61–74. DOI: 10.7256/2310–8673.2020.3.33758
2. Ярская-Смирнова В.Н. Противоречия городского социального времени: дискурсы инклюзии и деинституционализации (постановка проблемы). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2018;18(3):242–249. DOI: 10.18500/1818–9601–2018–18–3–242–249
3. Вавулин К.Е. Концепция города для людей в творчестве отечественных и зарубежных исследователей. *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2022;24(1):67–77. DOI: 10.31675/1607–1859–2022–24–1–67–77
4. Тённис Ф. *Общность и общество: основные понятия чистой социологии*. Москва: Фонд «Университет», 2002. 448 с.
5. Mumford L., Miller M.C. *The Culture of cities*. Open Road Media. 2016. 138 с.
6. Парк Р. Город как социальная лаборатория. Пер. с англ. С. Баньковская. *Социологическое обозрение*. 2002;2(3):3–12.
7. Вирт Л. *Урбанизм как образ жизни*. Москва: Strelka Press; 2016. 108 с.
8. Наберушкина Э.К., Радченко Е.А., Мирзаева Е.Р. Инклюзивный дизайн (обзор зарубежных концепций). *Теория и практика общественного развития*. 2023;(2):30–35. DOI:10.24158/tpor.2023.2.3
9. Сулейменова М.Э., Мауленова Г.Д., Самойлов К.И. Социальные аспекты воздействия архитектурно-градостроительной деятельности. *Наука и образование сегодня*. 2024;2(79):84–91.
10. Clarkson J.P., Coleman R. History of inclusive design in the UK. *Applied Ergonomics*. 2015;46:235–247. DOI:10.1016/j.apergo.2013.03.002

11. Imrie R., Hall P. Inclusive design. Design and development of accessible environments. L.; 2001. 202 p. DOI: 10.4324/9780203362501
12. Одинцова Ю.В. Организация и трансформация городской среды на основе соотношения порядков координации в иерархической системе мест. *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2020;15(1):25–83. DOI: 10.17072/1994-9960-2020-1-25-83
13. Шмелева И.А., Беляев В.А. Инклюзивная среда города в контексте культуры на примере Санкт-Петербурга. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2021;1(30):50–57. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-30-50-57
14. Линч К. Образ города. Москва: Стройиздат; 1982. 328 с.

REFERENCES

1. Bozhok N.S. Inclusive culture of urban communities: On the example of historical reenactors. *Urban studies*. 2020;3:61–74. (In Russ.). DOI: 10.7256/2310–8673.2020.3.33758
2. Yarskaya-Smirnova V.N. Contradictions of urban social time: discourses of inclusion and deinstitutionalization (problem statement). *News of Saratov University. New series. Series Sociology. Political Science*. 2018;18(3):242–249. (In Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-242-249
3. Vavulin K.E. The concept of the city for people in the works of domestic and foreign researchers. *Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*. 2022;24(1):67–77. (In Russ.). DOI: 10.31675/1607–1859–2022–24–1–67–77
4. Tönnies F. Community and society: Basic concepts of pure sociology. Moscow: University Foundation; 2002. 448 p. (In Russ.).
5. Mumford L., Miller M.C. The Culture of Cities. *Open Road Media*. 2016. 138 p.
6. Park R. The city as a social laboratory. Transl. from Eng. *Sociological review*. 2002;2(3):3–12. (In Russ.).
7. Wirth L. Urbanism as a way of life. Moscow: Strelka Press; 2016. 108 p. (In Russ.).
8. Naberushkina E.K., Radchenko E.A., Mirzaeva E.R. Inclusive design (review of foreign concepts). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2023;2:30–35. (In Russ.). DOI:10.24158/tipor.2023.2.3
9. Suleimenova M.E., Maulenova G.D., Samoilov K.I. Social aspects of the impact of architectural and urban planning activities. *Nauka i obrazovaniye segodnya = Science and education today*. 2024;2(79):84–91. (In Russ.).
10. Clarkson J.P., Coleman R. History of inclusive design in the UK. *Applied Ergonomics*. 2015;46:235–247. DOI:10.1016/j.apergo.2013.03.002
11. Imrie R., Hall P. Inclusive design. Design and development of accessible environments. L.; 2001. 202 p. DOI: 10.4324/9780203362501
12. Odintsova Yu.V. Organization and transformation of the urban environment based on the relationship of orders of coordination in the hierarchical system of places. *Bulletin of Perm University. Series: Economy*. 2020;15(1):25–83. (In Russ.). DOI: 10.17072/1994-9960-2020-1-25-83
13. Shmeleva I.A., Belyaev V.A. Inclusive urban environment in the context of culture on the example of St. Petersburg. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2021;1(30):50–57. (In Russ.). DOI: 10.36809/2309-9380-2021-30-50-57
14. Lynch K. Image of the city. Moscow: Stroyizdat; 1982. 328 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ольга Владимировна Рогач — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Olga V. Rogach — Dr. Sci. (Soc), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
 OVRogach@fa.ru

Юлия Евгеньевна Куртенкова — студент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yulia E. Kurtenkova — student of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-6076-0653>

kurtenkova.04@mail.ru

Алина Зурабовна Шахвалиева — студент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alina Z. Shakhvalieva — student of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-7158-0000>

222903@edu.fa.ru

Анастасия Ивановна Мельникова — студент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Anastasia I. Melnikova — student of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-0858-3135>

225341@edu.fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.04.2025; принята к публикации 07.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.04.2025; accepted for publication on 07.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-124-132

УДК 316.7(045)

Развитие общественных пространств как объектов туристского притяжения

Е.В. Фролова, А.А. Калинин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика развития общественных пространств современных городов как объектов туристского притяжения, анализируются ключевые проблемы и перспективы наращивания их потенциала. Роль общественных пространств в развитии внутреннего туризма определяется совокупностью факторов мотивации социальных субъектов при выборе туристских маршрутов прежде всего в контексте культурно-познавательного и событийного туризма. Наряду с когнитивно-рациональными факторами особую значимость представляет эмоционально-личностная мотивация туриста (потребность в сенсорном опыте, эмоциях, впечатлениях, визуальной привлекательности места). Результаты проведенных исследований позволили сделать вывод о наличии ряда дисфункций в развитии общественных пространств современных городов, их недостаточной визуальной и функциональной привлекательности для потенциального туриста. Дефициты финансовых средств в местных бюджетах не позволяют в полной мере поддерживать высокий уровень благоустройства общественных пространств прежде всего в малых городах. Каждый пятый опрошенный респондент в ходе исследования отметил недостаточность мест для проведения досуга. Одной из современных проблем функционирования общественных пространств становится их «переход» из публичных городских территорий в коммерциализированную зону торгово-развлекательных центров. В статье выделяются функции общественных пространств: интеграционная, коммуникационная, досуговая, социокультурная (создание условий реализации культурно-духовных интересов личности, поддержание разнообразия в городской среде), имиджевая (формирование территориального бренда и имиджа). Сделан вывод о необходимости фокусировки усилий местных органов власти на развитии общественных пространств как объектов туристского притяжения, повышении их визуальной привлекательности, аутентичности, своеобразия, активизации событийной повестки.

Ключевые слова: общественные пространства; туристическая привлекательность; визуализация; досуг; культурно-познавательный туризм

Для цитирования: Фролова Е.В., Калинин А.А. Развитие общественных пространств как объектов туристского притяжения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):124-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-124-132

ORIGINAL PAPER

Development of Public Spaces as Objects of Tourist Attraction

E.V. Frolova, A.A. Kalinkin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article considers the specifics of development of public spaces of modern cities as objects of tourist attraction, analyzes key problems and prospects for increasing their potential. The role of public spaces in development of domestic tourism is determined by a set of motivating factors social subjects when choosing tourist routes, primarily in the context of cultural, educational and event tourism. Along with cognitive and rational factors, emotional and personal motivation of a tourist (the need for sensory experience, emotions, impressions, visual attractiveness of a place) is of particular importance. The results of the research allowed us to conclude that there are a number of dysfunctions in development of public spaces of modern cities, their insufficient visual and functional attractiveness for a potential tourist. Insufficient of financial resources in local budgets do not allow to maintain a high level of improvement of public spaces, primarily in small towns. Every fifth respondent surveyed during the study noted the insufficient number of places for leisure. One of the modern problems of functioning of public spaces is their "transition" from public urban areas to the commercialized zone

of shopping and entertainment centers. The article highlights the functions of public spaces: integration, communication, leisure, socio-cultural (creation of conditions for the implementation of cultural and spiritual interests of the individual, maintaining diversity in the urban environment), image (formation of a territorial brand and image). A conclusion is made about the need to focus the efforts of local authorities on the development of public spaces as objects of tourist attraction, increasing their visual attractiveness, authenticity, originality, and activating the event agenda.

Keywords: public spaces; tourist attractiveness; visualization; leisure; cultural and educational tourism

For citation: Frolova E.V., Kalinkin A.A. Development of public spaces as objects of tourist attraction. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025; 15(1):124-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-14-1-124-132

ВВЕДЕНИЕ

Качество жизни населения в условиях стремительной урбанизации во многом определяется наличием и доступностью общественных пространств, удовлетворяющих потребности и запросы жителей [1]. Как справедливо отмечается в многочисленных исследованиях, именно общественные пространства как социальные поля городских коммуникаций и гражданской активности обеспечивают «воспроизводство города как целого» [2]. Для молодежи общественные пространства становятся территорией «исследования и присвоения города», обретения индивидуальной и коллективной идентичности [3]. Большие города в условиях высокого ритма жизни, дифференциации интересов и потребностей жителей, сужения радиуса семейно-родственных связей актуализируют значимость развития публичных мест досуга и общения, позволяющих поддерживать вербальные коммуникации, обеспечивать визуализацию городских образов [4], локализовать интеграционные процессы.

Общественные пространства представляют собой масштабный ресурс развития туристической привлекательности города, формирования его имиджа в контексте обеспечения комфорта, дифференциации досуговых практик для туристов, возможностей получения новых впечатлений. Такое динамично развивающееся направление, как событийный туризм, основывается, с одной стороны, на содержательной повестке мероприятий, а с другой стороны, на физическом фундаменте организации события, локализованном в определенных общественных пространствах города. Аналогичным образом развитие культурно-познавательного туризма опирается как на востребованность точек туристского притяжения, интерес к территориальному культурно-историческому наследию, так и на соответствующую инфраструктуру досуга, культурные институции, публичные пространства, наделяемые территориальными смыслами и символической ценностью. Результаты исследований свидетельствуют, что в условиях доминирования трендов потребления впечатлений туристы ориентированы на поиск новых эмоций,

ярких визуальных образов, консолидированных в уникальной, аутентичной городской среде [5]. Решение данной задачи во многом обеспечивается сохранением исторической застройки, поддержания городской идентичности в ходе реализации архитектурно-планировочных решений [6]. В данном контексте именно общественные пространства в наибольшей степени обладают символическим капиталом, который может быть конвертирован в туристическую привлекательность города. «Ассоциативность» и «знаковость» публичных городских пространств связаны с отражением исторических эпох в их ансамбле, планировке, архитектурном содержании. Грамотно выстроенное общественное пространство обеспечивает реализацию не только досуговой функции для жителей и туристов, но и становится определенным фактором личностно-формирующего влияния [7]. В частности, эстетика и функциональность общественных пространств формируют культуру поведения туриста, практики гостеприимства, нетерпимое отношение к разрушительному поведению (актам вандализма).

Результаты исследований позволяют выдвинуть осторожное предположение о том, что современный турист, прежде всего молодежь, в своем выборе ориентирован не столько на когнитивно-рациональные факторы (продукт, цена и ее соотношение с качеством), сколько на эмоционально-личностную мотивацию. Так, в научных работах постулируется необходимость учета сенсорного опыта современного туриста, его фокусировки на эмоции, впечатления, физическую включенность в туристские практики [8], визуальную привлекательность, иммерсивность, позволяющую «не скучать» [9]. Факторами эмоционально-личностной мотивации молодежи становятся культура, мода, эстетичность продукта, визуализация, статусная идентичность потребления, уникальность, аутентичность [10; 11]. Городская среда может стать фундаментом развития туристической привлекательности при условии реализации научно-обоснованных подходов, регламентирующих процессы ее модернизации. Исследователи говорят о таких ориентирах, как поиск «необычного и причудливого», необходимости

интеграции в городской среде исторически сложившихся архитектурных форм и вторично возведенных построек [12]. Общественные пространства, как территории коллективной жизни, коммуникаций и досуга, должны отвечать ключевым постулатам концепции устойчивого развития, соответствовать принципам «экологичности, архитектурного и ландшафтного разнообразия», обеспечивать удовлетворение потребностей местных жителей и туристов, повышение качества жизни [13].

Однако современные города в условиях снижения финансовых инвестиций, бюджетного дефицита не обладают достаточными ресурсами для формирования и развития комфортной городской среды и общественных пространств. Уже сложившаяся городская инфраструктура, массовая типовая застройка не позволяют в полной мере реализовать инновационные архитектурные решения, направленные на повышение уровня разнообразия городской среды, аутентичность общественных пространств. Справедливо отметить, что массовая застройка типовым жильем, которая отчасти привела к ряду деформаций эстетического облика городов, была продиктована насущной необходимостью обеспечения населения отдельными благоустроенными квартирами в годы советской власти [14].

Тем не менее российские ученые отмечают дисфункциональность городского управления процессами развития общественных пространств, что связано с потерей территориальной идентичности, преобладанием унифицированных шаблонных решений, расширением промышленно-индустриальных зон в городской среде. Даже популярные туристские дестинации характеризуются деструкциями развития общественных пространств, такими как «раздробленная структура застройки», неэффективность стилистических решений, разорванность пешеходных линий, разрушенные панорамы [15]. Современные туристы и городские жители в большинстве своем сталкиваются с обезличенной застройкой, «псевдопубличными» общественными пространствами, концентрированным представительством торгово-развлекательных центров [16].

Надо отметить, что проблема коммерциализации общественных пространств, обусловленная доминированием объектов потребительского рынка в городской среде и их постулированием в качестве основных площадок досуга и общения для молодежи, становится весьма острой. Как отмечается в современных исследованиях, разрушение городского публичного пространства связано с его трансформацией, распадом на узловые площадки

потребления: кафе, рестораны, магазины, торговые центры. Комфортность пребывания в таких общественных пространствах обусловлена наличием финансовых возможностей индивида [17]. Таким образом, можно предположить, что современные города, допуская разрушение общественных пространств, инициируют рост заградительных барьеров для малообеспеченных слоев населения. «Псевдопубличность» общественных пространств может выступать новым вызовом в условиях падения доходов населения, фактором формирования социальной эксклюзии в городской среде.

МЕТОД

Цель авторского исследования заключалась в анализе ключевых тенденций развития общественных пространств как объектов туристского притяжения, осмыслении их роли в формировании туристической привлекательности современных городов.

Основными методами исследования стали:

- анкетный опрос населения по вопросам развития инфраструктуры муниципальных образований; количество опрошенных респондентов составило 844 человека. Для анализа поставленных в данной статье задач была дана интерпретация результатов по блоку вопросов, посвященных объектам досуговой инфраструктуры;
- опрос руководителей муниципальных образований по вопросам деятельности органов местного самоуправления; количество опрошенных экспертов составило 188 человек. Инструментарий опроса включал несколько блоков анкеты, ряд вопросов позволил выделить ключевые проблемы развития общественных пространств как объектов туристского притяжения в оценках руководителей муниципалитетов;
- вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных Фондом «Общественное мнение»; выборка включала в себя 1500 респондентов в 53 субъектах РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социальная инфраструктура и ее элементы, в первую очередь объекты, обеспечивающие эстетику внешнего облика города, его благоустройство и общественные пространства, представляют собой физический базис развития туристической привлекательности российских территорий. Несмотря на наличие колоссального туристского потенциала, включающего в себя богатство природы и культур-

но-исторического наследия России, без соответствующей планомерной работы по развитию социальной инфраструктуры привлечение значительных туристских потоков в город представляется весьма затруднительной задачей. Динамичное развитие цифровизации, масштабирование информации в сети Интернет иницируют достаточно высокую активность потенциальных туристов в поиске нужных сведений о предстоящей поездке, территории проживания. Отсутствие базовых инфраструктурных объектов в данном контексте становится фактором для смены локации при планировании путешествия. Результаты исследования показали, что малые города и в современных условиях находятся в весьма уязвимой позиции (см. таблицу). Неудовлетворительные оценки (суммарная доля баллов «1» и «2») по инфраструктурному профилю территории отражены в ответах $\frac{1}{3}$ жителей малых городов (33,1%) и в более чем в половине ответов сельских жителей (60%).

Крупные города, аккумулируя в своих бюджетах значительные финансовые ресурсы, обладают большими возможностями для развития социальной инфраструктуры, обеспечения населения качественными услугами культурно-досуговой сферы [18]. Региональная дифференциация, выраженная в неравном доступе к финансовым ресурсам, формирует сужение возможностей развития туризма для отдаленных регионов, малых и сельских территорий за счет недостаточности объектов социальной инфраструктуры, нехватки финансовых средств для их формирования. В данных условиях сельские поселения, которые могли бы рассматриваться в качестве площадок для развития агротуризма, имеют весьма низкий потенциал привлечения потенциального туриста. Результаты исследования,

таким образом, иллюстрируют определенное противоречие между потенциалом развития туризма впечатлений, основанного на эксклюзивности и аутентичности малых городов, сельских поселений РФ, и инфраструктурными ограничениями данных муниципальных образований.

Аналогичная картина представлена в ответах руководителей муниципальных образований. При ответе на вопрос об ограничениях социально-экономического развития российских территорий более половины руководителей (54,8%) обозначили высокую значимость инфраструктурных проблем. Еще треть опрошенных экспертов (39,4%) выбрали вариант «отчасти» в ответах на данный вопрос. Только 5,8% руководителей муниципалитетов оценили инфраструктурное обеспечение территории в благоприятном ключе («нет проблемы / не имеет значения»).

Инфраструктурные ограничения касаются всего комплекса туристских услуг и продуктов, снижая общую привлекательность места в глазах потенциальных туристов. В научных исследованиях высказывается мнение, что опыт международных путешествий, полученный россиянами, сформировал достаточно высокий уровень запросов к территориальной инфраструктуре, туристским услугам [19], визуальному и содержательному наполнению общественных пространств. Интерес представляет тот факт, что, по результатам исследования Фонда «Общественное мнение», 29% граждан нашей страны никогда не выезжали на отдых в другие регионы России, еще 19% предпринимали такие поездки 10 и более лет назад. При этом 49% из числа путешествующих респондентов отметили улучшение условий для развития внутреннего туризма. Доминирующими факторами развития турист-

Таблица / Table

**Оценка уровня развития инфраструктуры в различных типах муниципальных образований, % /
Assessment of the level of infrastructure development in various types of municipalities, %**

Тип поселения Баллы	Шкала оценивания, %				
	5	4	3	2	1
Сельское	8,0	16,0	16,0	34,0	26,0
Город:					
Малый	7,1	25,3	34,3	24,2	9,1
Средний	12,6	34,6	39,6	10,4	2,7
Крупный	47,8	33,5	12,1	2,9	3,7

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

ского потенциала российских городов россияне видят улучшение инфраструктуры, разнообразие туристских услуг, благоустройство общественных пространств, повышение качества организации досуга, развлечений. В ходе ответа на открытый вопрос и уточнения позиции «благоустройство» были высказаны следующие мнения: «преображается все», «города становятся краше», «стали чистыми улицы», «места отдыха благоустраиваются». Среди тех респондентов, которые отметили ухудшение условий для развития внутреннего туризма, в первую очередь было высказано мнение о высокой стоимости, дороговизне путешествий*.

Таким образом, анализ массового опроса позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, недостаточный уровень интереса респондентов к внутреннему туризму (29% никогда не выезжали в другой регион страны). Во-вторых, драйверами привлечения потенциальных туристов становятся инфраструктурные факторы, позволяющие повышать качество услуг, обеспечивать визуализацию новых впечатлений, позитивные эмоции. Данный тренд ориентирует органы власти на популяризацию точек туристского притяжения, которыми, в первую очередь, могут выступать общественные пространства. В условиях падения доходов населения, отмеченных финансовых барьерах развития внутреннего туризма акцент на публичные общественные пространства может стать фундаментом привлечения туриста с ограниченным бюджетом.

В дополнение к полученным выводам отметим, что каждый пятый опрошенный респондент (21,7%) в ходе нашего исследования отметил такую проблему, как отсутствие мест для проведения досуга. Таким образом, можно предположить, что данный фактор выступает существенным ограничением в практиках дифференциации туристских услуг. Наиболее существенные риски, обусловленные недостаточностью общественных пространств для организации досуга, связаны с вовлечением молодежи в туристские практики. Молодые люди в своих предпочтениях, как уже отмечалось в теоретической части данной статьи, в большей степени ориентированы на продукты и услуги туризма впечатлений. Приобщение к объектам культурно-исторического наследия выступает важным, но не основным атрибутом в планировании туристского визита для молодых людей.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос об уровне благоустройства общественных

пространств города. Большинство ответов (48,8%) центрируется в среднем диапазоне, 41,9% оценили благоустройство городских общественных пространств как высокое (см. *рисунк*).

Интерес представляет тот факт, что оценки руководителей муниципальных образований по схожим критериям несколько ниже. Так, 30,9% экспертов поставили неудовлетворительные оценки (суммарно «1» и «2» балла из пяти возможных) по такому критерию, как благоустройство территории. Еще 16% остановились на среднем диапазоне оценивания (выбрали вариант ответа «3» балла). Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне критичности руководителей муниципалитетов, учитывая тот факт, что деятельность по благоустройству территории относится непосредственно к компетенции органов местного самоуправления. Оценки уровня развития культурно-досуговой инфраструктуры в ответах руководителей муниципальных образований несколько выше в сравнении с критерием «благоустройство». Так, только 18,6% экспертов указали на неудовлетворительное состояние культурно-досуговой инфраструктуры. При этом более половины опрошенных (60,1%) оценивают развитие территории по данному критерию достаточно высоко (суммарно «4» и «5» баллов).

Проблематика развития общественных пространств города как факторов развития внутреннего туризма поднимается и в других научных исследованиях. В частности, ученые обосновывают вывод о том, что организационно-административные барьеры использования потенциала общественных пространств во многом обусловлены недостаточной эффективностью управления данными процессами. Выделяются следующие проблемы в деятельности органов власти: минимизация финансового обеспечения, неэффективность использования бюджетных ресурсов, отсутствие рациональной политики в части монетизации общественных пространств [20]. Как следствие инфраструктура общественных пространств имеет существенные недостатки, такие как недостаточный уровень безопасности, слабая оснащенность, несоблюдение потребностей и интересов различных социально-демографических групп, в том числе с индивидуализированными запросами (спортсмены, люди с ограниченными возможностями).

Развитие общественных пространств современных городов должно основываться на комплексном подходе, учитывающем экологические, архитектурные, социально-экономические и культурные аспекты. Экологичность общественных пространств

* URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15051>

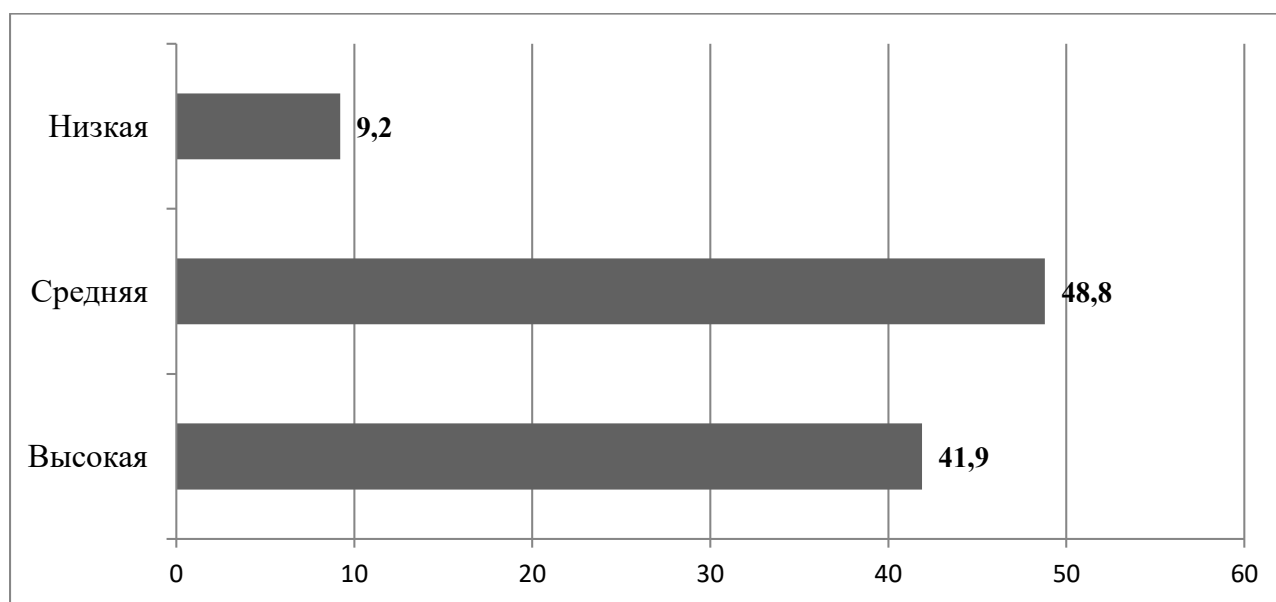

Рис. / Fig. Оценка благоустройства общественных пространств, % / Assessment of Public Space Improvements, %

Источник / Source: составлено авторами по материалам опроса / compiled by the authors based on survey materials.

предполагает рациональное сочетание строительных конструкций и природных объектов, совместимость архитектурно-планировочных решений с природным ландшафтом. Социально-экономические аспекты развития общественных пространств обращают внимание на необходимость использования современных инструментов привлечения инвестиций, эффективных механизмов коммерциализации (зоны торговли, общественного питания, проката). Социокультурные аспекты развития общественных пространств предполагают активизацию событийной городской повестки, популяризацию туристического потенциала территории посредством проведения масштабных мероприятий, привлекающих внимание туристов и местных жителей. Российские ученые обращают внимание на такие инструменты активизации внутреннего туризма, как «соучаствующее проектирование, разработка цифровых средств поддержки экосистемы общественных пространств» [21]. Кроме того, особое внимание в городе должно уделяться сохранению объектов культурно-исторического наследия, их интеграции в аутентичные общественные пространства города.

ВЫВОДЫ

Анализ теоретических подходов к исследованию общественных пространств в контексте развития внутреннего туризма позволил сделать ряд выводов об их функциональной значимости, необходимости поддержания таких свойств публичных зон, как ассоциативность, знаковость, эстетика, визуальность,

уникальность, аутентичность. В большей степени общественные пространства являются неотъемлемой атрибутикой развития культурно-познавательного и событийного туризма. Определены функции общественных пространств: интеграционная, коммуникационная, досуговая, социокультурная (создание условий реализации культурно-духовных интересов различных социально-демографических групп, поддержание разнообразия городских активностей, формирование территориальной идентичности), имиджевая (формирование бренда и имиджа города).

Однако как результаты авторского исследования, так и выводы других ученых позволяют сделать вывод о проблемах развития общественных пространств в современных городах, их недостаточной визуальной и функциональной привлекательности для потенциального туриста. Так, в научных работах акцентируется внимание на следующих проблемах культурно-познавательного туризма, вызванных преобладанием массовой, типовой застройки в городах: деформация эстетического облика городов, унификация архитектурных решений, потеря аутентичности общественных пространств. Дополнительным фактором риска становится переход общественных пространств с публичных городских территорий в коммерциализированную зону торгово-развлекательных центров. В данных условиях достаточно сложно прогнозировать увеличение туристских потоков, их привлечение в подобные «псевдопубличные» общественные пространства, лишенные своей уникальности и территориальной идентичности.

Анализ эмпирических данных иллюстрирует недостаточность инфраструктурных ресурсов, прежде всего малых городов и сельских поселений. Уязвимость позиции таких муниципальных образований связана с недостаточностью ресурсов для поддержания функционала общественных пространств, их благоустройства, сохранения их культурно-исторического облика, создания условий для разнообразной досуговой активности местных жителей и туристов. Так, руководители местных органов власти отмечают проблему недостаточного уровня благоустройства городских территорий, развития культурно-досуговой сферы. Опрос населения также показал, что каждый пятый

респондент отмечает отсутствие мест в городе для проведения досуга. Указанные обстоятельства коррелируют с недостаточным уровнем развития внутреннего туризма. Результаты опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», показали, что почти треть опрошенных респондентов (29%) не выезжали в другой регион страны, еще 19% имели такой опыт более 10 лет назад. Привлечение таких социально-демографических групп к туристическим поездкам, активизация их интереса видится путем популяризации туристского потенциала городов, их общественных пространств, позволяющих получать новые визуальные впечатления, эмоции, опыт, знакомство с культурно-историческим наследием.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках научно-исследовательской работы ВТСК № 174 по теме: «Модель развития общественных пространств города Москвы как объекта туристского притяжения».

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out within the framework of the research work of VTSK № 174 on the topic: "Model for the development of public spaces in the city of Moscow as an object of tourist attraction".

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Теличенко В.И., Миронова Ю.А. Модернизация общественных пространств. *Инновации и инвестиции*. 2021;(11):164–167. URL: <https://elibrary.ru/lqdvog>
2. Капков С.А. Эволюция общественных городских пространств. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки*. 2020;1(33):77–84. DOI: 10.25688/2078–9238.2020.33.1.11
3. Устинова М.Д. Молодежь в общественных пространствах города. *Сибирские исторические исследования*. 2023;1:245–249. DOI: 10.17223/2312461X/39/12
4. Sennett R. *Flesh and Stone: The body and the city in Western Civilization*. New York: W.W. Norton. 1994.
5. Рогач О.В., Фролова Е.В., Медведева Н.В. Туристский потенциал российских территорий: позиция муниципальных органов власти. *Вопросы экономики*. 2022;(9):125–138. DOI:10.32609/0042–8736–2022–9–125–138
6. Ukabi E., Akçay A.Ö. Historic squares' identity expression: Namik Kemal Square, Famagusta Cyprus. *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021;8(4):61–74. DOI: 10.21833/ijaas.2021.04.008
7. Блянкинштейн О.Н., Попкова Н.А., Савельев М.В., Унагаева Н.А., Федченко И.Г., Чуй Я.В. Социокультурная основа градостроительного регулирования открытых общественных пространств городов. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2021;41:18–40. DOI: 10.17223/22220836/41/2
8. Chen C.M., Chen S.H., Lee H.T. Assessing destination image through combining tourist cognitive perceptions with destination resources. *International Journal of Hospitality & Tourism Administration*. 2010;11(1):59–75. DOI: 10.1080/15256480903539628
9. Лысикова О.В. Индустриальный туризм в городском пространстве: кейс-стади Саратова. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014;1:38–48. URL: <https://elibrary.ru/sgrvrv>
10. McMullen M. Seeing history: A visual assessment of the historic-grounding of Old Western tourist towns. *Journal of heritage tourism*. 2018;3(5):411–425. DOI: 10.1080/1743873X.2017.1389945
11. Tussyadiah S.P., Kausar D.R., Soesilo M.P.K. The effect of engagement in online social network on susceptibility to influence. *Journal of Hospitality and Tourism Research*. 2018;42(2):201–223. DOI: 10.1177/1096348015584441
12. Колодий Н.А. Культура как ресурс экономики ощущений. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2011;4(16):94–102. URL: <https://elibrary.ru/oorpecz>

13. Сотникова О.А., Халеева Т.С., Каширин В.В., Борисов С.А. Комплексное формирование рекреационных зон как фактора устойчивого развития городского пространства Воронежа. *Инженерно-строительный вестник Прикаспия*. 2022;3(41):95–101. DOI: 10.52684/2312-3702-2022-41-3-95-101
14. Ратникова П.Р., Тарасов О.Ю. Анализ критики советской застройки: социально-исторический аспект. *Региональные проблемы*. 2023;26(2):60–63. DOI: 10.31433/2618-9593-2022-26-260-63
15. Ильичева Д.А. Трансформирование восприятия и требований к приморским городам, их насыщенности, архитектурному облику. *Вестник МГСУ*. 2022;17(3):275–284. DOI: 10.22227/1997-0935.2022.3.275–284
16. Кривых Е.Г. Философские аспекты урбанистики и формирование компетенций студентов строительного университета. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021;10–1(34):147–150. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1001-0033
17. Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2011;2:48–69. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/252/596>
18. Рогач О.В., Фролова Е.В. Оценка деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023;15(3):516–535. DOI: 10.17072/22189173-2023-3-516-535
19. Морозов М.А., Морозова Н.С. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм. *Регионология*. 2021;29(3):588–610. DOI: 10.15507/2413–1407.116.029.202103.588–610
20. Ан А.Л. Роль общественного пространства в муниципальных образованиях. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2012;1:174–184. URL: <https://elibrary.ru/ouklhr>
21. Ольшанская М.В. Современные инструменты развития общественных пространств и их роль в развитии туризма. *Beneficium*. 2024;2(51):62–68. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.2(51).62–68

REFERENCES

1. Telichenko V.I., Mironova Yu.A. Modernization of public spaces. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2021;11:164–167. URL: <https://elibrary.ru/lqdvog>. (In Russ.).
2. Kapkov S.A. Evolution of public urban spaces. *MCU Journal of Philosophical Science*. 2020;1(33):77–84. (In Russ.). DOI: 10.25688/2078–9238.2020.33.1.11
3. Ustinova M.D. Youth in public spaces of the city. *Siberian historical research*. 2023;1:245–249. (In Russ.). DOI: 10.17223/2312461X/39/12
4. Sennett R. *Flesh and stone: The body and the city in Western Civilization*. New York: W.W. Norton. 1994.
5. Rogach O.V., Frolova E.V., Medvedeva N.V. Tourist potential of Russian territories: The position of municipal authorities. *Economic issues*. 2022;(9):125–138. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-125-138
6. Ukabi E., Akçay A.Ö. Historic squares' identity expression: Namik Kemal Square, Famagusta Cyprus. *International Journal of Advanced and Applied Sciences*. 2021;8(4):61–74. DOI: 10.21833/ijaas.2021.04.008
7. Blankinshtein O.N., Popkova N.A., Savelyev M.V., Unagaeva N.A., Fedchenko I.G., Chui Ya.V. Sociocultural basis for urban planning regulation of open public spaces in cities. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history*. 2021;41:18–40. (In Russ.). DOI: 10.17223/22220836/41/2
8. Chen C.M., Chen S.H., Lee H.T. Assessing destination image through combining tourist cognitive perceptions with destination resources. *International Journal of Hospitality & Tourism Administration*. 2010;11(1):59–75. DOI: 10.1080/15256480903539628
9. Lysikova O.V. Industrial tourism in the urban space: Case study of Saratov. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*. 2014;1:38–48. URL: <https://elibrary.ru/sgrvly>. (In Russ.).
10. McMullen M. Seeing history: a visual assessment of the historic-grounding of Old Western tourist towns. *Journal of heritage tourism*. 2018;3(5): 411–425. DOI: 10.1080/1743873X.2017.1389945
11. Tussyadiah S.P., Kausar D.R., Soesilo M.P.K. The effect of engagement in online social network on susceptibility to influence. *Journal of Hospitality and Tourism Research*. 2018;42(2):201–223. DOI: 10.1177/1096348015584441
12. Kolodiy N.A. Culture as a resource of the economy of sensations. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2011;4(16):94–102. URL: <https://elibrary.ru/oopecz> (In Russ.).
13. Sotnikova O.A., Khaleeva T.S., Kashirin V.V., Borisov S.A. Complex formation of recreational zones as a factor in the sustainable development of the urban space of Voronezh. *Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Sea*. 2022;3(41):95–101. (In Russ.). DOI: 10.52684/2312-3702-2022-41-3-95-101
14. Ratnikova P.R., Tarasov O. Yu. Analysis of criticism of Soviet development: Socio-historical aspect. *Regional problems*. 2023;26(2):60–63. (In Russ.). DOI: 10.31433/2618-9593-2022-26-260-63

15. Ilyicheva D.A. Transformation of perception and requirements for coastal cities, their saturation, architectural appearance. *Bulletin of MGSU*. 2022;17(3):275–284. (In Russ.). DOI: 10.22227/1997-0935.2022.3.275-284
16. Krivykh E. G. Philosophical aspects of urban studies and the formation of students' competencies at the construction university. *Baltic Humanitarian Journal*. 2021;10–1(34):147–150. (In Russ.). DOI: 10.26140/bgz3-2021-1001-0033
17. Zhelnina A. "Here as a museum": A shopping center as a public space. *Laboratorium: Journal of Social Research*. 2011;2:48–69. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/252/596> (In Russ.).
18. Rogach O.V., Frolova E.V. Evaluation of the activities of government bodies in developing the social infrastructure of urbanized spaces. *Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2023;15(3):516–535. (In Russ.). DOI: 10.17072/22189173-2023-3-516-535
19. Morozov M.A., Morozova N.S. Regional features of tourism infrastructure development and their impact on tourism. *Regionalology*. 2021;29(3):588–610. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413–1407.116.029.202103.588–610
20. An A.L. The role of public space in municipalities. *Issues of state and municipal governance*. 2012;1:174–184. URL: <https://elibrary.ru/ouklhr> (In Russ.).
21. Olshanskaya M.V. Modern instruments for the development of public spaces and their role in the development of tourism. *Beneficium*. 2024;2(51):62–68. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.2(51).62–68

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Викторовна Фролова — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Elena V. Frolova — Dr. Sci. (Soc.), Prof., Prof. of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
EVFrolova@fa.ru

Анатолий Анатольевич Калинин — студент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Anatoly A. Kalinkin — student of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
225338@edu.fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 21.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-133-137
УДК 339.92+339.924.2(045)

Изучение различий культур — важный способ минимизации рисков в международных проектах

Е.А. Тен

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Углубление экономического сотрудничества между Россией с Китаем в рамках международных проектов указывает на потребность в новых инновационных подходах к оценке и минимизации рисков. Недооценка кросс-культурных рисков в международных проектах может привести к различного рода негативным последствиям. Цель исследования — изучение культурных особенностей мышления и поведения китайцев и россиян как способ минимизации рисков в совместных проектах. Автор обосновывает значимость кросс-культурных рисков в эффективности управления международными проектами. Осуществляет сравнительный анализ моделей мышления и поведения китайцев и россиян. Автор приходит к выводу, что социокультурная дистанция между Россией и Китаем достаточно глубока, что повышает риски недопонимания, ошибок и конфликтов. В рамках исследования проведен сравнительный анализ различий социокультурных особенностей моделей мышления и поведения китайцев и россиян. Учет данных различий способствует более эффективному управлению кросс-культурными проектами, а также формированию и укреплению доверия между партнерами. Разработаны конкретные рекомендации по повышению эффективности кросс-культурных коммуникаций между россиянами и китайцами в работе над совместными проектами.

Ключевые слова: поворот на Восток; модель мышления и поведения китайцев и россиян; культура; кросс-культурные риски; управление кросс-культурными рисками; культурное многообразие

Для цитирования: Тен Е.А. Изучение различий культур — важный способ минимизации рисков в международных проектах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):133-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-133-137

ORIGINAL PAPER

Studying Cultural Differences is an Important Way to Minimize Risks in International Projects

E.A. Ten

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The expansion and deepening of economic cooperation within the framework of international projects between Russia and China updates to develop new innovative approaches to minimizing various types of risks. Underestimation of the role of cross-cultural risks in international projects can lead to various kinds of negative consequences. The purpose of the research is to study cultural characteristics of mindset and behavior as a way to minimize risks in Russian-Chinese projects. The author substantiates the importance of taking into account cross-cultural risks in terms of improving the effectiveness of international project management. Performs a comparative analysis of the patterns of thinking and behavior of Chinese and Russians. The author comes to the conclusion that the degree of socio-cultural distance between Russia and China is quite high, which increases the risks of cross-cultural misunderstandings, mistakes and conflicts. As part of this research, a comparative analysis of the differences in the socio-cultural characteristics of the thinking and behavior patterns of the Chinese and Russians was carried out. Taking these differences into account will support to more effective management of cross-cultural projects, as well as the formation of the value of trust between Russian and Chinese partners. Specific recommendations have been developed to increase the effectiveness of cross-cultural communications between Russians and Chinese when working on joint projects.

Key words: turn to the East; model of thinking and behavior of the Chinese and Russians; culture; cross-cultural risks; cross-cultural risk management; cultural diversity

For citation: Ten, E.A. Studying cultural differences is an important way to minimize risks in international projects. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):133-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-133-137

ВВЕДЕНИЕ

Исторический «поворот на Восток» России — эпохальное событие в международной сфере экономических отношений. По данным ФТС РФ, в 2023 г. товарооборот РФ с КНР составил 220 млрд долл. Экспорт Китая в Россию увеличился за год на 46,9% (до 110,97 млрд долл.), импорт из РФ — на 12,7% (до 129,14 млрд долл.). За последние два года активность китайских учредителей в нашей стране возросла в 3,2 раза. В январе 2024 г. в России работало свыше 8 тыс. компаний с китайским уставным капиталом. Сегодня китайские предприниматели — самые многочисленные инвесторы в российскую экономику.

Укрепление стратегического партнерства России и Китая и набирающий скорость «поворот на Восток» подтверждают, что в ближайшие годы это сотрудничество будет развиваться. В связи с этим становится актуальной проблема повышения эффективности управления совместными с китайской стороной проектами. Тем более что китайская инициатива «Один пояс — один путь» ориентирована на долгосрочную перспективу: уже реализовано более трех тысяч проектов.

Управление проектными рисками — одно из ключевых методов современного менеджмента. При этом и российские, и китайские эксперты осознают важность учета кросс-культурного фактора при идентификации, анализе и оценке потенциальных и реальных рисков, обусловленных различиями в моделях мышления и поведения партнеров [1]. Чтобы предотвратить или минимизировать возможные риски, участникам проекта необходимо изучить модели мышления и поведения партнеров: это позволит избежать трудностей в достижении целей проекта, сроков его реализации и результатов. Важно отметить, что использование культурного многообразия участников проекта может стимулировать команду на раскрытие еще больших возможностей проекта, что повысит его рентабельность и степень позитивных последствий его реализации [2].

Вышесказанное определяет цель исследования — анализ культурных особенностей мышления и поведения как способа минимизации рисков в международных проектах. Цель определяет решение следующих задач: определить понятия «культурный риск», «управление кросс-культурными рисками»; изучить особенности мышления и поведения, обусловленные культурой китайского общества в сравнении с культурой российского общества; разработать рекомендации по повышению эффективности кросс-культурных коммуникаций между россиянами и китайцами при работе над совместными проектами.

Объект — кросс-культурные риски в международных проектах России и Китая. Предмет исследования — особенности менталитета и культуры современных китайцев и россиян.

Методы исследования: анализ литературы на русском, английском и китайском языках по теме исследования; обобщения результатов. Информационная база исследования включает результаты опросов ВЦИОМ и ФОМ.

УПРАВЛЕНИЕ

КРОСС-КУЛЬТУРНЫМИ РИСКАМИ КАК СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ

Управление кросс-культурными рисками — одно из перспективных направлений в современном менеджменте [2]. Центральным концептом выступает понятие «культура». Это система ценностей, убеждений и моделей поведения, определяющая мысли и поступки участников проекта и стейкхолдеров. Кросс-культурный риск возникает в момент осознания несоответствия между ценностями и нормами поведения участников международного проекта. Этот концепт указывает на недопонимание и разницу в социокультурных предубеждениях разных народов [3]. По мнению экспертов из сферы консалтинга, большинство неудач международных проектов происходит не из-за технической или профессиональной некомпетентности, а в процессе социально-психологической и культурной адаптации: культурный шок, коммуникативные барьеры, межличностные конфликты, изменение образа жизни, местные методы ведения бизнеса и изоляция [4]. К примеру, игнорирование этнокультурных и религиозно-мировоззренческих различий при разработке и выводе продукта компаний на зарубежный рынок может привести к негативному отношению к нему местного населения, а иногда и к репутационному ущербу, к судебным разбирательствам, преждевременному расторжению контрактов и т.д.

Таким образом, кросс-культурные риски проекта являются факторами, влияющими на цели проекта (объемы, качество, стоимость, временные затраты) и препятствующими их достижению. Следовательно, управление рисками — это средство контроля рисков путем снижения воздействия угрожающих возможностей. В этом контексте показателен пример с выводом на китайский рынок продукции под брендом «Аленка» холдинга «Объединенные кондитеры». При выводе продукции на рынок Китая были учтены традиционные вкусовые предпочтения китайцев, все надписи переведены на китайский

язык, скорректирован цвет упаковки и размер плитки, соответствующий символике китайской культуры.

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КИТАЯ И РОССИИ

На основе опросов россиян, организованных ВЦИОМ в 2005, 2014 и 2024 гг., можно сделать вывод, что с 2005 г. имидж Китая как дружественной страны и партнера в общественном сознании наших граждан значительно улучшился. Так, в 2024 г. в ответах россиян о Китае преобладают позитивные высказывания: 56% наших соотечественников полагают, что Китай — это достойный экономический и стратегический партнер¹. На вопрос: «Как вам кажется, культура, образ жизни, ценности китайцев и русских отличаются сильно или не очень?» — 57% россиян ответили «сильно», 22 — «не очень сильно», а 20% затруднились ответить².

Исторические предпосылки, климатогеографические условия, технологии производства и иные факторы порождают уникальное разнообразие культур, и различия между ними называются «культурные различия». Несмотря на то, что Китай и Россия — близкие соседи, их национальные культуры различны [5, 6, 7]. Языковые барьеры могут привести к непониманию и взаимному недоверию или конфликту между партнерами по проекту [8]. У Китая и России методы ведения бизнеса имеют свои особенности: Россия придерживается революционных подходов, в то время как Китай склонен к реформизму из-за влияния традиционной культуры умеренности; если Россия действует радикально и быстро развивается, то Китай сторонник постепенной эволюции. Китайцы и русские — коллективисты. Однако коллективизм проявляется по-разному.

Русские ориентируются на индивидуальность и ответственность каждого, его роль в коллективе, но при этом учитывается свобода выбора и личная инициатива, проявляющаяся в стремлении выражать свои мысли и чувства, даже если они идут вразрез с общепринятыми нормами. Это — коллективизм индивидуальности. Китайская же культура — это идея общности, где ценятся интересы группы выше личных. Семья, сообщество и работа в команде занимают центральное место в жизни китайцев. Люди стремятся к гармонии и согласованию действий с окружающими, что часто выражается в соблюдении иерархий. Они считают, что коллектив — это главное, поэтому акцент

на взаимопомощь и взаимную зависимость. Важной особенностью традиционной китайской культуры является то, что интересы и желание коллектива священны для человека. Этот коллективизм — общности.

Поэтому в международных обменах китайцы часто демонстрируют широкий спектр мнений [1]. Русские же рассчитывают на собственные силы: без индивидуумов невозможно сформировать коллектив. Китайцы готовы к переговорам в любой момент, в то время как у русских график переговоров фиксированный.

Традиционный образ мышления китайцев — целостный приоритет и комплексное мышление, сосредоточение внимания на актуальности вещей в целом. На валютных биржах это проявляется в принципе оценки общей ситуации, взвешивания всех «за» и «против» с точки зрения общих интересов. В конкретном общении и переговорах китайцы часто сосредотачиваются на руководящих принципах, сначала определяя общие, а затем переходят к конкретным условиям и деталям. Россияне предпочитают инновации, анализируют, ценят доказательства и детали. Китайские ценности демонстрируют умеренность и самодисциплину, в то время как россияне демонстрируют немного свободы и раскованности.

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить, что принятие культурного многообразия — важнейший принцип управления международными проектами. Многонациональная команда обладает уникальным потенциалом поиска креативных способов и методов для повышения эффективности управления. Можно предложить российским менеджерам применять более гибкие модели менеджмента, на основе которых возможно постепенное формирование корпоративной культуры на основе принципа мультикультурности, при этом ценности представителей разных культур не должны противоречить российской системе традиционных ценностей.

Здесь возможны следующие мероприятия: организация учебно-образовательных программ об истории культур России и Китая, специальных кросс-культурных тренингов, посещение культурных общественных пространств (театров, музеев, выставок, фольклорных мероприятий и т.д.) Особое внимание следует уделить знакомству представителей разных стран с системой визуальной культуры партнеров, которая является важным элементом их национальных культур (государственная, религиозная, социальная, этническая символика, традиционный орнамент, невербальные средства

¹ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitai-monitoring>

² URL: <https://fom.ru/Mir/12150?ysclid=maaywmm533432673267>

коммуникации (жесты, мимика, позы и т.д.), знаковые аспекты одежды и аксессуаров и т.д.

Чтобы преодолеть социокультурные различия, китайцы и россияне должны сначала признать их объективное существование [7]. Важно повышать кросс-культурную компетентность китайских и российских партнеров [9, 10]. Развитие у партнеров по бизнесу кросс-культурной компетентности (как системы знаний, умений и навыков, содействующих выработке правильной стратегии и тактики коммуникаций с зарубежными партнерами) будет содействовать повышению эффективности работы над совместными проектами. Важный элемент данного процесса — развитие эмоционального интеллекта.

Необходимо сосредоточиться на укреплении социального доверия, экономической интеграции и культурной взаимосвязанности. Также необходимо приложить значительные усилия для того, чтобы инициативы «Один пояс — один путь» и «Большое евразийское партнерство» превратились во взаимовыгодную общность интересов, судьбы и ответственности всех стран.

Научное исследование обладает рядом элементов научной новизны: дана авторская дефиниция понятия «кросс-культурный риск», обоснована важность кросс-культурного управления в проектном менеджменте; аргументировано положение, что для того чтобы понять особенности мышления и экономического поведения иностранных партнеров по бизнесу, необходимо изучить их историю, особенности языка, традиций, норм, ценностей; выявлено то, что понимание китайцами поведения россиян может быть искажено разного рода барьерами (предрассудками

о россиянах); осуществлен сравнительный анализ различий в моделях мышления и поведения россиян и китайцев; разработаны конкретные рекомендации по повышению эффективности кросс-культурных коммуникаций между россиянами и китайцами при работе над совместными проектами за счет проведения мероприятий, направленных на развитие эмоционального интеллекта, кросс-культурных программ обучения, межкультурных тренингов, посещений музеев, выставок и т.д.

Безусловно, данное исследование обладает рядом ограничений. Необходимы организация и осуществление различного рода социологических исследований (опросов, экспертиз и т.д.) среди сотрудников российских и китайских совместных предприятий для того, чтобы выявить ключевые параметры, которые наиболее препятствуют достижению взаимопонимания и согласованности действий. Учет полученных данных о социокультурных различиях в экономическом поведении будет способствовать более эффективному управлению кросс-культурными проектами, а также формированию ценности доверия между российскими и китайскими партнерами.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты расширяют и углубляют знания о кросс-культурных рисках в международном бизнесе, раскрывают их сущность и роль. Прикладная ценность полученных результатов в том, что они могут быть положены в основу рекомендаций для менеджеров и сотрудников компаний, работающих на внешнем рынке или реализующих совместные проекты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wang G.F., Hu X. Research on intercultural communication in international business. *Open Access Library Journal*: 2022(9):1–7. DOI: 10.4236/oalib.1109064
2. Rodríguez-Rivero R., Ortiz-Marcos I., Ballesteros-Sánchez L., Martínez-Beneitez X. Identifying risks for better project management between two different Cultures: The Chinese and the Spanish. *Sustainability*. 2020;12:25–88. DOI: 10.3390/su12187588
3. Chung M. Doing business successfully in China. New-York.: PUBLISHER Elsevier Science & Technology, 2011. 247 p.
4. Залесская О.В. Китайские бизнес-практики в дальневосточном приграничье: от восторга неопита до индифферентности наблюдателя. *Вестник Пермского университета. История*. 2022;2(57):179–189. DOI:10.17072/2219-3111-2022-2-179-189
5. Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2-х т. Хорос В.Г., ред. Москва: ИМЭМО РАН; 2014. 393 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_019.pdf
6. Шогенова Л.А. Особенности социальной коммуникации и этикета в китайской культуре: традиционные основы и современность. *Обсерватория культуры*. 2018;15.(4):460–467. DOI:10.25281/2072-3156-2018-15-4-460-467
7. Янь Л. Межкультурная русско-китайская бизнес-коммуникация. *Человек. Культура. Образование*. 2023;1(47):26–37. DOI:10.34130/2233-1277-2023-1-26

8. Просеков С.А. Китайский национальный характер и особенности мышления китайцев: к методологии философского исследования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):76–81. DOI:10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81
9. Matveev A. Intercultural competence in organizations. A guide for leaders, educators and team players. Cham: Springer, 2017. 182 с. DOI: 10.1007/978-3-319-45701-7
10. Michailova S., Holden N., Paul S. Conceptualizing cross-cultural management competence. The SAGE Handbook of contemporary cross-cultural management. Szkudlarek B., Romani L., Caprar D.V., Osland Y.S., eds. New-York: SAGE Publications Ltd, 2020.

REFERENCES

1. Wang G. F., Hu X. Research on intercultural communication in international business. *Open Access Library Journal*. 2022 (9):1–7. DOI:10.4236/oalib.1109064
2. Rodríguez-Rivero R., Ortiz-Marcos I., Ballesteros-Sánchez L., Martínez-Beneitez X. Identifying risks for better project management between two different Cultures: The Chinese and the Spanish. *Sustainability*. 2020;12:25–88. DOI: 10.3390/su12187588
3. Chung M. Doing business successfully in China. New York: Elsevier Science & Technology, 2011. 247 p.
4. Zalesskaya O.V. Chinese business practices in the Far Eastern border region: From the delight of a neophyte to the indifference of an observer. *Bulletin of Perm University. History*. 2022;2(57):179–189. (In Russ.). DOI: 10.17072/2219-3111-2022-2-179-189
5. Chinese civilization in a globalizing world. Based on the conference materials. In 2 volumes. Khoros V.G., ed. Moscow: IMEMO RAS; 2014. 393 p. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_019.pdf. (In Russ.).
6. Shogenova L.A. Features of social communication and etiquette in Chinese culture: traditional foundations and modernity. *The Observatory of Culture*. 2018;15.(4):460–467. (In Russ.). DOI:10.25281/2072-3156-2018-15-4-460-467
7. Yan L. Intercultural Russian-Chinese business communication. *Human. Culture. Education*. 2023;1(47):26–37. (In Russ.). DOI:10.34130/2233-1277-2023-1-26
8. Prosekov S.A. Chinese national character and peculiarities of Chinese thinking: Towards a methodology of philosophical research. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):76–81. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81
9. Matveev A. Intercultural competence in organizations. A guide for leaders, educators and team players. Cham: Springer, 2017. 182 p. DOI: 10.1007/978-3-319-45701-7
10. Michailova S., Holden N., Paul S. Conceptualizing cross-cultural management competence. The SAGE Handbook of contemporary cross-cultural management. Szkudlarek B., Romani L., Caprar D.V., Osland Y.S., eds. New York: SAGE Publications Ltd, 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Андреевна Тен — студент, лаборант-исследователь, кафедра социологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ekaterina A. Ten — Student, Laboratory Researcher, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0012-3456-7890>
 225337@edu.fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 22.04.2025; accepted for publication on 05.05.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты

Л.В. Адамская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному анализу инструментов государственного регулирования цифровой экономики Российской Федерации, что придает работе практико-ориентированный характер. Обоснована двойственная природа цифровизации: с одной стороны, она способствует созданию высокопроизводительных рабочих мест, автоматизации промышленных и административных процессов, снижению транзакционных издержек и доступности государственных сервисов; с другой — усиливает риски киберугроз, технологической безработицы, олигополизации цифрового рынка, а также углубляет региональные диспропорции и кадровый дефицит. Для нивелирования указанных угроз государство задействует многоуровневую систему мер, ядром которой является национальный проект «Цифровая экономика» и девять взаимодополняющих федеральных проектов — от формирования гибкой нормативной среды и развития информационной инфраструктуры до подготовки кадрового потенциала и масштабирования искусственного интеллекта. В работе показано, что координационная платформа АНО «Цифровая экономика» служит интерфейсом взаимодействия бизнеса и власти, обеспечивая аналитическую поддержку, тиражирование лучших практик цифровой трансформации и разработку инициатив эффективного регулирования. Ключевой акцент сделан на стимулирующие механизмы: «цифровые песочницы», налоговые преференции, льготное кредитование, упрощенные госзакупки и программы профессиональной переподготовки, которые совместно формируют благоприятную институциональную среду для ИТ-компаний. Особое внимание уделено институту «цифровых песочниц» как форме экспериментальных правовых режимов, минимизирующих регуляторные барьеры и ускоряющих коммерциализацию инноваций. Выявлены социально-экономические эффекты комплексных налоговых и кадровых льгот для ИТ-отрасли, обеспечивающих рост валовых внутренних затрат на цифровую экономику до 5,2 трлн руб. и выводящих Россию в ТОП-10 рейтинга GovTech Maturity Index. Приведенный аналитический обзор может служить методологической основой для дальнейших исследований и разработки стратегических рекомендаций.

Ключевые слова: цифровая экономика; государственное регулирование; цифровизация; государство; инструменты государственного регулирования

Для цитирования: Адамская Л.В. Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):138-143. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-138-143

ORIGINAL PAPER

State Regulation of The Digital Economy: Applied Tools

L.V. Adamskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is dedicated to a comprehensive analysis of the instruments of state regulation of the digital economy of the Russian Federation, which gives the work a practice-oriented and topical character. The dual nature of digitalization is justified: on the one hand, it contributes to the creation of high-performance jobs, automation of industrial and administrative processes, reduction of transaction costs and accessibility of public services.; On the other hand, it increases the risks of cyber threats, technological unemployment, and the oligopolization of the digital market, as well as deepening regional disparities and staff shortage. To mitigate these threats, the state uses a multi — level system of procedures, the core of which is the national Digital Economy project and nine complementary federal projects, from the formation of a flexible regulatory environment and the development of information infrastructure to training human resources and scaling artificial intelligence. The article shows that the coordination platform of ANO “Digital Economy” serves as an interface between business and government, providing analytical support, replication of best practices of digital transformation and the development of initiatives for effective regulation. The key attention is focus on incentive mechanisms: “digital sandboxes”,

© Адамская Л.В., 2025

tax preferences, preferential loans, simplified public procurement and professional retraining programs, which together form a favorable environment for IT companies. Special attention is paid to the institution of “digital sandboxes” as a form of experimental legal regimes that minimize regulatory barriers and accelerate the commercialization of innovations. The socio-economic effects of comprehensive tax and personnel benefits for the IT industry have been identified, ensuring an increase in gross domestic costs for the digital economy to 5.2 trillion rubles and bringing Russia into the TOP 10 of the GovTech Maturity Index rating. The current analytic review can serve as a methodological basis for further research and the development of strategic recommendations.

Keywords: digital economy; government regulation; digitalization; state; instruments of government regulation

For citation: Adamskaya L.V. State regulation of the digital economy: Applied tools. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):138-143. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-138-143

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая экономика сегодня выступает ядром четвертой промышленной революции, радикально перестраивая цепочки создания стоимости, системы государственного управления и модели социального взаимодействия. Мировые центры экономического притяжения уже смещаются в пользу стран, сумевших выстроить устойчивые цифровые экосистемы и создать условия для быстрого масштабирования инноваций. Для России такое позиционирование приобретает стратегическое значение: страна стремится не только сохранить технологический суверенитет, но и стать одним из глобальных лидеров в области цифровых решений.

На внутреннем рынке эта повестка материализуется взрывным ростом инвестиционной активности: валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики достигли 5,2 трлн руб. к 2024 г., увеличившись почти вдвое за пять лет и опередив динамику традиционных отраслей [1]. Одновременно государство расширило перечень «цифровых» сервисов: доля электронных государственных услуг превысила 80%, а объем данных, обрабатываемых в облачных инфраструктурах федерального уровня, вырос в четыре раза¹.

Тем не менее стремительный прогресс обнажил и системные издержки: нарастание киберугроз, кадровый дефицит, имущественное и региональное цифровое неравенство, а также усиление олигополизации рынка платформенных сервисов. В этих условиях возникает объективная потребность в научно-обоснованной оценке действующих инструментов государственного регулирования, позволяющей определить, насколько они адекватно балансируют стимулирование инноваций и сдерживание сопутствующих рисков.

Цель работы — провести всесторонний анализ рисков и перспектив цифровой экономики Российской Федерации и оценить действенность

механизмов государственного взаимодействия с отраслью прежде всего в разрезе национального проекта «Цифровая экономика» и входящих в него федеральных проектов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) охарактеризовать экономические и социальные эффекты цифровизации;
- 2) определить риски, сопутствующие цифровой трансформации;
- 3) проанализировать архитектуру национального проекта «Цифровая экономика»;
- 4) исследовать роль института АНО «Цифровая экономика» и комплекса налогово-финансовых льгот как ключевых инструментов стимулирования инноваций и снижения регуляторных барьеров;
- 5) оценить результативность применяемых мер, выявив точки роста и потенциальные ограничения.

Реализация перечисленных задач позволит обосновать направления совершенствования государственной политики в сфере цифровой экономики и сформулировать практические рекомендации для органов власти и бизнеса.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Стоит определить, какое позитивное влияние на социально-экономическую модернизацию страны может оказать цифровая экономика [2, 3]:

- изменение структуры рынка труда (создаются новые высокопроизводительные рабочие места);
- автоматизация промышленности и экономических процессов (внедрение современных технологий позволяет повысить эффективность функционирования экономики);
- сокращение транзакционных издержек (благодаря цифровым сервисам сокращается количество посредников в экономической деятельности, что приводит к уменьшению расходов и экономии времени);

¹ URL: <https://digital.gov.ru/>

- повышение качества государственных услуг (цифровизация позволяет упростить процедуру получения государственных услуг и сократить время ее оказания).

Безусловно, внедрение цифровых продуктов и технологий позволяет улучшить жизнь граждан за счет сокращения времени оказания услуг и удобства их заказа и получения, однако развитие цифровой экономики несет в себе достаточное количество рисков [4]:

- высокая зависимость от интернет-инфраструктуры (при потере интернет-инфраструктуры или серьезных сбоях в ее работе может произойти нарушение производственных и прочих процессов);

- цифровизация, которая не повышает эффективность функционирования компаний и государственного сектора (зачастую цифровые технологии используются не для определенного повышения эффективности, а в соответствии с общей политикой, что может негативно сказываться на деятельности организаций и оказании услуг органами государственной власти);

- сокращение рабочих мест и повышение уровня безработицы (из-за внедрения цифровых технологий повышается производительность, что приводит к сокращению сотрудников);

- цифровое неравенство (из-за различий в региональном развитии территориальные диспропорции будут усиливаться еще больше);

- олигополизация рынка цифровых технологий (крупные технологические компании могут использовать интеллектуальную собственность для оказания давления на другие компании, государство и население, формируя общественное мнение и увеличивая влияние во всех сферах жизни общества);

- недостаточное количество квалифицированных работников (так как цифровая экономика развивается быстрыми темпами, то система образования может не успевать готовить необходимые рабочие кадры, что приводит к их дефициту и отклонениям на рынке труда).

Анализируя вышеописанное, можно сделать вывод о том, что хотя модернизация и внедрение современных технологий — это необходимая составляющая успешного развития в настоящее время, однако цифровая экономика несет достаточное количество рисков, поэтому данная от-

расль нуждается в пристальном регулировании со стороны органов власти.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Стоит отметить, что государство использует различные инструменты и механизмы для развития цифровой экономики в России и ее регулирования.

Так, в настоящее время ключевая задача, стоящая перед органами государственной власти, — реализация Национального проекта «Цифровая экономика», цели которого²:

- создание и совершенствование условий для развития высокотехнологичного бизнеса;
- повышение конкурентоспособности российской экономики на мировом рынке;
- укрепление национальной безопасности;
- повышение качества жизни людей за счет внедрения цифровых технологий.

Достижение вышеперечисленных целей способно придать импульс развитию высокотехнологичных отраслей и сократить риски, присущие функционированию цифровой экономики.

Национальный проект «Цифровая экономика» состоит из нескольких федеральных проектов, направленных на развитие различных отраслей цифровой экономики [5–7]:

1) **регулирование цифровой среды.** Данный проект направлен на создание и развитие гибкой системы правового регулирования цифровой экономики с целью снятия барьеров для развития современных технологий и ведения бизнеса. Должны быть решены вопросы идентификации субъектов правоотношений, электронного документооборота, сбора, хранения и обработки данных;

2) **информационная инфраструктура.** Проект предполагает развитие устойчивой и безопасной инфраструктуры передачи данных с высокой скоростью на всей территории Российской Федерации для доступа населения, бизнеса и органов государственной и муниципальной власти;

3) **кадры для цифровой экономики.** Проект направлен на совершенствование системы образования с целью подготовки квалифицированных кадров для цифровой экономики и развития мотивации у населения изучать современные технологии;

4) **информационная безопасность.** Целью проекта является обеспечение безопасности пер-

² URL: <https://www.economy.gov.ru/>

сональных данных граждан, защита бизнеса, органов государственной и муниципальной власти от киберугроз и развитие безопасного цифрового пространства;

5) **цифровые технологии.** В рамках проекта планируется создание механизмов и институтов, направленных на развитие цифровых технологий и экономики данных на основе отечественных разработок за счет поддержки отрасли со стороны государства;

6) **цифровое государственное управление.** Данный проект предполагает цифровую трансформацию системы государственного управления и перевод 95% государственных услуг в электронный формат³;

7) **искусственный интеллект.** Целью проекта является развитие технологий искусственного интеллекта и внедрение их в отрасли экономики и социальной сферы в Российской Федерации;

8) **обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи.** Проект направлен на достижение показателя доступности Интернета для 97% домохозяйств в России к 2030 г.;

9) **развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли.** В рамках проекта планируется осуществлять мероприятия по подготовке и профессиональной переподготовке высококвалифицированных специалистов для ИТ-отрасли.

Анализируя данные проекты, можно сделать вывод о том, что органы государственной власти различными инструментами способствуют развитию цифровых технологий в России, тем самым обеспечивая их регулирование и минимизацию рисков, которые возникают в связи с внедрением современных технологий в экономическую и социальную сферы жизнедеятельности общества. Успешность проводимых мероприятий подтверждают данные международных организаций. Согласно рейтингу Всемирного Банка «GovTech Maturity Index 2022», Российская Федерация заняла 10-е место в мире, набрав 0,897 балла из 1 возможного по уровню цифровизации государственного сектора⁴.

Также необходимо выделить АНО «Цифровая экономика», которое представляет собой платформу, созданную для взаимодействия государства и бизнеса в целях развития цифровой экономики в Российской Федерации.

Основные функции данной платформы состоят в следующем⁵:

1) аналитическая и исследовательская деятельность;

2) развитие экосистемы поддержки бизнеса по созданию и внедрению цифровых технологий;

3) кадровое обеспечение экономики;

4) продвижение опыта реализации технологий и решений;

5) устранение проблем, выявленных в ходе внедрения цифровых технологий и решений.

АНО «Цифровая экономика» — ключевая платформа, способствующая развитию цифровой экономики в России. Основные практические направления деятельности платформы следующие [8]:

- цифровая трансформация отраслей (распространяются лучшие практики цифровой трансформации в государственном и частном секторах, привлекаются к участию региональные ИТ-компании);

- безопасная открытая инфраструктура (организуется взаимодействие с международными разработчиками, синхронизируются возможности и предложения производителей и потребителей по программно-аппаратным стекам);

- кадры для цифровой экономики (проводится профориентация среди школьников, развивается культура обучения цифровым технологиям);

- эффективное регулирование (формируются предложения и проекты НПА по мерам поддержки и регулированию деятельности цифровых платформ);

- международное сотрудничество (продвигаются российские цифровые сервисы в другие страны, запускается инициатива Global AI-maturity Index в рамках ВЭФ);

- проектный офис высокотехнологичных направлений (мониторинг, контроль и анализ реализации мероприятий и проектов дорожных карт).

Таким образом, в рамках данных направлений осуществляется значительное количество мероприятий, способствующих обеспечению контроля за развитием цифровой экономики.

Важнейшим с точки зрения регулирования развития цифровой экономики является направление «Эффективное регулирование». Для поддержки бизнеса реализовываются различные проекты, например, «Цифровые песочницы», в рамках которых устанавливаются экспериментальные правовые режимы в случае ограничений на ведение инновационной деятельности. Данный проект направлен на содействие бизнесу в вопросах внедрения цифровых технологий без нарушения законодательства [9].

³ URL: <https://национальныепроекты.рф/>

⁴ URL: <https://datacatalog.worldbank.org/>

⁵ URL: <https://data-economy.ru/>

Также необходимо выделить проект «Нормативное регулирование», суть которого состоит в том, что проекты нормативных актов, поправки и отзывы могут готовиться бизнесом, центрами компетенций и ответственными федеральными органами исполнительной власти. При помощи АНО «Цифровая экономика» создаются рабочие группы, служащие площадкой для обсуждения НПА и различных инициатив, исходящих от бизнеса и органов государственной власти.

По итогу становится понятно, что платформа АНО «Цифровая экономика» является важным инструментом взаимодействия государства и бизнеса в вопросах регулирования и развития цифровой экономики в Российской Федерации.

В завершении анализа необходимо выделить льготы, которые предоставляются компаниям, работающим в сфере ИТ [10]:

- ставка налога на прибыль — 0%;
- нулевая ставка НДС для разработчиков ПО;

- пониженный тариф страховых взносов — 7,6%;
- отмена проверок госорганами, включая налоговые и валютные;
- кредиты с пониженной ставкой;
- льготная ипотека и отсрочка от армии для сотрудников;
- другие льготы — гранты, упрощенные госзакупки, упрощенный наем иностранных сотрудников.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования подтверждена высокая результативность комплексной государственной политики, направленной на развитие цифровой экономики и формирование благоприятного институционального климата для ИТ-бизнеса. Принятые налогово-финансовые стимулы, запуск «цифровых песочниц» и внедрение гибкого регулирования ускорили коммерциализацию инноваций и позволили России войти в число мировых лидеров по уровню цифрового государственного управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стоякин Е.А., Соболев Т.С. Современные аспекты развития цифровой экономики в России. *Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции*. 2023;4(65):131–140. URL: <https://elibrary.ru/ralpmc>
2. Кравченко А.Н. Развитие цифровой экономики в России на основе концепции Индустрии 4.0. *Вестник науки и образования*. 2024; 6–1(149):45–55. URL: <https://www.elibrary.ru/sqxmtg>
3. Напольских Д.Л., Ларионова Н.И., Колчин В.Д. Цифровая трансформация системы государственного управления в контексте задач кластеризации экономики российских регионов. *Общество: политика, экономика, право*. 2025;4:94–101. DOI: 10.24158/per.2025.4.12
4. Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Масленников О.В. Риски и шансы цифровой экономики в России. *Финансы: теория и практика*. 2020;5(23):6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-5-6-17
5. Челнинцева Е.В., Яруллин Р.Р. Национальный проект «Цифровая экономика». *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023;5–5(80):120–125. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-5-5-120-125
6. Палагин Н.В., Носков В.А. Обзор национального проекта «Цифровая экономика»: цели и задачи. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022;1(4):182–189. URL: <https://www.elibrary.ru/ydktgs>
7. Архипкин В.С. Влияние проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» на коммерческие организации Российской Федерации. *Вестник Московской международной академии*. 2023;1:58–62. URL: <https://www.elibrary.ru/lqtlgz>
8. Гусейнова Г.М. Государственные меры регулирования развития цифровой экономики. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2024;3(147):82–87. URL: <https://www.elibrary.ru/psbfkw>
9. Филимонов И.В. Роль государства в развитии экосистемы цифровой экономики. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2023;15(3):29–49. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-29-49
10. Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.

REFERENCES:

1. Stoyakin E.A., Sobol T.S. Modern aspects of the development of the digital economy in Russia. *Research Bulletin: Finance, Banks, Investments*. 2023;4(65):131–140. URL: <https://elibrary.ru/ralpmc> (In Russ.).
2. Kravchenko A.N. Development of the digital economy in Russia on the basis of the Industry 4.0 concept. *Vestnik Nauki i Obrazovaniya (Herald of Science and Education)*. 2024; 6–1(149):45–55. URL: <https://www.elibrary.ru/sqxmtg> (In Russ.).

3. Napolskikh D.L., Larionova N.I., Kolchin V.D. Digital transformation of public administration in the context of clustering the economies of Russian regions. *Society: Politics, Economics, Law*. 2025;(4):94–101. (In Russ.). DOI: 10.24158/pep.2025.4.12
4. Eskindarov M.A., Maslennikov V.V., Maslennikov O.V. Risks and opportunities of the digital economy in Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2020;5(23):6–17. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-5-6-17
5. Chelnintseva E.V., Yarullin R.R. National project “Digital Economy”. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;5–5(80):120–125. (In Russ.). DOI: 10.24412/2500-1000-2023-5-5-120-125
6. Palagin N.V., Noskov V.A. Review of the national project “Digital Economy”: Goals and objectives. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2022;1(4):182–189. URL: <https://www.elibrary.ru/ydkftgs> (In Russ.).
7. Arkhipkin V.S. Impact of the project “National Program ‘Digital Economy of the Russian Federation’” on commercial organizations of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow International Academy*. 2023;(1):58–62. URL: <https://www.elibrary.ru/lqtlgz> (In Russ.).
8. Guseynova G.M. Government measures to regulate the development of the digital economy. *Izvestiya of Saint-Petersburg State University of Economics*. 2024;3 (147):82–87. URL: <https://www.elibrary.ru/psbfkw> (In Russ.).
9. Filimonov I.V. The role of the state in developing the digital-economy ecosystem. *Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2023;15 (3):29–49. (In Russ.). DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-29-49
10. Abashkin V.L., Abdrahmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. Digital Economy: 2024: Short Statistical Yearbook. Moscow: ISSEK HSE; 2024. 160 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Любовь Владимировна Адамская — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Lubov V. Adamskaya — Cand. Sci. (Socio), Assoc. Prof. at the Department of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2863-6855>
adamaskaia@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2025; принята к публикации 19.05.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 13.05.2025; accepted for publication 19.05.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Древнерусская элита X–XI веков: вопросы генеалогии

С.В. Алексеев

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Российская Федерация;
Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию генеалогии древнерусского боярства, а точнее его высшего аристократического слоя в период формирования государственности Руси. В статье отмечается недостаток источников и сложность в изучении этого аспекта, однако подчеркивается важность персональных и родословных исследований для понимания социальной структуры того времени. В статье рассматриваются три ключевые знатные фамилии: предполагаемые потомки Олега Вещего, предположительно являвшиеся одним знатым родом Свенельдичи и Остромировичи, а также генеалогия Малковичей. При этом анализируются летописные данные и делаются выводы о возможных связях между названными родами. Обсуждаются вопросы происхождения, социального статуса и роли этих фамилий в контексте взаимоотношений боярства и княжеской власти. Например, вероятная генеалогическая связь Олега и Ольги, а также ряда знатных лиц последующего периода проявляет соотношение княжеского и боярского статуса на примере ближайшей родни правящей династии. Данные о Свенельдичах и Остромировичах иллюстрируют феномен подъемов и падений среди аристократии, а также влияние персональных биографий на развитие политических отношений. Генеалогия Малковичей служит примером эффективной социализации в аристократические круги через родственные связи с княжеской династией. Статья предоставляет обширный анализ генеалогии боярства X–XI вв. и демонстрирует способы функционирования правящей элиты в эту эпоху. Подчеркивается, что аристократия в основном формировалась на основе родственных связей в княжеской дружине, а также акцентируется внимание на взаимодействии принципов крови и службы в формировании элиты. Делается вывод, что борьба между этими принципами станет характерной для дальнейшего развития русской аристократии. Работа имеет практическую ценность для историков и исследователей, интересующихся генеалогией аристократии, а также для изучения социальных изменений в ранней Руси. Статья может служить основой для дальнейших исследований в области источниковедения и социальной истории, углубляя понимание структуры власти и ее изменений в контексте древнерусского общества.

Ключевые слова: Древняя Русь; Средневековье; бояре; генеалогия; социальный статус; наследование статуса

Для цитирования: Алексеев С.В. Древнерусская элита X–XI веков: вопросы генеалогии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(1):144–154. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-144-154

ORIGINAL PAPER

Old Russian Elite of the X–XI Centuries: Questions of Genealogy

S.V. Alekseev

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation;
Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is dedicated to the study of the genealogy of the Old Russian boyars and, in particular, its highest aristocratic stratum during the formation of the statehood of Rus'. The article notes the lack of sources and the complexity of studying this aspect, but emphasizes the importance of personal and genealogical research for understanding the social structure of that time. The article examines three key noble families: the supposed descendants of Oleg the Prophet; Sveneldichs and Ostromirovichs, who were supposedly one noble family; as well as the genealogy of the Malkovichs. Meanwhile, chronicle data are analyzed and conclusions are made about possible relation between these families. Issues of origin, social status and the role of these families in the context of the relationship between the boyars

and princely power are discussed. For example, the probable genealogical connection of Oleg and Olga, as well as a number of noble persons of the subsequent period, highlights the relationship between the princely and boyar status using the example of the closest relatives of the ruling dynasty. The data about the Sveneldichs and Ostromirovichs illustrate the phenomenon of rises and falls among the aristocracy, as well as the influence of personal biographies on the development of political relations. The genealogy of the Malkovichs an example of effective socialization in aristocratic circles through family relation with the princely dynasty. The article provides an extensive analysis of the genealogy of the boyars of the X–XI centuries and demonstrates the ways in which the ruling elite functioned in this era. It is emphasized that the aristocracy was mainly formed on the basis of family relation in the princely squad, and attention is also focused on the interaction of the principles of blood and service in the formation of the elite. It is concluded that the struggle between these principles will become characteristic of the further development of the Russian aristocracy. The article has practical value for historians and researchers interested in the genealogy of the aristocracy, as well as for studying social changes in early Rus'. The article can serve as a basis for further research in the field of source studies and social history, deepening the understanding of the structure of power and its changes in the context of ancient Russian society.

Keywords: Old Rus'; Middle Ages; boyars; genealogy; social status; inheritance of status

For citation: Alekseev S.V. Old Russian elite of the X–XI centuries: Questions of genealogy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(1):144–154. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-144-154

ВВЕДЕНИЕ

Проблематике истории древнерусской аристократии первых веков существования государственности посвящена довольно объемная историография [1–3]. При этом, несмотря на скудость сведений, естественным образом привлекают внимание проблемы персональной и родовой истории, позволяющие прояснить и конкретизировать общие данные о социальной структуре. Вопрос о генеалогии раннего русского боярства рассматривается как в рамках такого рода специальных работ, так и параллельно, в общеисторическом и источниковедческом аспектах. Для всех очевидна связь генеалогии с ключевой для понимания природы этого социального слоя в его становлении проблемой боярского статуса и его наследования. Можно обратить внимание, в частности, на суждение П. С. Стефановича, именно на основании конкретных биографических и генеалогических сведений приходящего к мнению о юридически не закрепленной «фактической наследственности» боярского статуса и в некоторых случаях даже конкретных должностей [2, с. 526–532]. Для XV–XVI вв., когда боярство было уже определенно жалуемым чином и данных о генеалогии «боярских родов» несравненно больше, вопрос неплохо и подробно исследован с разных сторон (см., в частности [4–6] — историография по аристократии раннего Нового времени более чем обширна). Даже для непосредственно предшествующего времени генеалогические данные скуднее. Для домонгольской же эпохи, тем более для X–XI вв., их просто на порядки меньше, и они распределены неравномерно (лучше всего известны родословные новгородских бояр,

причем в основном уже XII–XIII столетий). Происхождение большинства знакомых нам все-таки семейств, а следовательно, и механизм обретения ими боярского статуса остается неизвестным или спорным. К тому же фрагментарность данных источников закономерно ведет к крайней разноречивости их трактовок. В данной статье предпринимается попытка обобщить имеющиеся (и предполагаемые) историко-генеалогические сведения первоисточников и предложить авторскую интерпретацию ряда спорных вопросов. Рассмотрение ограничивается теми знатными фамилиями XI в., сведения о которых дают основание предполагать их появление уже в X в.

ПОТОМКИ ОЛЕГА ВЕЩЕГО?

Постановка вопроса о потомках первого достоверно известного «великого князя русского» Олега не нова. Рассматривалась проблема ранее и автором этих строк [3, с. 20, 32; 7, с. 659–660, 745]. С учетом того, что в родовом предании приближенных «Рюриковичей» (потомков предполагаемого соправителя Олега, Игоря) статус Олега как великого князя был забыт, достоверность всех летописных сведений о происхождении династии сомнительна. В «Повести временных лет» (ПВЛ) начала XII в. Олег, называемый в Начальном летописном своде XI в. (НС) только воеводой, обретает свое княжеское достоинство, но это было только следствием использования новым летописцем дипломатических документов. Основной же объем информации о нем восходил к тому же Начальному своду, просто в новой интерпретации. Строго говоря, достоверных источников об Олеге только три — соглашение 907 г. с Византией (многими

ставится под сомнение), русско-византийский договор 911 г. и сообщение еврейско-хазарского сочинения второй половины X в. (так называемый Кембриджский документ) о русском князе «Хлгу». Судя по последнему источнику, Олег правил действительно одновременно и совместно с Игорем (там не упоминаемым) до неудачного похода на Константинополь в 941 г., после чего возглавил поход на Кавказ 944 г., в котором и погиб [8, с. 181–183]. В принципе, нет особых оснований сомневаться, что речь о том же самом Олеге — ранняя летописная хронология, особенно развернутая на основе легендарных и условных расчетов в ПВЛ, заслуживает не большего, а еще меньшего доверия, чем ранние родословные сведения [9, с. 362–366].

Наиболее напрашивающийся дополнительный к летописным известиям генеалогический элемент — вероятное родство Олега и Ольги, жены Игоря. Фактическое совпадение имен — едва ли случайность, а свойство гораздо лучше объясняет факт соправительства и сотрудничества, чем вторичная по отношению к НС легенда ПВЛ о малолетнем Игоре на попечении Олега. Все, что известно о происхождении Ольги, кроме того, что она была «от Пскова», относится тоже к области легенд, только позднейших, XV–XVII вв. Что Ольга могла быть дочерью Олега, угадывал, в частности, уже один из летописцев XV в. (см. о разных версиях: [7: 659]). Видеть в Ольге дочь или ближайшую родственницу первого великого князя, брак с которой на самом деле и обеспечил престол второму, вполне логично.

Скандинавская «Сага об Одде Стреле» (XIII в.) вобрала в себя некоторые элементы варяжских преданий об Олеге (в частности, смерть «от коня и змеи», описанная очень близко к повествованию ПВЛ). Достоверным историческим источником этот викингский приключенческий эпос не является ни в какой степени, но некоторые из таких элементов интерес представляют. В частности, сообщается, что от брака с русской (или «гуннской») княжной правивший Русью-Гардарики (или «страной гуннов») Одд имел сына Асмунда [10]. Это имя известно в русской истории X в. и связано с временами Игоря и Ольги. Асмундом, согласно НС и далее ПВЛ, звали «кормильца»-воспитателя их сына, молодого князя Святослава. Традиционно в архаических славянских и скандинавских обществах эту позицию при наличии занимал дядя по матери, и позднее воспитателем Владимира Святославича являлся дядя последнего Добрыня.

Следующее звено в предполагаемой генеалогической цепи — «племянник» Ольги, упоминаемый как ее спутник при визите в Константинополь в 957 г. [11, с. 253]. Это побуждает вспомнить о русском аристократе по имени Сфенкел или Сфангел, во время Болгарской войны 969–971 гг. считавшегося первым или вторым по знатности после князя Святослава. Отождествлять упоминаемого в греческих источниках [12, с. 71–72, 76, 125, 128] Сфенкела с летописным воеводой Свенельдом нельзя — Сфенкел погиб на войне, тогда как Свенельд свидетельствовал окончивший ее договор 971 г.; к тому же это явно разные скандинавские имена, Стейнкель и Свейнальд. Родной племянник Ольги — двоюродный брат Святослава и, конечно, как ближайший родич, следовал за ним по знатности.

Воевода Владимира Святого «князь Олег», первый и единственный носивший это имя вне династии, упоминается в связи с событиями Крещения Руси в так называемом Особом житии Владимира [13, с. 474]. Памятник это довольно поздний, что можно видеть и из именования Олега одновременно князем и воеводой, но вместе с тем использовавший более ранние и достоверные в основе источники о событиях 988–989 гг. Проблема в том, что имя воеводы Владимира нам известно, между тем как до начала XII в. никаких сведений о многих воеводах одновременно у одного и того же князя не отмечено. В качестве воеводы Владимира в НС [14, с. 131] и далее в ПВЛ еще до крещения выступает некто Волчий Хвост. И он же, согласно древней новгородской летописной повести о Любечской битве, являлся воеводой следующего князя Святополка Окаянного в 1016 г. [14, с. 15]. «Волчий Хвост», однако, выглядит скорее как прозвище, чем как личное имя, и может быть связано с культом волка и оборотническими поверьями, которые, в свою очередь, являлись важной составляющей представлений о «вещести» в славянской языческой культуре. Таким образом, нельзя исключить, что «Олег» — личное имя Волчьего Хвоста, и здесь мы имеем последнее прослеживаемое родословное звено в генеалогии потомков Олега Вещего. Конечно, все это построение остается только гипотезой.

СВЕНЕЛЬДИЧИ И ОСТРОМИРОВИЧИ

Гораздо в большей степени мы стоим на почве реальных генеалогических сведений при изучении истории знатных семейств Свенельдичей (X в.) и Остромировичей (XI в.). Им и их предполагае-

мым связям между собой посвящена значительная литература. Из прямых свидетельств летописцев следует, что киевский боярин новгородского происхождения Янь Вышатич и, возможно, его отец Вышата Остромирович являлись важнейшими источниками информации для автора НС и, если говорить о Яне, для автора ПВЛ (см.: [9, с. 220–226, 520–523; 15; 16]). С этим связывается и сохранившийся в летописных рассказах особый акцент на деятельности княжеских воевод начиная с Олега (в НС) или со Свенельда, воеводы Игоря и Святослава. Есть основания считать, что именно родовое предание Остромировичей легло в основу летописного повествования о не обеспеченных письменными источниками веках истории древнейшей Руси, а личные воспоминания Яня сформировали в ПВЛ значительную часть сведений об эпохе Ярослава Мудрого.

Старейший и единственный документальный источник, в котором упомянут Свенельд (Свенальд) — договор князя Святослава с императором Иоанном Цимисхием 971 г., который Свенельд свидетельствовал с русской стороны [17, с. 58]. Свенельд появляется в НС сразу после смерти Олега как его преемник в качестве воеводы Игоря. Вместе с тем он, подобно Олегу, предстает в это время скорее как предводитель собственного военного отряда («отроков»), противопоставляемых княжеским «мужам». Свенельд покоряет племена уличей в Нижнем Поднепровье, взяв после трехлетней осады их град Пересечен, и получает право сбора дани с них. Но, поскольку уличи переселились с прежних мест, Игорь, к недовольству своей дружины, передает Свенельду право сбора дани и с древлян. Зависть княжеской дружины к Свенельду и его «отрокам» в итоге приводит к тому, что Игорь идет к древлянам сам, собирает неурочную дань и убит ими [14, с. 109–110]. Далее, Свенельд упоминается как воевода уже Святослава, сына Игоря, возглавляя вместе с Асмудом войско княгини-матери Ольги во время мести древлянам [14, с. 110, 112–113]. Он (называемый теперь «воеводой отним») пытался в 971 г. отговорить Святослава от прорыва через занятые печенегами днепровские пороги по пути назад из Болгарии. Святослав не послушал, погиб в 972 г. сам и погубил большую часть оставшегося войска. Свенельд (по контексту, бросив отчаянного князя) привел в Киев к новому князю Ярополку хотя бы уцелевшие остатки [14, с. 123–124]. В дальнейшем из-за убийства своего сына Люта древлянским князем Олегом Свенельд разжигает

Применительно к домонгольскому времени можно говорить только о фактической наследственности боярского статуса, которая складывалась практическим, бытовым путем, но не была закреплена юридическими документами. Передача боярского статуса по наследству подразумевала не только сохранение богатства, но и добровольную поддержку главы государственного образования в различных вопросах. «Фактор службы» играл не менее важную роль, чем «фактор имущества». Кроме того, автор указывает, что государственная власть содействовала передаче боярского статуса по наследству, так как это соответствовало служебно-политическим интересам княжеской власти.

вражду Ярополка с братом, кончившуюся гибелью Олега. Тем самым он становится косвенным виновником и распри Ярополка с Владимиром, приведшей к падению и гибели уже Ярополка [14, с. 124–125]. В связи с этими последними событиями Свенельд уже не упоминается.

НС называет двух сыновей Свенельда. Первый из них — уже упомянутый Лют, убитый князем Олегом за нарушение границ его охотничьих угодий. Второй назван только под 945 г., как «опознаватель» для отца — «Свенельд, тот же отец Мстишин» [14, с. 110]. Показательно, что оба сына носят славянские имена, причем Мстиша — усеченная форма «княжеского» двусоставного имени Мстислав. Очевидно, имя Мстиши было достаточно хорошо известно в том кругу, которому летописец адресовал свое сочинение. Наиболее вероятно, что речь идет о важном персонаже боярской генеалогии, актуальной на момент содания НС. В НС, начиная с легенды о призвании

варягов, весьма заметны следы родового предания «новгородских людей от рода варяжского», возводивших себя к спутникам Рюрика [14, с. 106]. Единственные называемые им поименно лица, годящиеся на эту роль, — Вышата Остромирович и Янь Вышатич, который являлся ктиторм и другом печерских монахов. Последнее неизбежно делало его родословную известной в монастыре.

Идею о генеалогической связи Остромировичей и Свенельдичей в свое время разработал классик отечественного летописеведения А.А. Шахматов [18, с. 106–182, 358–371]. Правда, у него она оказалась осложнена как стремлением включить в этот родословный ряд практически всех летописных персонажей (не исключая князя Владимира), так и чрезвычайно отходящими от прямых данных источников интерпретациями исторических фактов. Это вызвало к жизни серьезную критику у многих позднейших ученых (см.: [16]). Вместе с тем, представляется, что хронологически Мстиша вполне мог быть отцом Остромира, и это обосновало бы его «случайное» упоминание в летописи.

Исходя из данных как о самом Остромире, так и о его внуке Яне, этот знатный новгородец должен был родиться примерно в начале 980-х гг. — не позднее и едва ли ранее. Благодаря изготовленному по его заказу Остромирову Евангелию 1057 г. известно его крестильное имя Иосиф. Он, вероятно, был участником войн Ярослава Мудрого против Святополка Окаянного и других соперников, но в связи с этими событиями не упоминается. Вместе с тем еще при Владимире он должен был вступить в брак, который сделал его свойственником («близким») правящей династии. Согласно сообщаемой об этом свойстве выходной записи Евангелия, жену Остромира и мать его детей звали Феофана [19, с. 14]. Это греческое имя, явно данное в честь матери жены Владимира Святого царевны Анны, с этой точки зрения перекликается с рядом имен, полученных в крещении как самим Владимиром (Василий, имя брата Анны), так и другими представителями его дома. В частности, Константином (так звали другого брата Анны) был назван сын Добрыни, новгородского наместника и дяди князя, предшественник Остромира на новгородском посадничестве. В летописях он известен только под крестильным именем (Коснятин). То, что Остромир был зятем Добрыни (и Коснятина по сестре), убедительно объясняет его «близость» к династии.

В НС Остромир упоминается под 1064 г. как отец Вышаты и «воевода Новгородский» [14, с. 184]. Ничто не указывает на то, что тогда он оставался в живых. Тем не менее в 1057 г. были еще живы и он, и Феофана. Выходная записка Евангелия — наиболее достоверный источник об Остромире. Согласно ей, Остромир, будучи «близок» князю Изяславу, унаследовавшему Новгород после смерти старшего брата Владимира (1052 г.) и Киев по смерти отца Ярослава (1054 г.), получил от него поручение «править» новгородским «столом» [19, с. 13–14].

В списке новгородских посадников [14, с. 164] Остромир стоит между Коснятином (сосланным после 1020 г.) и Завидом (первым в ряду посадников-регентов, правивших при князе Мстиславе с 1088 г.). До Завида посадники ставились нерегулярно править вместо князей, а не вместе с ними, и хронология не противоречит сведениям выходной записи.

Дополнительные сведения о посадничестве Остромира сообщает новгородская летописная выборка начала XV в. (так называемый Свод 1411 г.), использованная позже в общерусском летописном Своде 1418 г. Источником выборки за XI в. наряду с НС и ПВЛ послужили какие-то восходящие к тому времени новгородские летописные записи [9, с. 191–192]. Здесь сообщается, что Изяслав после смерти отца пришел в Новгород «и посадил Остромира в Новгороде». После этого Остромир с новгородцами совершил поход на чудь (эстов), «и убила его чудь, и много пало новгородцев с ним». Изяслав тогда пошел на чудь сам, взяв их «осек» Кедипив [20, с. 65].

В том, что Остромир в более чем преклонном возрасте еще водил войска, нет ничего невозможного, — то же делал в еще более преклонные годы и его внук Янь, да и вообще такие ситуации известны в истории. (Замечу, что в научной литературе при обсуждении хронологического аспекта данной родословной слишком часты суждения о «возможном» и «невозможном», основанные не на источниках или объективных фактах, а на априорных представлениях ученых.) Тем более неудивительно, что он погиб при поражении. В летописной выборке эти события сгруппированы под 1054 г., но гибель Остромира должна датироваться временем после 1057 г. Поход Изяслава на чудь-солов, этот же или следующий, упоминается в НС под 1060 г.

Остромир и Феофана, согласно выходной записи Евангелия, имели на исходе дней в 1057 г.

нескольких взрослых и вступивших в браки детей. Из них известен только Вышата, названный сыном Остромира при единственном прямом упоминании в НС под 1064 г. Он должен был появиться на свет около 1000 г. — во всяком случае, не позже. В отличие от остававшегося в Новгороде отца, Вышата, видимо, служил в дружине Ярослава Мудрого в Киеве. Согласно ПВЛ (где при первом упоминании Вышата назван «отцом Яневым»), в 1043 г. он стал по поручению Ярослава воеводой княжившего тогда в Новгороде князя Владимира Ярославича — возможно, вместо стареющего Остромира. Вышата должен был возглавлять новгородцев в предпринятом Владимиром по приказу отца походе на Константинополь, который закончился разгромом. Вышата отказался спастись вместе с князем и его дружиной морем, а спрыгнул с ладьи и остался с выброшенными на берег тысячами новгородских ополченцев. Их пеший поход к Дунаю был обречен, и многих пленников ромеи ослепили. Не уточняется, впрочем, разделит ли эту судьбу сам Вышата. Он вернулся к Ярославу в 1046 г. после заключения им мира с императором Константином Мономахом [21, стб. 154].

В 1064 г. Вышата вместе с другим знатным новгородцем Пореем сопровождал сына Владимира Ярославича, Ростислава, в побеге от его дядьев, у которых княжич, судя по всему, жил на положении пленника. С помощью своих новгородских спутников Ростислав достиг Тмутаракани на другом конце Руси и захватил ее [14, с. 184]. Только в связи с этим о Вышате и говорится в НС. Во время княжения Ростислава и пребывания Вышаты в Тмутаракани там находился покинувший Киев из-за ссоры с князем Изяславом печерский священник Никон Великий, будущий игумен монастыря, прославленный переводчик и вероятный основной автор НС. Некоторые отразившиеся в НС и невольно сохраненные в ПВЛ идеи (в частности, что династия своим существованием обязана новгородцам и их праву самим выбирать себе князей) прозрачно отражают политические настроения Вышаты и его новгородских единомышленников на момент описанных событий. Вся история с бегством Ростислава была проявлением недовольства части новгородцев после смерти Остромира прямым управлением из Киева. Вышата, возможно, умер раньше, чем отравленный ромейским офицером в 1066 г. Ростислав, — во всяком случае, после 1064 г. он нигде не упоминается.

Янь Вышатич родился в 1016 г. [21, стб. 281], будучи, очевидно, первым ребенком Вышаты. Его дружинная карьера намного яснее, чем у отца, связана с великокняжеской службой и с югом. Началась она, вероятно, в дружине Ярослава Мудрого, а после его смерти Янь был боярином Святослава Ярославича Черниговского. Особо высокого положения среди бояр Янь в этот период не занимал (может быть, и ввиду нелояльности отца) — в частности, его нет среди участников утверждения правового кодекса «Правда Ярославичей». Известно, что он в какой-то момент между 1054 и 1073 гг. с отрядом из 12 «отроков» был отправлен собирать дань с самой северной части владений Святослава, полуязыческой еще Ростовской земли. При этом случае он схватил и истребил волхвов, устроивших в голодный год масштабную охоту на ведьм, якобы «державших обилие», по местным селениям. Рассказ Яня об этом включен в НС под 1071 г. в составе так называемого «повествования о волхвах». В нем Янь предстает как ревностный христианин, — возможно, в большей степени, чем собственный его князь, к которому он волхвов вести отказался [14, с. 192–194].

Тесным связям Яня с Киево-Печерским монастырем и его насельниками начало было положено еще до захвата Святославом Киева в 1073 г. (которого игумен Феодосий не признал). Вероятно, в какой-то предшествующий момент Янь переселился в Киев (унаследовав отцовский двор?). Помимо общения с автором НС известно, что Янь и его жена Мария неоднократно принимали у себя самого Феодосия (ум. 1074), «ведь Феодосий любил их, поскольку жили по заповеди Господней и в любви между собой пребывали». Однажды Феодосий обещал Марии, что та погребена будет рядом с ним. Это сбылось, когда Мария умерла (16 августа 1091 г.) и была похоронена в монастырской церкви Святой Богородицы напротив незадолго до этого установленной там раки с мощами Феодосия [21, стб. 212].

К этому времени Янь уже выдвинулся в первые ряды киевского боярства и к 1089 г. являлся киевским тысяцким — главой городского самоуправления и ополчения [21, стб. 208]. В 1093 г. во время похода на половцев нового киевского князя Святополка Изяславича Янь вместе с Владимиром Мономахом и «смыслеными мужами» пытался отговорить киевлян от битвы с кочевниками, но не преуспел, что привело к поражению [21, стб. 219]. Янь прожил 90 лет, «в старости маститой жил

по закону Божьему не хуже первых праведников», и умер в 1106 г., в этом году еще сходя в успешный поход на половцев (видимо, больше как символический предводитель при воеводе Святополка Иванке Захарьиче). Янь был погребен в притворе печерской церкви 24 июня 1106 г. [21, стб. 281]. О потомстве его ничего не известно.

Киевский воевода, затем тысяцкий Путята называется братом Яня единственный раз под 1106 г. в общерусском летописном Своде 1418 г., где утверждается, что он ходил с братом в последний поход [20, с. 99; 22, стб. 218]. В ПВЛ таких данных нет, но аналогичная приписка сделана в Ипатьевском списке, списанном с южнорусского оригинала на северо-западе Руси тоже в конце 1410-х — начале 1420-х гг. [23, стб. 257, прим. Д]. Таким образом, источник сведений установлен точно быть не может, но и мотивации для вымысла в этом вопросе у книжников начала XV в. не имелось. Потому большинство ученых признает Путяту братом Яня Вышатича. Судя по своей ратной активности на рубеже XI–XII вв., Путята был заметно моложе, — может быть, сыном Вышаты от другого, позднего брака. Подобно брату, он служил киевским князьям и влился в первые ряды киевского боярства.

Путята известен, в первую очередь, как верный соратник киевского князя Святополка Изяславича. К концу 1090-х гг. Путята являлся его воеводой, в августе 1099 г. был послан удерживать Владимир-Волынский в усобице против князя Давыда Игоревича; в 1100 г. участвовал от имени своего князя в посольстве к Давыду с ультиматумом от княжеского съезда; в 1104 г. водил рать Святополка в союзе с другими князьями на минского князя Глеба [21, стб. 272, 274, 280]. Как уже сказано, участвовал он, возможно, и в победоносном рейде на половцев в 1106 г., когда кочевников гнали до Дуная и отбили у них русский полон [23, стб. 257]. После смерти брата или даже ранее Путята занял пост киевского тысяцкого. Когда в 1113 г. умер Святополк, находившийся в весьма тяжелых отношениях с киевской знатью, духовенством и городской общиной, двор Путяты был в числе первых разграблен восставшими киевлянами [23, стб. 275]. Не говорится, чтобы он пострадал лично, но и в источниках он в последующем не упоминается. Нет сведений и о его потомстве.

МАЛКОВИЧИ

Наиболее ясная из рассматриваемых здесь родословных — генеалогия Малковичей, центральным

персонажем которой является дядя Владимира Добрыня. Это также и один из наиболее очевидных примеров приобретения и удержания боярства людьми незнатного состояния — правда, в данном случае благодаря родству с самой правящей династией.

Родоначальником семейства был некто Малк Любечанин. Имя указывает на происхождение его из Любеча, в начале X в. одного из автономных центров руси, к середине X в., — видимо, уже княжеского замка. Дочь Малка Малуша была рабыней и ключницей княгини Ольги [14, с. 121, 125]. Малк, вероятно, тоже был несвободным, — может быть, управителем Любечского замка. Сыном Малка и братом Малуши и являлся Добрыня.

Малуша стала наложницей князя Святослава и произвела от него на свет сына Владимира. Когда княжич подрос, это, вероятно, подняло статус Добрыни и всего семейства, — во всяком случае, приблизило Добрыню как воспитателя-кормильца племянника ко двору Святослава. Согласно НС, когда в 969 г. новгородцы потребовали у уходящего на Болгарскую войну Святослава дать им князя, а тот пренебрежительно отмахнулся от них, то именно Добрыня присоветовал просить себе Владимира. Святослав легко отдал новгородцам побочного сына, и Добрыня с племянником отбыл в Новгород [14, с. 125].

Добрыня оставался ближайшим соратником Владимира все первые годы его правления. Во Владимирском летописном своде содержится предание, восходящее к Переяславской летописи первой половины XII в., о том, что Добрыня сыграл решающую роль в захвате Владимиром Полоцка около 977 г. Оскорбленный отказом племяннику полоцкой княжны Рогнеды, назвавшей Владимира «робиичем» и тем оскорбившей его лично, Добрыня добился похода на Полоцк и возглавил его, расправившись с тамошней княжеской семьей и отдав Рогнеду племяннику [21, стб. 299–300]. После завоевания Владимиром Киева, ок. 980 г., Добрыня был отправлен им в качестве наместника в Новгород (точный титул его неизвестен, во всяком случае «посадником» он не был и в список посадников не включается). Придя туда, он установил над Волховом идол Перуна, культ которого Владимир тогда пытался распространять [14, с. 128]. В 985 г. Добрыня вместе с Владимиром участвовал в походе на Волжскую Болгарию. НС связывает с его именем совет Владимиру отказаться от походов на соседние развитые государства, которые все равно не станут данниками, и сосредоточиться на

объединении схожих между собой по образу жизни «лапотников». С волжскими болгарами был заключен мир [14, с. 132].

Вопрос о генеалогии раннего русского боярства рассматривается как в специальных научных работах, так и в общеисторическом и источниковедческом аспектах. Изучение данной темы позволяет раскрыть многие спорные моменты политических процессов на Руси и сопредельных территориях и понять принципы формирования древнерусской элиты. Родословные боярских родов — это летопись возвышений и падений, борьба за влияние и место при княжеском дворе. Через судьбы этих семей можно проследить изменения системы управления государством.

Сведения об участии Добрыни в крещении Новгорода и других областей Северной Руси появляются в летописях только к концу XV в. (см. сводку: [24, с. 332–333]). Достоверные это сведения или просто признак складывающегося эпоса о Добрыне, нет способов установить. По крайней мере, предание о крещении Новгорода Добрыней «огнем и мечом» содержится исключительно в так называемой Иоакимовской летописи — источнике, мягко говоря, сомнительном, если и не безнадежно сомнительном, по происхождению и по содержанию [9, с. 200–201; 24, с. 333–335]. Ранние рассказы XI–XV вв. о крещении Новгорода Добрыню не упоминают. Время смерти Добрыни неизвестно. Очевидно, это все-таки действительно произошло уже после крещения, когда Владимир отправил княжить в Новгород сына Вышеслава [14, с. 159, 161].

Как отмечалось выше, дочерью Добрыни могла быть Феофана, жена будущего новгородского посадника Остромира, что объясняет внимание к Добрыне в созданном по преданиям Остромировичей НС. Сыном Добрыни был Коснятин, первый

после легендарного Гостомысла известный новгородский посадник. На этой должности его оставил Ярослав Мудрый при вокняжении в Киеве в 1016 г. [14, с. 161, 164]. В 1018 г., когда Ярослав, разгромленный польским князем Болеславом, собирался бежать из Новгорода в Скандинавию, Коснятин во главе новгородцев помешал этому и заставил князя продолжать борьбу [21, стб. 143]. Утвердившись в Киеве в 1019 г., Ярослав посадил в Новгороде своего сына Илью, но уже в 1020 г. тот скоропостижно и безвременно умер. Князь разгневался на Коснятина, «поточил» его (т.е. взял под арест и отнял имущество) и выслал под стражу в Ростов. В 1023 г., когда Ярослав угрожали языческие беспорядки в Ростовской земле и вторжение брата Мстислава Тмутараканского, Коснятина перевели в Муром и здесь, на берегу Оки, убили [14, с. 161; 20, с. 62].

О наличии у Коснятина или иных, неизвестных нам, детей Добрыни потомства прямых данных нет. Можно было бы, например, как-то связать с Коснятином воеводу киевского князя Изяслава Ярославича в 1060-х — начале 1070-х гг., носившего имя Косняч или Коснячко. Во всяком случае, это всего второй известный нам персонаж, носящий «царское» крестильное имя Константин вне княжеского семейства. Более надежно проследить за употреблением сравнительно редкого имени «Добрыня». Оно встречается затем в русской знати не раз. Это может быть показатель как популярности сказаний о Добрыне, превративших его в былинного героя, так и реальных родословных связей. Первый известный — Добрыня Рагуилович, новгородский боярин, возглавлявший в 1096 г. авангард войск княжившего тогда в Новгороде Мстислава Великого в походе на Ростов [21, с. 238]. Позднее, в начале XII в., Добрыня был посадником и умер на этом посту 6 декабря 1117 г., через несколько месяцев после того, как Мстислав ушел из Новгорода к своему отцу Владимиру Мономаху, оставив княжить своего сына Всеволода [14, с. 20]. Возможно, что родословная линия Малковичей продолжилась и в XII в.

ВЫВОДЫ

Данный генеалогический очерк не только предлагает некоторые решения частных проблем, но и демонстрирует особенности функционирования правящей элиты Руси на стадии государствообразования. Появление аристократических династий, существовавших три и более поколения, не теряя положения в обществе, определенно было возможно. Правда, стоит обратить внимание, что все известные

связаны корнями с княжеской дружиной и, что еще принципиальнее, находятся в родстве с княжеским домом. «Теневых династий», управляющих вместо князей, на Руси, в отличие от некоторых в том числе и славянских ранних государств, не появилось, и такие попытки обычно жестко пресекались князьями. Только к концу XI в. начинается обособление локального боярства от княжеской дружины, заметное, в частности, по появлению постоянного посадничества в Новгороде.

Элита являлась полиэтничной по происхождению, что восходило к полиэтничной природе сообщества первоначальной руси (см.: [7]). Вместе с тем по мере движения от руси к Руси, раннему государству на славянской основе, происходила полная ассимиляция неславянских элементов

в правящем слое, особенно ускорившаяся после принятия христианства. Архаический «принцип крови» имел ключевую роль в формировании элиты, как еще и века спустя, хотя говорить о наследовании боярами конкретных должностей как системе было бы неверно — там, где подобное происходило, речь шла о конкретных и особых ситуациях. Между тем действовал и государственный по природе «принцип службы», определявший как функции конкретного боярина в княжеской администрации и дружине, так и попадание в верхи лиц незнатного происхождения. Тенденция к противостоянию и взаимодействию «принципа крови» и «принципа службы», с постепенным и не без реакций оттеснением первого последним, становится характерна для развития русской элиты в последующие века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горский А. А. Древнерусская дружина: к истории генезиса классового общества и государства на Руси. Москва: Прометей; 1989. 124 с.
2. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. Москва: Индрик; 2012. 566 с.
3. Алексеев С. В. Аристократия Древней Руси IX–XII вв. Москва: Академический проект; 2020. 277 с.
4. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Москва: Наука; 1969. 583 с.
5. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. Москва: Наука; 1988. 352 с.
6. Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2011. 300 с.
7. Алексеев С. В. Русь и восточные славяне в IX в.: источники и история. Москва: ИПО «Радетель»; 2025. 840 с.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. Москва: Русский фонд Содействия Образованию и Науке; 2009. 264 с.
9. Алексеев С. В., Плотникова О. А. От предания к литературе: устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славянской словесности. Москва: Академический проект; 2021. 750 с.
10. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. V. Древнескандинавские источники. Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. Москва: Русский фонд Содействия Образованию и Науке; 2009. 384 с.
11. Бибииков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. Нарративные памятники. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2009. 528 с.
12. Лев Диакон. История. Пер. М. М. Копыленко, комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Москва: Наука; 1988. 240 с.
13. Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси: Древнейшие письменные источники. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко; 2008. 576 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Насонов А. Н., ред. Москва: Языки славянской культуры; 2000. XII + 720 с.
15. Горский А. А. Янь Вышатич: проводник по истории Руси XI века. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2021. 192 с.
16. Гимон Т. В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи. В: Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2013:65–117.

17. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. Сост. А.А. Зимин, под ред. С.В. Юшкова. Москва: Государственное издательство юридической литературы; 1952. 288 с.
18. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Александрова, 1908. XX + 687 с.
19. Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. Москва: Наука; 2000. 543 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. Лурье Я.С., ред. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2002. 224 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Карский Е.Ф., ред. Москва: Языки русской культуры; 1997. 496 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. Москва: Языки русской культуры; 2000. VIII+312 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. А.А. Шахматов АА., ред. Москва: Языки русской культуры; 1998. 648 с.
24. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Москва: Наука; 1974. 448 с.

REFERENCES

1. Gorsky A. A. Old Russian squad: On the history of the genesis of class society and state in Rus'. Moscow: Prometheus; 1989. 124 p. (In Russ.).
2. Stefanovich P. S. Boyars, youths, squads: The military-political elite of Rus' in the 10th-11th centuries. Moscow: Indrik; 2012. 566 p. (In Russ.).
3. Alekseev S. V. Aristocracy of Old Rus' in the 9th-12th centuries. Moscow: Academic project; 2020. 277 p. (In Russ.).
4. Veselovsky S. B. Research on the history of the class of service landowners. Moscow: Nauka; 1969. 583 p. (In Russ.).
5. Zimin A. A. Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th — first third of the 16th century. Moscow: Nauka; 1988. 352 p. (In Russ.).
6. Volodikhin D. M. Social composition of the Russian voivode corps under Ivan IV. St. Petersburg: Petersburg oriental studies; 2011. 300 p. (In Russ.).
7. Alekseev S. V. Rus' and Eastern Slavs in the 9th century: Sources and history. Moscow: IPO "Radetel"; 2025. 840 p. (In Russ.).
8. Old Rus' in light of foreign sources. Vol. III. Eastern sources. Comp. T. M. Kalinina, I. G. Konovalova, V. Y. Petrukhin. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science; 2009. 264 p. (In Russ.).
9. Alekseev S. V., Plotnikova O. A. From Tradition to literature: Oral historical and epic tradition in the most ancient monuments of slavic literature. Moscow: Academic Project; 2021. 750 p. (In Russ.).
10. Old Rus' in light of foreign sources. Vol. V. Ancient Scandinavian sources. Comp. G. V. Glazyrina, T. N. Jackson, E. A. Melnikova. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science; 2009. 384 p. (In Russ.).
11. Bibikov M. V. Byzantinorossica: A Corpus of Byzantine Testimonies about Rus'. Vol. II. Narrative Monuments. Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus'; 2009. 528 p. (In Russ.).
12. Leo the Deacon. History. Trans. M. M. Kopylenko, comment. M. Ya. Suzyumov, S. A. Ivanov. Moscow: Nauka; 1988. 240 p. (In Russ.).
13. Milyutenko N. I. Holy Prince Vladimir, Equal to the Apostles, and the Baptism of Rus': The earliest written sources. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House; 2008. 576 p. (In Russ.).
14. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions. Nasonov A. N., ed. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2000. XII + 720 p. (In Russ.).
15. Gorsky A. A. Yan Vyshatich: A guide to the history of Rus' in the 11th century. St. Petersburg: Nestor-History; 2021. 192 p. (In Russ.).

16. Gimon T. V. Yan Vyshatich and oral sources of the Old Russian Primary Chronicle. In: The Oldest states of Eastern Europe. 2011: Oral tradition in written text. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2013:5–117. (In Russ.).
17. Monuments of Russian Law. Issue 1. Monuments of Law of the Kiev State of the 10th-12th Centuries. Comp. A. A. Zimin, ed. by S. V. Yushkov. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1952. 288 p. (In Russ.).
18. Shakhmatov A. A. Research on the Oldest Russian Chronicle Codes. St. Petersburg: Print. M. M. Alexandrov, 1908. XX + 687 p. (In Russ.).
19. Stolyarova L. V. Corpus of records of scribes, artists and bookbinders of ancient Russian parchment codes of the 11th-14th centuries. Moscow: Nauka; 2000. 543 p. (In Russ.).
20. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 42. Novgorod Karamzin Chronicle. Ed. Y. S. Lurye, comp. A. G. Bobrov, Z. V. Dmitrieva. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. 224 p. (In Russ.).
21. Complete collection of Russian chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle. Karsky E. F., ed. Moscow: Languages of Russian Culture; 1997. 496 p. (In Russ.).
22. Complete collection of Russian chronicles. Vol. VI. Issue 1. Sofia First Chronicle of the Older Edition. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. VIII+312 p. (In Russ.).
23. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. II. Ipatiev Chronicle. Shakhmatov A. A., ed. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 648 p.
24. Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich. Moscow: Science; 1974. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Российская Федерация; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Российская Федерация
Sergey V. Alekseev — Dr. Sci. (History), Prof., Prof. of the Department of History, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>
ipo1972@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.04.2025; принята к публикации 11.05.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 21.04.2025; accepted for publication 11.05.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.